

9(c)13

С 83

И. СУКНЕВИЧ

БИТВА НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Второй том повести — это история жизни Дмитрия Донского, его борьбы с татарскими захватчиками и его победы над ними. В этом томе описаны события, которые привели к битве на Куликовом поле.

И. СУКНЕВИЧ

БИТВА НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Художник Юрий СЕМЕНОВ

В работе над книгой принимал участие
Игорь МИНУТКО

С 70803—240 098—77
078(02)—77

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

КОМУ БЫТЬ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ?

1359 году в Москве умер великий князь Иван Иванович. Похоронили его в церкви святого архангела Михаила рядом с отцом, прозванным Калитой, и братом Семеоном, получившим за непокладистость и своеволье прозвище Гордый. Ивана Ивановича величали «красным», то бишь красивым. И боле ничем не был славен усопший.

Кто теперь на великое княжение сядет? Многие князья русские зарятся на заветный престол. Знают бояре знатные, купцы и народ московский: был великий князь Иван Иванович в большой дружбе с митрополитом. И совет с ним держал по делам княжеским, и мысли поверял тайные.

Известно: мудростью славится Алексей и настойчивостью в достижении цели поставленной. Должно быть, посему его и назначил опекуном своего старшего сына Дмитрия великий князь в последние дни своей жизни.

Вот ведь судьба, к власти возносящая! Давно ли из разоренного татарами Чернигова бежал в Москву отец Алексея, боярин Федор Бяконт, бить челом московскому князю Даниилу Александровичу, просить службы, а умысел известный: надеялся боярин, как и иные переселен-

цы, обрести в Москве покой, спрятаться от татар в окруженном дремучими лесами городе. И обласкан был московским князем, ко двору пришелся Федор Бяконт. А когда появился у него первенец, нареченный Елевферием, стал его крестным отцом сын Даниила Александровича Иван, будущий Калита. Когда возмужал отрок, решили Елевферия сделать митрополитом: умен, набожен, в книжной премудрости преуспел, широко мыслит — не токмо о своих заботах печется, о печалях земли русской скорбит.

Нужен Руси свой митрополит. Посланцам константинопольского патриарха чужды русские беды, заботы.

Вот и постригли двадцатилетнего Елевферия в монахи, нарекли Алексием. Надеялись видеть великокняжескую Москву и стольным градом православной веры.

И не обманулись в ожиданиях. Рагует митрополит за единение земель русских во имя защиты единства русской церкви.

Нет человека более достойного для опеки малолетнего князя.

Жарко натоплено в митрополичьих палатах. Но не от жары разомлел Алексей. Дела церковные, заботы великокняжеские утомили его за день. После скромной трапезы ходит Алексей по своим палатам, шаги быстрые, что у мирян, мысли торопливые. Трудно усмирить беспокойство, обуявшее его томление духа. Тяжко дышит, словно воздуха не хватает.

Спать надо: утро вечера мудренее. Помолился, лег на жесткое ложе.

И снится Алексию... И вроде бы даже не снится, а наяву все: где-то рядом великий князь Иван Иванович, только увидеть невозможно. И слышит митрополит княжеский голос:

— Во имя отца и сына и святого духа. Я, грешный, ничтожный раб божий, Иван Иванович, никем не приуключаем, в здравом своем уме, в полном здоровье, на

случай, если бог что решит о моей жизни, даю завещание своим сыновьям, братаничу — племяннику моему, князю Володимеру и княгине моей...

«Проснуться бы», — думает во сне Алексей.

И снится ему, что и впрямь проснулся, глаза открыть надобно, а они не открываются... Встать, встать с ложа, но руки и ноги неподвижны, тело будто чужое, не повинуется воле. Напрягая все силы, он, как ему чудилось, открывает тяжелые веки... В опочивальне полутьма. Светится привычно лампадка. И снова смежаются веки, сами, не удержать их свинцовой тяжести. А княжеский голос звучит рядом, из призрачной тьмы:

— Приказываю отчину свою Москву сынам моим, князю Дмитрию и князю Ивану, а князю Володимеру — третью часть доходов с нее.

Теперь проснулся митрополит Алексей. Быстро поднялся, торопливо осенил себя крестным знамением. Ночь еще, чернота... Алексей подошел к божнице, перед которой мерцали лампы, и трепетные язычки пламени отражались в драгоценных камнях на окладах икон. Митрополит опустил на колени, и тихая, страстная молитва наполнила опочивальню, молитва об успокоении души усопшего великого князя Ивана Ивановича.

...Уже и утро серым светом заглянуло в оконца. Не до сна теперь. Думы о девятилетнем Дмитрии, коего надлежит ему, митрополиту всея Руси, сделать великим князем, не дают Алексию покоя.

Знал митрополит: сильные у малолетнего московского князя супротивники. Михаил тверской, князья суздальско-нижегородские, Олег рязанский — они главная помеха на пути Дмитрия к великому престолу.

Разгоняли сон митрополита думы и о том, как объединить Русь под началом Дмитрия. Тяжко будет. Ведь нет ничего дороже иным князьям их удельной независимости.

Раздоры на русской земле между князьями, спор, по-

рой кровавый, распри делают Русь беззащитной перед полчищами татарскими.

Какой хитростью, какой силой избавиться от ига ордынского?

...Уже заалело в оконцах — вот-вот встанет солнышко. «Как-то там мои княжичи? — подумал митрополит. — Детский сон под утро крепкий».

* * *

Но не спали уже княжичи. Дмитрия ни свет ни заря разбудили голоса младших братьев. Открыл он глаза и увидел: двоюродный его брат Владимир расставляет на полу ярко раскрашенных коников, Иван к себе их тянет. Мальчики ссорятся.

Спрыгнул Дмитрий с высоких пуховиков, подошел к братьям:

— Вы чего тут? — спросил, как старший.

— Да-а-а... — затянул Иван. — Володимер говорит, что у меня кони ордынские, а сам я Щелкан. Не хочу!

— И я не буду Щелканом! — упрямо сказал Владимир.

Дмитрий посмотрел на двоюродного брата — был он на три года младше его. А Иван так совсем маленький, обижать его негоже. Как правильно, по справедливости рассудить?

— Пусть вот как будет, — сказал Дмитрий. — Смотрите! — Он взял игрушечного всадника, сидящего верхом на широкогрудом коне. — Вот он, Щелкан!

Младшие братья рассмеялись: хитер наш Дмитрий!

— Ты, Володимер, — продолжал Дмитрий, — обратись в бесстрашного Дюдко, а вот здесь речка протекает. — И он указал на дальний угол комнаты.

Владимир быстро стянул с резной лавки ярко-синее сукно и побежал расстилать его в указанное Дмитрием место — вот вам и речка! Теперь надо кобылицу напоят. И мальчик повел коня на водопой.

Дмитрий взял лошадку с всадником, который был теперь Щелканом, и татарин поскакал прямо к коню Дюдко.

— Отдавай кобылицу! — закричал Дмитрий.

Конь Владимира поскакал быстрее. Щелкан не отставал.

— Моя сила татарская сильнее твоей, лучше отдавай! — Дмитрий протянул руку к конику. Сунув в рот два пальца, свистнул, будто бы Щелкан, разбойничьим посвистом.

Иван пронзительно завизжал, и оба мальчика начали отнимать у Владимира коня.

Владимир упал на коника, чтоб защитить его своим телом, и отчаянно отбивался от наседавших на него братьев. Когда же мальчик почувствовал, что рослый и сильный Дмитрий одолевает его, закричал:

— О мужи тверские! Помогите!

Иван тут же переметнулся на его сторону: он прыгнул на спину Дмитрия, прижавшего к полу Владимира, и, крепко обхватив его шею, изо всех сил потянул на себя.

Дмитрий, не ожидавший нападения, откинулся назад. Мгновенья было достаточно, чтобы быстрый Владимир вскочил на ноги и побежал к двери.

— Бей в колокол! — крикнул он Ивану.

Дмитрий догнал Владимира, и они снова, вцепившись друг в друга, покатались по полу.

— Дили, дили! Бом, бом! — во весь голос кричал Иван, размахивая руками, словно раскачивал колокол. И внезапно замолчал: в дверях стоял митрополит Алексий. Мальчик на мгновение замер, потом бросился, стуча босыми пятками, к своей высокой постели, поспешно взобрался на нее и юркнул под одеяло.

Дмитрий и Владимир, раскрасневшиеся и виноватые, смиренно стояли, не в силах решить: искать ли, как Иван, спасения в постели или прощения просить и бла-

гословения. Знали: грех играть в исподнем белье, не сотворив молитву и не умыв лица.

— А мы тут татар били, — робко начал Владимир.

Отец Алексей сдержал улыбку, оглядывая разбросанных на полу коников, подушки, валики, опрокинутые табуретки.

— Мы будто тверичи, — поддержал брата Дмитрий, — бьем Щелкана, что пришел в Тверь.

«Дай бог увидеть вас на ратном поле, а не токмо детскую игру в битву с татарами. А пока и то хорошо, что играете в такие игры. И особенно ты, Дмитрий. Семя сею, и оно всходит», — не без удовольствия думал митрополит Алексей, глядя на детей. Но воспитание княжичей должно быть в строгости. И он с суровостью в лице и твердостью в голосе сказал:

— Не подобает московским княжичам быть простолюдинами. Престол княжеский высится над людьми простыми недосыгаемо. — И, обращаясь к Дмитрию, добавил: — Знай, княже, что твой отец, московский князь Иван Иванович, был и великим князем владимирским, первым среди всех русских князей. А теперь, после кончины его, освободился великокняжеский владимирский престол. И уже скачут, спешат в Орду и князь тверской, и рязанский, и нижегородский, и прочие князья. Каждый алчет получить ярлык на великое княжение. Везут они хану, ханшам и вельможам татарским дары многие, золото, серебро и лстивые речи. А московский князь Дмитрий Иванович что помышляет? — И внимательно, вопрошающе посмотрел митрополит всяя Руси на своего подопечного.

Дмитрий стоял растерянный. Только что было так весело... Он взглянул на братьев, как бы ища у них поддержки, но они безмолвно смотрели на него: пусть отвечает — он старший.

Дмитрий подошел к митрополиту, открыто посмотрел ему в глаза. И сказал:

— Научи, владыко. Я не ведаю, что сотворить...

— Собирайся и ты в Орду, княжич, тягаться с князьями русскими за первенство на Руси.

С этими словами Алексей благословил мальчиков.

* * *

Из покоя княжичей митрополит направился на раннее богослужение. Стоял в храме, слушал голос протодьякона, читавшего молитву, смотрел на высокий потолок, с коего сурово взирал на него лик Христов, а суетные мысли все возвращались вопреки воле к делам мирским. После богослужения вместе со старейшими боярами пошел Алексей в Думную палату.

— Пусть и Дмитрия кликнут: пора ему привыкать к делам княжеским.

...Сидят в Думной палате митрополит всяя Руси Алексей, княжич Дмитрий и бояре знатные, чьи не токмо отцы, но и деды верой и правдою служили московским князьям. Трудную думу думают: как добыть своему князю ярлык на великое княжение, а себе честь? Везти ли в Орду на поклон к хану всех трех княжичей или одного Дмитрия? Или только послать с богатыми дарами послов?.. Как быть?

Кричат бояре, перебивают друг друга, лица покраснелись, пот по щекам течет, бороды разлохматились.

«И чего они расшумелись? — думает Дмитрий, не вникая в речи боярские. — Скучно... Поиграть бы с братьями. Или по двору побегать, тонкий ледок подавить на лужах сапожками».

Все шумят бояре, только митрополит тих, задумчив. Скучно Дмитрию. Ан муха! Села тысяцкому Вельяминову на красный широкий нос, перелетела на лоб... Вон как головой боярин крутит! Смешно княжичу.

Чу! Прислушался Дмитрий, похоже, конь скачет, часто бьют копыта по земле. Остановился, заржал призывно.

Хочется, сил нет как хочется князю московскому Дмитрию выбежать на улицу, поглядеть: кто же это прискакал?

Но вот чьи-то спешные шаги за дверями дубовыми. Кто-то идет к Думной. Открывается дверь...

— Ты что? — в изумлении приподнялся со своего места один из бояр, обращаясь к человеку, появившемуся в дверях. То был его тиун, управитель двора боярского, что стоял верстах в тридцати от Москвы.

Тиун в поклоне распластался по полу.

— Вели ему, князь Дмитрий Иванович, слово молвить, — сказал, повернувшись к княжичу, митрополит Алексей.

— Велю тебе, говори! — произнес мальчик и смутился от непривычки повелевать: щеки заалели.

— Боярин светлый, Михаил Юрьевич, спалили смерды * твой двор... — И снова тиун согнулся, словно подставил спину под удар плети: недоглядел, мол, виноват.

Смотрит на слугу своего боярин, ртом жадно воздух хватая, руки ворот от шеи рвут: дышать нечем. Багровеет лицо — знать, вся кровь к нему хлынула. А тиун продолжает дальше сдавленным от страха голосом:

— Оброк собирали. Известное дело, осень, урожай поспел. Рожь брали, ярь, ячмень, овес, просо... Все брали, что положено. Да стали вдруг смерды кричать, что лишнее берем, не по закону, не так, как с отцов и дедов брали. Тут выступил вперед Тришка Миньков, смутьян известный: «Отвези, — кричит, — к боярину на московский двор шкуру мою! Обдерн меня и вези! Может, он и ее на торгу московском вместе с житом повелит продать, пусть богатеет!» — Перевел дух тиун и дальше рассказывает: — На коне я был, в руках кнут... Не стерпел, полоснул Тришку по широкой груди. А не-

* Смерд — крестьянин-земледелец.

много погода, боярин, пламя над твоим двором поднялось до самого неба. И мое добро погорело. Стали смердов считать: кто тут, кого нету, чтоб понять, чьих это рук дело. Тришка и Фетка сбежали. Знать, они виновны.

Опять тиун лежит пластом на полу перед боярином: и смерть принять готов, и повеление, что дальше делать.

Словно буря вдруг налетела: зашумели, заговорили бояре все разом. Княжич Дмитрий успевает только головой вертеть, не знает, кого слушать. Кричат бояре.

— Святитель Алексей, учини расправу.

— Да покруче, общая это беда наша.

— Ныне у одного боярина двор спалят, завтра у другого.

Сурово сдвинулись брови митрополита:

— Княжких воинов пошлем на подмогу твоей силе, боярин Михаил Юрьевич. А Фетку с Тришкой повелим искать. Негоже им было быть землепашцами, будут холопами, ибо послушание господам своим, веленое богом, забыли.

Слышится Дмитрию в голосе митрополита Алексея твердость, будто железы друг о дружку стукнулись. И видит: светлеют лица бояр от слов владыки, спокойнее становятся. Вспомнил княжич поучение опекуна: всегда должен князь защищать бояр своих — от всех, кто смуту, неповиновение учинит, будь то смерды, холопы аль градские черные люди *. По то и крепят они власть своего князя.

Говорит Алексей в тяжелой тишине, наполнившей Думную палату:

— По всем церквам священнослужители страшат поджигателей, грабителей добра господского карой

* Черными людьми, или гражданами, назывались в русских городах XIV—XV веков люди свободные, но платившие подати.

божьей, страшным судом за такой грех, да без сильной княжеской власти каяться перестанет простой люд, молитвы позабудут, не токмо господ своих. — Помедлил митрополит, на боярина Михаила Юрьевича глянул. — А тебе, боярин, будет княжеская помощь: пошлем в удел твой ратных людей для усмирения, чтобы другим неповадно было.

Слушает Дмитрий Алексия, и представляются ему черные люди, смерды в облике чудищ в медвежьих лохматых шкурах. Откроют рот, а изо рта огонь полыхает, жжет боярские дворы, свистнут посвистом разбойничьим — летят овины боярские, из конюшен бегут в испуге кони. А тиуны скачут за помощью к князю.

Знать, великая сила нужна супротив них, коль так всполошились старейшие бояре, испугались.

Давно уж прошло время полудня, обеда, после которого по неписаному русскому закону полагалось соснуть и зверю, и птице, и человеку, а бояре все еще сидят в Думной.

Видит митрополит — мается Дмитрий, и отпустил его:

— Иди поснедай. И отдохни.

«Вот славно-то!» — с радостью думает Дмитрий.

* * *

Нет у княжичей забот. Знай расти да сил набирайся. Поспали после обеда — и во двор. А тут стрельбище, и самый меткий лучник их поджидает. Стрельба из лука — первое дело для воина.

Дмитрий взял несколько колчанов со стрелами.

— Что, — спросил лучник, — хочешь братьев испытать?

— Хочу! — обрадовался Дмитрий и повернулся к Владимиру.

— Укажи, Володимер, каков колчан с березовыми

и яблонными стрелами! — Потом на меньшого братца глянул: — А ты, Иван, найди стрелы камышовые и тростяные.

Помог лучник княжичам в стрелах разобраться.

Тут Владимир к старшему брату подступил:

— А теперь ты закрой глаза. Закрой, закрой!

Дмитрий повиновался.

— И скажи теперь, у каких стрел хвост из беркучьего пера, а у каких перья от кречета, а у каких лебяжьи, — пытается Владимир.

Дмитрий с крепко зажмуренными глазами взял в руки одну из стрел, ощупывая ее... Потом взял другую... Третью... И все хвосты правильно определил.

— Молодец, княжич! — похвалил лучник.

— А теперь копейца угадай! — подступил Иван к Дмитрию и сунул ему в руку стрелу.

Ощупал Дмитрий копейце.

— У этой, — сказал, — двугранное. Так ли?

— Так, — ответил Владимир. — А у этой? — И он подал Дмитрию другую стрелу.

— Желобчатое, — ответил мальчик, еще крепче зажмуривая глаза.

— А у этой? — не отставал Владимир.

— Четырехгранное копейце. — Дмитрий открыл глаза, чтобы проверить, угадал ли.

— Пригожим воином будешь, — сказал лучник. — А теперь берите, княжичи, стрелы да приноравливайтесь так натягивать тетиву, чтобы каждая стрела долетала до цели. Да замечайте, какое перо дальше и быстрее несет стрелу.

Дмитрий вложил стрелу в лук и прицелился в середину черного круга.

Но не успел выстрелить — сзади послышался знакомый голос:

— Княже Дмитрий, ты слишком высоко поднял лук, не попадешь в цель.

Все разом обернулись и увидели митрополита, который подходил к ним, на ходу благословляя.

— Я буду целиться точно, отче, — сказал Дмитрий. — И попаду! Попаду прямо в хана татарского!

— Где же ты видишь хана? — серьезно, принимая игру, спросил митрополит Алексей.

— Вон холм, — выдумывает Дмитрий, натягивая тетиву. — На холме золотой шатер, в шатре хан сидит. Как высунет он свою круглую голову, я пушу в него стрелу! И убью хана. Татары посмотрят: мертвый их хан! Испугаются и побегут с нашей земли.

Владимир и Иван крутят головами во все стороны: где холм? Где хан в золотом шатре? Не видать ничего...

Долго целился Дмитрий и наконец выстрелил: задела стрела и воткнулась в самую середину черного круга.

— Попа! — закричал радостно мальчик. — Убит хан! Бегут татары с земли русской!

«Надо все сделать, Дмитрий, — думает митрополит всея Руси Алексей, — чтобы побежали татары от твоего меча с Руси. Только не выкован еще меч этот».

* * *

Мал княжич Дмитрий, чтобы управлять Московским княжеством, чтобы решения принимать важные. Вот и получается, двойная ноша у митрополита всея Руси Алексия: дела церковные, а рядом с ними — дела княжеские. Сам следит, чтоб оброки и пошлыны с христиан исправно поступали и на княжий двор, и в митрополицию казну, ибо от них сила и у князя и у церкви.

Сам поучает мирян, чтоб были благочестивы и послушны и богу, и церкви, и князю. Пишет Алексей простым людям послания, укоряет их, что во время богослужения нет у них благопристойности, семечки да орехи грызут, зубоскалят!

И еще великая забота у Алексия: наставлять малолетних княжичей. Прежде всего — Дмитрия, старшего, на него надежда.

Вот сидят они, княжичи, перед ним, каждое слово ловят.

То торжественно звучит голос митрополита, когда говорит он, что земля русская до полона татарского удивляла людей красотою многими — озерами светлыми, реками, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами монастырскими, домами церковными, князьями грозными, боярами честными, вельможами многими...

То сникнет голос митрополита, и от слов его, что стала земля, благословленная богом, пустой, что сожжены города прекрасные, что кровь русская, как вода, землю напоила, занюют сердца у мальчиков, станут серьезными их лица. Недвижные княжичи слушают чуть дыша.

— Почему же Русь не устояла перед Ордою? — Внимательно смотрит Алексей в ясные лица княжичей.

— Потому что каждый русский князь сам по себе, — говорит Дмитрий.

— Верно! Верно, княжичи!.. — И Алексей в волнении ходит по комнате, рассказывает, как подошел Батый к земле Рязанской, как рязанские князья, видя несметные полчища татарские, послали к князю владимирскому гонца с просьбой о помощи, но не дождались ее рязанцы. Сжег Батый Рязань, а за ним Владимир, Москву, Киев.

И заставляет митрополит мальчиков запомнить скорбные слова, что остались от городов русских только дым и пепел, что погибла светло светлая и украсно украшенная земля русская, что каждый в отдельности князь Орду не сокрушит, что в раздорах слабость. А была бы Русь единой, сладила бы с Ордой.

— Вон какой храбрый был новгород-северский князь Игорь! — захлебываясь, почти кричит Дмитрий. — «Хочу, — сказал он, — сломать копье на границе степи Половецкой с вами, сыны русские, хочу или сложить свою голову, или напиться шлемом из Дона». И полки у Игоря храбрые. Но одолели их половцы. А все потому, что не было между князьями помощи, что врозь развеваются их знамена.

— Верно, княжич! — Алексей доволен, обнял мальчика. — Предрекаю тебе, слышишь, Дмитрий: ты соберешь под свое знамя русских князей и поведешь полки на Орду татарскую. И все вы, три брата, всегда вместе будьте, плечо к плечу — и в радости и в беде.

Иван и Володимер, — сказал он, обращаясь к младшим, — слушайтесь старшего брата Дмитрия во всем.

Уже сейчас готовит митрополит княжичей к битве грядущей. Крепит дружбу между братьями. Поэтому-то после кончины князя Андрея, умершего, как и его брат Семеон, от черной смерти, чумы, живет в Москве подолгу и частенько маленький Владимир, князь серпуховской.

* * *

Пока московские старейшие бояре думали да прикидывали — везти ли в Орду к хану своего малолетнего князя, ехать ли самим, время летело, словно у него были крылья быстрой птицы, словно бежало с кем-то на перегонки.

Прошла осень. Растаяла весной зима. Кончился первый месяц лета, когда в Москве узнали, что в стольном граде Владимире сел по ярлыку хана на великокняжеский престол суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович. Да не в пример великим князьям-москвитянам, жившим со времен Ивана Калиты не во Владимире, как положено, а в Москве, Дмит-

рий Константинович покинул свой Суздаль, обосновался во Владимире и намеревался пребывать в нем до конца дней своих.

Опять собрались бояре в Думной палате.

Пришел и митрополит, привел князя Дмитрия.

Шумно в душей, низкой комнате, щедро нагретой летним солнцем. Попрекают друг друга бояре, укоряют:

— Упустили великое княжество! Остался Дмитрий без ярлыка.

И оправдание нашли: смута в Орде, один хан сменяет другого, перешагнув через труп поверженного.

— Кого одаривать? — кричали друг другу старейшие бояре. — Кому кланяться? С утра один властитель, а к вечеру другой. К кому ехать, если сын не щадит отца, брат брата?

И как бы в подтверждение их спора в скором времени пришли из Орды в Москву новые вести: хан Неврус, что дал ярлык на великое княжение суздальско-нижегородскому Дмитрию Константиновичу, убит. Новый хан Хидыр ждет к себе на поклон всех русских князей.

Со времен Батыев ездят русские князья к каждому новому хану, чтобы пожаловал им ярлык на княжение в их же собственных вотчинах. А тот, кого выберет хан старшим, присоединяет к своим владениям на время великого княжения земли Владимирского княжества со всеми доходами и военными силами. Великий князь собирает для хана дань по всей Руси. Да что греха таить, застревают немалые денежки от той татарской дани и в калите великого князя.

— Вот, бояре, слово мое, — поднялся с лавки митрополит Алексей, и сразу стало тихо в Думной палате. — И часу не откладывать, ехать в Орду за ярлыком.

Поднялся тысяцкий Вельяминов, и теперь все головы в его сторону повернулись: за тысяцким сила, вся рать военная в его подчинении.

— Верно владыка молвит, — сказал Вельяминов. — Немедля в Орду ехать! А коль будет ярлык у нас, сгоним с великого престола князя Дмитрия Константиновича. — Он обещал быстро собрать московскую рать и повести ее в стольный Владимир.

* * *

Отправились в Орду самые знатные бояре, три княжича и митрополит Алексей. Повезли через леса и дикие степи большие деньги и драгоценные подарки. Долог путь к татарам, однако у любой дороги бывает конец, и прибыли в Орду благополучно.

Обрадовался хан Хидыр москвитянам, с милостивыми речами принял дары. Все шло как надобно.

Дивятся русские на золотоордынскую столицу, город Сарай-Берке. Не город — сад. Огромный ханский дворец обнесен валом и рвом, днем и ночью сияет над ним изготовленный рабами-умельцами золотой месяц новолуния. Водят москвитян по великолепным ханским покоям. Вот комната, стены которой обиты разноцветным сукном, а потолок — раззолоченным шелком. Вот другая, просто штукатуренная, но расписана такими затейливыми узорами, что о них только сказку можно сложить: листья не листья, птицы не птицы, а между ними восьмиконечные звезды горят. А вот комната, стены которой сплошь покрыты мозаикой: на лилово-голубом фоне разводы бирюзовые, кружки, сердечки и разные другие фигурки хитро между собою переплетаются и переходят из цвета в цвет.

А эта — и присниться такое не может — с голубым полом и золотыми стенами, а у самого потолка — надписи. Буквы одна за другой бегут, словно жемчуг на

нитке, и опоясывают всю комнату ожерельем дивным. Каждая буква величиною в семь вершков*.

Вышли на вал, которым дворец обнесен. Вокруг, куда ни глянь, башни, стены, дворцы, богатые дома, в которых живут знатные чиновники и ханская родня. Снаружи строения украшены изразцами: бирюзовые, синие, белые, желтые, розовые. Нежно разноцветят они город. Всюду позолота. Голубые обливные кирпичи спорят с ясным небом. На небе облака, а на лазоревой стене что-то диковинное — то ли стебли, то ли буквы переплелись в чудесном узоре.

— Что вон на той стене написано? — спрашивает кто-то из бояр.

Сузились глаза толмача-переводчика, в щелки превратились, читает надпись, переводит медленно, зорко поглядывая на русских:

— «Царь — тень бога на земле».

Едут по городу москвитяне, толмач старается, объясняет:

— Чтобы обойти вокруг Сарай-Берке, надо утром, на заре сесть в седло — и едва поспеешь возвратиться на то место, откуда выехал, до заката солнца.

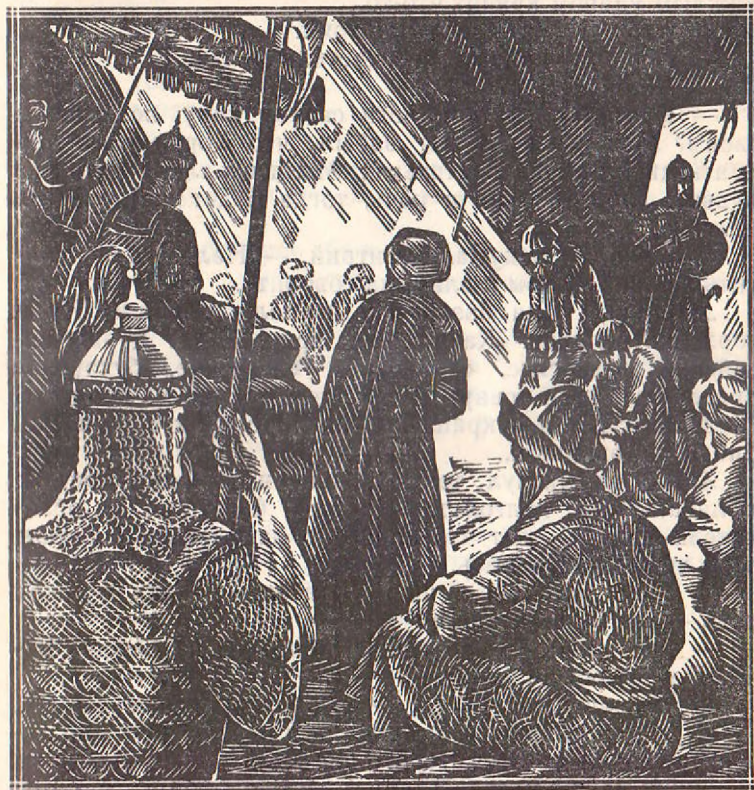
Смотрит вокруг Дмитрий... Пруд в центре города. Куда ни глянь — островерхие мечети, медресе, бани мраморные. Дивна, роскошна столица татарская. Но не ведает княжич, что и дворец со всеми его диковинками, и раззолоченный город — все дело рук рабов-ремесленников, которых сгоняли сюда ханы со всех разоренных и сожженных ими земель.

Попали на окраинные улицы... Рваные юрты да лачуги из глины. Люди в старой одежде идут навстречу.

«Знать, и у хана татарского черные люди есть», — думает Дмитрий.

И видит княжич: лежит плашмя на земле бедняк

* Вершок — русская мера длины, равная 4,45 см.

татарин, а над ним человек в расшитом халате, плетъ в руке его мерно взлетает и опускается на спину лежащего перед ним страдальца. А человек с плетью перед каждым ударом кричит что-то.

— Кто он? — спросил Дмитрий.

— Сборщик налогов, — ответил толмач.

— А кричит что?

— «Нечем платить налоги своему хану, вельможам своим? Меньше ешь! Ты забыл, что Коран учит тридцать дней подряд поститься... Молись аллаху пять раз в день, работай день и ночь, тогда будет чем платить налоги».

«Что же, — подумал Дмитрий. — Налоги всяк платить должен. О том и владыка говорит».

...Пришли и на базар. Ну и столпотворение! Ну и торжище великое! Жара, мухи, крик, суета. Купцы китайские, греческие, сирийские, генуэзские, бухарские предлагают свои товары. Чего здесь только не продают! Шелковые ткани, украшения на любой вкус, циновки, плоды диковинные...

Хитро подмигнул толмач, кивнув на ряды посуды: «Слава, успех, долголетие, счастье, богатство — обладателю сего» — вот что написано на блюдах и чашах, чтоб лучше покупались.

И вдруг ударила в уши Дмитрия родная русская речь — кричала женщина:

— Где ты, моя смертушка? Почто ты не берешь меня? Почто забыла меня?

— Тут продают рабов, — спокойно сказал толмач.

И увидел княжич, что продали в неволю русскую девочку, уводил ее от матери иноземный купец. Держали женщину за руки два татарина, а она рвалась к своей дочери.

Кровь прилила к лицу Дмитрия, сами сжались кулаки.

«Отомщу! Отомщу...» — шептал он и уже ненавидел

этот город, на крови и муках построенный, эту роскошь, награбленную в бесчисленных походах.

— Пошли отсюда! — вдруг закричал Дмитрий. — Хочу домой.

Алексий молча наблюдал за своим воспитанником.

...А этой же ночью случилось непредвиденное: сын Хидыря убил своего отца и сам сел на ханский престол.

Но вскоре пришла и другая ночь, последняя для сына-убийцы.

Началась в Орде великая резня: кому ханом быть?

Где уж тут о ярлыке помышлять, увести бы живыми княжичей.

Быстро собрались бояре и двинулись в обратный путь. Дальнее путешествие закончилось благополучно: прибыли в родную Москву.

Однако и митрополит всея Руси Алексий, и знатные бояре московские глаз не спускали с Орды, и когда она разделилась между двумя ханами, Абдуллой, именем которого правил темник Мамай, и Мюридом, послали за ярлыком к Мюриду.

* * *

Татарина-скоровестника, только что прискакавшего из Московской земли, беспрепятственно пропустили во дворец хана, потому что он знал и сказал стражникам тайное слово, по которому впускают во дворец и днем и ночью. Не хана, а Мамай спросил он.

— Догоняй его, — ответили скоровестнику. — Мамай только что пошел к хану.

Мамай в задумчивости стоял в большом зале у журчащего фонтана. Скоровестник склонился перед ним в почтительном приветствии, потом сказал:

— Важные вести, темник Мамай. На Руси их главный колдун поп Алексий посылал большие подарки Мюриду и получил от него для своего щенка ярлык на великое княжение. — Скоровестник умолк, чтобы Ма-

май имел время оценить его донесение. Затем продолжал: — Бояре посадили всех трех мальчишек-княжичей на коней, дали им луки, стрелы, поставили во главе московской рати и пошли в столичный Владимир. Был бой. И бежал Дмитрий Константинович в свой Суздаль, одолели его москвитяне.

Скорострелник знал: важную новость привез он Мамаю. Он опять склонился почтительно, ожидал награды. И не ошибся: Мамай одарил щедро.

Оставшись один, Мамай стал пристально рассматривать диковинных рыб, которые плавали в бассейне для фонтана, медленно шевеля плавниками. Могущественный темник смотрел на рыб, но их не видел, мысли его были далеко.

«Стало быть, в Москве считают Мюрида сильнее моего властителя, хана Абдуллы, — думал Мамай. — Правильно считают. Хан Абдулла только и сидит на ханском престоле, пока ему служит темник Мамай. И будет сидеть до тех пор, пока этого хочет Мамай. Мне нельзя быть ханом, это запрещает обычай. Только тот, в ком течет кровь великого Чингиса, может быть ханом. — Предводитель десятитысячного войска зло усмехнулся. — Моя кровь ничуть не хуже ханской. А у потомков Чингиса она давно стала похожей на болотную гнилую воду. Только и делают, что грызутся, как щенки, из-за ханского престола, а сидеть на нем давно уж не может никто из них. А Мюрида надо уничтожить. Пусть и Москва увидит, что ошиблась, воздав ему честь».

Один сейчас был Мамай в зале с фонтаном. И многие не узнали бы его лица в этот момент: исчезла с него приветливость, с которой он обращался к вельможам и военачальникам. К тем, кто ему еще пригодится. Не было и выражения преданности и покорности — оно всегда появлялось на лице Мамаю, когда он был с ханом.

Чем дальше углублялся он в свои мысли, тем раскосее становились узкие глаза и крепче сжимались губы, пока наконец между веками остались узкие щелочки, будто их едва наметили острым ножом.

Злобный черный огонь прятался за этими узкими щелками.

Вдруг Мамай вздрогнул, глаза его открылись. Его вспугнул всплеск медных тамбуринов. Их звук означал, что хан начинает развлекаться. Сейчас будут перед ним плясать невольницы, петь, веселить его.

«Верному темнику следует разделить веселье своего любимого хана», — усмехнулся Мамай. И тут же, как бы опасаясь, не подслушал ли кто его мыслей, быстро оглянулся. Он был один. Но лицо темника уже начало принимать свой обычный вид: на нем проступали приветливость, внимание, сдержанность.

* * *

Разряженный в дорогие восточные шелка, хан Абдулла сидел в окружении своих жен и смотрел на пляшущую перед ним смуглую индийскую танцовщицу, подаренную ему каким-то купцом.

Когда темник вошел в зал увеселений, она присела в танце на одной ноге, подняв другую. К босым ногам было пристегнуто несколько поясков с маленькими серебряными колокольчиками. Они мелодично позванивали в такт танца. Ярко-желтая ткань, которой было окутано тело танцовщицы, не скрывала стройности ее фигуры. Между черных, густо подведенных бровей, как яркая звездочка, алело красное нарисованное пятнышко.

Девушка то замирала, глядя перед собой, то разводила в стороны украшенные браслетами руки. Вот ладони подняты вверх. Колени разведены в стороны. Движения легки, грациозны — залюбуешься.

Засмотрелся Мамай на индийскую танцовщицу.

А хан уже русских пленниц потребовал. Неслышно, гуськом вошли девушки в длинных, до пола сарафанах, с низко опущенными головами.

— Пляшите! — приказал хан.

— Пляшите! — перевел толмач, стоявший рядом с ханом.

Девушки разом всплеснули руками, будто птицы крыльями — улететь, улететь бы на милую родину... И вдруг поплыли по голубому нарядному полу, словно лебедушки по лесному озеру.

«Печален танец, — подумал Мамай. — Что же, у горя и танцы и песни печальные».

Хан смотрел на девушек с изумлением: что двигает их по полу? Неужто ноги, скрытые под сарафанами, могут переступать так плавно?

— А ну, поднимите юбки! — приказал хан.

Но девушки не понимали его, продолжался их медленный танец, плыл тесный хоровод.

Толмач перевел повеление:

— Хан желает видеть ваши ноги! Поднимите подолы! Да повыше!

Пленницы послушно приподняли сарафаны, и хан, увидев их размеренный шаг, засмеялся:

— Дивно!

Одна из русских, полонянка с Рязанской земли, синеглазая, тоненькая, как только что выглянувшая из весенней земли травинка, была особенно пригожа.

«Мне бы ее!» — алчно подумал Мамай.

Но его взгляд встретился со взглядом хана, и Мамай торопливо отвел глаза от девушки.

«Всегда на моем пути ты! — со злобой подумал темник, но лицо его, обращенное к хану, оставалось любезным. — Съели бы тебя собаки!» И приветливая улыбка раздвинула его тонкие губы — Мамай наклонился к своему повелителю:

— Великий хан, есть недобрые вести из Москвы.

Абдулла поморщился, весь его недовольный вид говорил: «Ну и разбирайся сам с этими русскими. Не мешай мне веселиться».

Но Мамай продолжал, и упорство было в его голосе:

— Важные вести, великий хан. К Мюриду ездили за ярлыком московские послы.

Имя соперника заставило хана внимательно слушать темника.

— Надо и тебе, великий хан, послать московскому князю ярлык на великое княжение. Если примут, значит, тебя русские признают сильнее Мюрида. Так ты унизишь его.

Хан заулыбался, подумал: «Цены тебе нет, мой верный Мамай, ты всегда знаешь, что надо делать». Довольный Абдулла растопырил перед своими глазами пальцы, разглядывая украшавшие их перстни. Мамай застыл в ожидании. Хан с трудом снял с жирного пальца перстень с алым, как кровь, рубином и подал его темнику.

На следующий день снарядили самых лучших коней, приказали послу как можно быстрее доставить ярлык московскому князю во Владимир. Уже известно было в Орде: там митрополит Алексей торжественно венчал на великое княжение двенадцатилетнего Дмитрия, получившего ярлык от хана Мюрида.

Во Владимире посла Абдуллы приняли, как и полагалось, с почестями, одарили подарками. И опять старейшие бояре спорили-гадали, что делать: брать ярлык или нет? Вроде бы негоже отречься от Мюрида, по ярлыку которого сел на великокняжеский престол Дмитрий. А если его убьют не сегодня-завтра? Кто из двух ханов сильнее? Как быть? И порешили: от ярлыка, Абдуллой присланного, не отказываться. И был принят ярлык от посла с благодарностью, а сам посол отпущен с честью.

А в Орде ждут своего посланца: что Москва ответит? И вот возвращается посол с щедрыми дарами от князя Дмитрия и хану, и женам его, и Мамаю, и знатым вельможам. Но главное — весть радостную привез: приняла Москва ярлык на великое княжение. Ликует Мамай: удалась хитрость.

Вскоре верные слуги Мамаевы доносят ему: в ярость пришел Мюрид, когда узнал, что московский князь принял ярлык от Абдуллы. Тут же решение принял: послал ярлык да сильный отряд татарских воинов в Суздаль к Дмитрию Константиновичу: иди, мол, во Владимир, прогони с престола московского князя и сам садись на великое княжение.

Потирает руки Мамай: «Слава аллаху! Пусть грызутся, как шакалы, русские князья. В их раздоре наша сила».

И опять доносят Мамаю: Дмитрий Константинович с великой радостью принял Мюридов ярлык, собрал рать и поехал во Владимир. И еще через некоторое время доносят: князь Дмитрий вернулся в Москву и не ведает, что его соперник в Успенском соборе снова венчается на великое княжение.

«Что же дальше будет? — думает Мамай. — Кто усидит на великом княжении — московский ли князь или суздальский?»

Извещают скоровестники: «Собирает твой улусник Дмитрий силу многу...» И новая весть: «Ведут бояре московские рать могучую на Владимир, и во главе рати молодые княжичи поставлены».

Один скоровестник опережает другого:

— Согнала московская рать Дмитрия Константиновича с великого княжения...

— Убежал Дмитрий Константинович в свой Суздаль, но москвитяне осадили город и взяли его. Пришлось

суздальскому князю бежать дальше, к своему старшему брату в Нижний Новгород.

Доволен Мамай. Его князь в Москве сидит, им — хотя и от имени хана — поставленный. Будет хорошая дань Москвой с русских земель собираться!

Но тут нахмурился темник. Тяжкие мысли одолевать стали: дань, что Русь платит, мала стала. И нет сейчас у Орды силы, чтобы заставить русских платить прежнюю дань, какую собирали могущественные татарские ханы в былые времена.

«Поход нужен на Русь, — думает Мамай. — Кровавый поход... И он будет. Я поведу полки татарские на русские города. Я заставлю их платить еще большую дань, чем прежде. Снова потекут в Орду серебряные и золотые реки, снова, как перед Батием, будут трепетать предо мною и татары и русские».

Москву накрыли великие снега. Мороз птиц с лету сшибает, деревья трещат в окрестных лесах. И хотя собирается холод под шубы жаркие, перехватывает дыхание, полны улицы московские народу, радостно и торжественно поют над Москвой колокола: и стар и млад встречают князя Дмитрия с братьями, вельможных бояр и дружину московскую, митрополита всея Руси Алексия, что возвращаются домой с победой над суздальско-нижегородским князем.

— Ишь, гляди, — говорит восьмилетнему сыну Юрке сапожник с Великой улицы, — князь Дмитрий Иванович как складно сидит на коне и меньшие голубятки тож.

Юрка, не отрывая глаз, разглядывает великолепное великокняжеское облачение, седло нарядное, копьё позлащенное, налучие на правом боку.

Выпустил Юрка руку отца, за которую держался,

и пошел за княжичами вслед, чтобы все лучше видеть. Но быстрые кони под княжичами, пришлось Юрке бежать. Остановился мальчик, когда далеко уже были великий князь Дмитрий и его братья...

...Рядом с княжичами ехал митрополит всея Руси Алексей и благословлял народ московский. Праздничные лица кругом. Радуются люди. Сильный князь на Москве — быть торговле великой, расти теремам высоким, не топтать татарским коням полей житных, не гореть жилищам.

...Торжественно гудят колокола над Москвой.

ЮРКА — СЫН САПОЖНИКА

Сменили леса свой зеленый наряд на желтый, красный, багряный. Трава стала бурая, жесткая, босиком уж по ней не побегаешь. Солнце поздно встает. День рано кончается. А тут еще дожди частые. Приходится больше дома сидеть. Скучно Юрке, сыну сапожника с Великой улицы. Сидит на печке, слушает, как дождь по крыше шуршит... Чем бы заняться? Есть у Юрки одно сладкое воспоминание: видел зимой, как княжичи с победой над суздальско-нижегородским князем в Москву возвращались. А впереди всех великий князь Дмитрий.

«Мне б такого коня, как у Дмитрия Ивановича, — думает Юрка. — И копые позлащенное».

Не ведает Юрка, что настанет день, и сойдутся пути великого князя и сына сапожника, и будет у них одно великое дело...

А за окном развиднелось, дождь кончился. Скорее на улицу!

Юрка вышел из отцовской бревенчатой избы и — делать ему вроде бы нечего — пошел бродить по двору. Подошел к громадному, в три обхвата чану из ду-

бовых досок. Когда-то в нем был «квас уснян»*, а теперь собирается вода, стекающая во время дождя с крыши. Поболтал Юрка руками в воде, пустил несколько щепок и стал изо всей силы дуть, пытаясь натолкнуть одну щепку на другую. Но ничего не получалось веселого из этой затеи, и Юрка пошел к сараю. Прежде тут стоял этот чан и зольник**, потому что прадеду, да и деду мальчика приходилось самим очищать от шерсти шкуры. Теперь зольника нет. Юркин отец покупает готовую кожу у кожевников. Так работать сподручней: больше нашьешь сапог, сумок, ножен для кинжалов, да мало ли еще чего. Покупает сапожник и поношенную обувь, починит и несет на торг. Большая у него семья — свой огород не прокормит. И хлеб и одежду — все он покупает на торгу.

Юрка хотел было пойти под навес, где летом работает отец, прячась от дождя и солнца. Там много интересного: и широкие ножи для раскройки кожи, и изогнутые шилья, куски воска для вошения дратвы, точильные бруски. Но инструменты отец трогать не велит, и мальчик, минуя навес и сарай, направился к конюшне. А в ней хромая кобылица ест сено. Рядом с кобылицей жеребенок Сильный. Так назвал его Юрка, потому что это его конь.

— Соси, соси пуще, — наказал мальчик своему любимцу, уткнувшемуся в живот матери-кобылицы. — Сил набирайся.

Рядом с банькой колодец с журавлем, а вдоль частокола рябины огнем горят.

Удобнее всего доставать ягоды с крыши баньки, и

* Так называли тогда дубильный экстракт, приготовленный из мелко надранной коры деревьев — дуба, ивы, ели.

** Зольник — прямоугольный ящик из бревен и досок, наполненный известью или золой. В него клали шкуры, чтобы приготовить их для очистки от шерсти и подкожной плевы животных.

Юрка лезет на крышу. Оттуда виден соседский двор. Там живет его друг Доронка, сын кузнеца.

Из просторной пятистенной избы слышатся скрип раскачиваемой люльки и песня, которую напевает сестра Доронки Евфросинья. Только слов разобрать невозможно.

— Доронка-а-а! — протяжно закричал Юрка. — Доронка-а-а!

Вместо друга вышла из дома Евфросинья:

— Что кричишь? Дитя разбудишь!

— Доронку мне надобно.

— Он в кузнице, батюшке помогает, — сказала Евфросинья и ушла в избу.

Юрка легко спрыгнул с крыши баньки, а кузница, вот она, рядом, из открытой двери чад волной вытекает, и озаряется она малиновым светом. Да еще звонкие удары оттуда слышатся: бух! бух!..

Мальчик вошел в кузницу. У наковальни стоял мастер-кузнец, отец Доронки. В левой руке он держал в щипцах кусок железа, медленно поворачивал, подставляя под удары. А в правой руке кузнеца маленький молоточек: стук молоточком по железу — показывает мастер, куда бить надобно. А два подмастерья бьют по указанному месту кувалдами.

Стук — молоточком, бух — кувалдой. И от красного куска железа искры во все стороны разлетаются.

Все чаще и чаще постукивает молоточек, а за ним молоты словно вдогонку торопятся. Все больше и больше огненных звезд рассыпается и тухнет в черной от копоти кузнице.

Рядом с отцом Доронка стоит, годоводок Юрки, тоже ему недавно девять лет исполнилось. Внимательно следит Доронка за работой кузнецов: учится...

Когда кусок железа начал остывать, стук молотов прекратился, и один из подмастерьев положил длинную

полосу железа на тлеющие в горне * березовые угли, а другой начал мехами раздувать огонь. И тотчас между слегка притухшими углями забегали красные змейки и открылись в ярко засветившихся углях.

Смотреть, как снова медленно раскаляется железо, было неинтересно, и Юрка сказал другу шепотом:

— Доронка, пойдем рыбу удить. Вчера дядя Михалка, что за три двора от нас живет, язей, голавлей, ершей и щук наловил великое множество.

— Недосуг мне, да и врешь ты.

— Вру? Да он еще судака поймал и одну стерлядку.

— Стерлядку? — Доронка уже колебался: может, правда, пойти?

— А еще, говорят, осетра поймали, во какого! — И Юрка раскинул руки так широко, как только мог.

Доронка знал, что заходят иногда осетры в Москву-реку из Волги, но даже если бы им попался осетр, разве они вытащили бы его на берег?

— Ну, может, налима поймает иль сома, жирнющего, с усами, — не унимался Юрка.

— Нет, недосуг, — опять стал серьезным Доронка, посмотрев на отца.

— Пошли! — не отставал Юрка. — У меня на удиле новый берестяной поплавок, а ты блесну бы взял на щук, а?

— Нет, дела у меня, — наотрез отказался Доронка.

— А какие же?

— Учусь. Пока помогаю батюшке: меха раздуваю, воду ношу. Вот смотрю, как меч куют. А подучусь малость, так вместе с ним выкуем и мне доспех. Батюшка говорит, что к тому времени как раз придет пора татар воевать, понял?

У Юрки глаза раскрывались все шире.

* Горн — печь для накаливания металла.

— К князю Дмитрию Ивановичу в войско пойду! -- гордо продолжал Доронка, видя, как ошеломили его слова друга. Когда он замолчал, Юрка вздохнул:

— Счастливый ты: и пику и шлем себе выкуешь, а мой батюшка сможет научить меня только подкольчужную рубашку сшить из кожи.

— А без нее тоже нельзя, — ответил Доронка. — Как ударят саблей, так кольца в тело и вопьются, коль рубашки не будет. Давай так: ты мне рубашку сошьешь, а я тебе доспех выкую.

— И вместе пойдем в войско князя Дмитрия Ивановича?

— Вместе!

Лица мальчиков сияли. Юрка думать забыл и о жирном налиме, и об осетрах, что заплывают из Волги в Москву-реку.

Железо в горне снова накалилось. Кузнец захватил его клещами и положил на наковальню. Подручные взяли кувалды...

— Сюда! Сюда! Сюда! — показывал маленький молоточек, и громадные молоты послушно били в указанное место.

Стояли два друга, Юрка — сын сапожника, Доронка — сын кузнеца, смотрели, как меч куют. Битва с татарами представлялась им игрой...

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

Плотницкой работы в Новгороде Великом хоть отбавляй. Топор Степанки — плотника искусного — без дела не лежит. За мастерство Степана берут в любую артель. Вот и теперь рубят купцу новый дом. Веселит сердце работа. Шутят плотники. Затянули песню про девицу, что как месяц ясна, чьи глаза как синь озера.

Степан не поет: не горазд, и слов не запоминает, и

напев не получается. А слушать, как другие поют, любит.

Под песню хорошо думается. Вот и сейчас вспомнил про свою жену, что с двумя сыновьями осталась дома, в деревне, во владениях князя Андрея Константиновича суздальско-нижегородского.

«Как-то она там, лебедушка моя, одна управляет-ся? — думает Степан. — И ребятики мои здоровы ли?»

— Бог в помощь, — прервал его мысли старый изможденный человек в рубище. — Не подадите ли куска хлебушка, мастера славные? Издалека иду.

Дали плотники страннику хлеба, ковш кваса поднесли. Спросил кто-то:

— Откуда же путь держишь, человече?

— Из Нижнего Новгорода, — ответил старик. — И беда там великая сотворилась.

Степана холодный пот прошиб:

— Что содеялось? Сказывай скорее!.. — забеспокоился он.

— Страшный мор начался, — тихо заговорил странник. — Разом ударит человека, как рогатиною, под лопатку или в грудь против сердца, а то меж плечами... И занедужит человек, начнет кровью харкать, внутри пылает огонь. Побом прошибает всего с ног до головы, дрожь начинается. День, два, редко три полежит человек и умирает в страшных муках. А у которых, говорят, шея вздувается, желвак под пазухою вскочит, а то под скулою аль за лопаткою. Сказывают, умирает за день человек по семьдесят, а то и по сто, да и по полтора-расту...

— А ты не врешь? — едва выговорил Степанка.

— Помилуй бог, — перекрестился странник. — Как можно о такой беде напраслину нести? Слово вымолвить тяжело. Спаси, господи, от мора страшного вольный город Великий Новгород!

— Идти мне надо! — поднялся Степан.

— Это куда же? — удивились плотники.

— Домой, к своим, под Нижний Новгород. Вызывать из беды.

— Да ты в уме ли? — сказал глава артели, пожилой мастер. — Спасти никого не спасешь, а сам сгинешь.

Но не удержали Степанку — ушел он к своей семье.

...Спешил Степан, шел, как в бреду, счет дням и ночам потерял. И чем ближе подходил к Суздальско-Нижегородской земле, тем пустыней, безлюдней становились дороги: ни всадника на лошади, ни путника пешего, ни голоса человеческого...

И стали попадаться вымершие села и деревни. Степан обходил их стороной, страшась заразы.

— Господи, помилуй моих родных деток и жену! Дай мне увидеть их живыми!.. — всю дорогу молил бога Степан. — Господи, услышь меня...

Молился он горячо и иступленно, давал богу всевозможные обеты: рубить на Руси дивные церкви, раздавать милостыню странним и убогим и даже обещал уйти в монастырь, отречься от мирской жизни. Вот только доведет деток до ума-разума, до своего ремесла — и сразу же готов постричься в послушники.

Убывают версты. До дома уже рукой подать.

Миновал Степан пустую деревню, лесом ее обогнул, вышел на дорогу. Вдоль дороги — широкие лашни. Но пусто в поле, ни одного человека...

Заныло сердце Степана.

Сейчас овраг знакомый с ручьем студеным, потом холм, а за ним... Остановился Степан, нет мочи идти, ноги подкашиваются. Уже видна церковь, усадьба княжеского наместника, а там уж и его родная деревня. Идет Степан мимо церкви, мимо дома барского — никого, ни единого человека, и собаки не лают, и петух не пропоет.

«Может, ушли отсюда люди, — успокаивает себя

Степан. — От мора убежали. И мои со всеми подались. Господи! Владыка небесный! Сделай, чтобы так было!..»

Тут увидел Степан: бредет по дороге ему навстречу мальчик лет девяти и Степана не замечает, то и дело останавливается, поднимает что-то с земли, в рот кладет...

«Да это же он камешки проглатывает!» — с ужасом понял Степан.

— Эй, дитятко! — окликнул он мальчика.

Тот поднял голову, посмотрел на Степана, и не было в его затуманенном взгляде ни страха, ни интереса.

Степан подбежал к ребенку:

— Родненький ты мой! Сейчас, погоди... Вот испей сначала. — И он подал мальчику жбанчик со свежей водой. Мальчик послушно начал пить, забулькало в его горлышке. Степан развернул узелок с гостинцами, которые нес своим сыновьям. — Желанный ты мой. Отдал бы тебе все, да нельзя. Наешься сразу, в животе худо сотворится, и помрешь, вот ведь как... Ты сначала помаленьку. — Степан, от волнения едва владея руками, намочил водой маленький кусочек хлеба и подал его мальчику. Тот схватил хлеб, стал жадно есть не разжевывая. — Остался тут кто живой? — спросил Степан.

— Я живой.

Степан взял мальчика за руку-палочку и повел. Но тут же остановился и поднял ребенка на руки.

— Как звать тебя? — спросил.

— Ерофейка, — ответил мальчик.

— И весу-то в тебе никакого нету.

Голова мальчика склонилась к плечу Степана.

— Заснул, родимый! Будешь моим третьим сынком.

Надеялся плотник увидеть живыми своих детей и жену. Вот и господь бог ему надежду подал: Ерофейку, душу живую, послал. Подходил к своему дому и все с богом разговаривал:

— За что тебе, боже, карать меня? А уж у ангелов, деток моих, и подавно нет грехов.

...Вот и изба его родная. Остановился Степан, сердце унять не может, положил спящего Ерофейку на траву, прошептал:

— Полежи-ка тут, милое дитяtko. А проснешься — никуда с места не сходи!

И побежал Степан, уж и не помня себя.

Рванул дверь родного дома — эмрадом пахнуло на него.

Отшатнулся Степан.

А дальше все делал в полузабытьи, как в страшном сне: рыл могилу и хоронил в ней жену и детей. Сыпал влажную землю в страшную яму. Холмик вырос над могилою...

«Господи! За что?..»

Вошел Степан в избу, из красного угла снял икону и с силой, в отчаянии бросил ее на пол. Раскололась доска на мелкие щепки. Ужаснулся Степан содеянному, бросился из избы и в беспамятстве побежал, сам не зная куда.

Остановил его крик:

— Дяденька! Дяденька!..

Оглянулся Степан — бежит к нему Ерофейка.

«Ах ты грех какой! Ведь забыл о дитяtkе», — подумал плотник.

Подбежал Ерофейка, остановился, назад отпрянул.

— Ты что, сынок? — проговорил Степан и испугался, страшный хрип вырвался из его горла.

— Дяденька... — Мальчик заплакал. — Ты весь белый стал... И борода, и усы, и голова белая...

— Что же теперь делать? — сказал Степан. — Давай руку.

И пошли они от этого страшного места.

Маленькой ладошке было покойно в большой, сильной руке.

* * *

Из Нижнего Новгорода пошла черная смерть и по другим городам и селам. Пожаловала непрощеная гостья и в Москву.

Тесовые кровельки великокняжеского дворца то шатром высоким поднимаются, то вдруг надуются, как бочки, то луковкой островерхой в небо упрутся, а осиновые дощечки, что кроют башенки, своим серебряным блеском спорят со свинцовыми листами большой кровли. Хитрецы-умельцы разукрасили дворец резьбой, расписали яркими красками. Весело глядит дворец! Из одних покоев в другие ведут крытые переходы и лестницы. И такой же дворец, если не краше, у матери Дмитрия княгини Александры. О ее богатстве рассказывают дорогие стекольчатые окна, золоченая крыша...

Но хозяйка дворца в черном платье. В том страшном одеянии, которое говорит: в доме покойник. Рвет на себе волосы княгиня: забрала черная смерть младшего сынка. То плачет она по Иванушке, то неистово молится, чтобы спас бог от смерти старшего ее сына, Дмитрия.

А Дмитрий томится в своем тереме, как птица в золоченой клетке: не велел митрополит вся Русь Алексий никого впускать к нему — ни бояр старейших, ни отроков княжеских. Даже мать, княгиню Александру, не допускают к сыну. Побережь надобно великого князя Дмитрия, спасти!

Много дней плакал Дмитрий по Ивану. И после смерти брата охватил его страх за всех близких, горячо любимых им людей.

«А что, как умрет и маменька, и владыка Алексий, и двоюродный брат Володимер?» — думает Дмитрий, и от ужаса темнеют глаза князя. Он знает, что на кладбищах уже нет места для новых могил.

«А если и я умру?..» Каждый день, молясь о близ-

ких, он молится и о своей жизни. Молится и надеется жить.

А через два месяца после смерти Ивана в ночь, когда на дворе бушевала метель и страшно завывал ветер, умерла от черной смерти и великая княгиня Александра.

* * *

В это жестокосердное время молятся люди московские: дома у себя, кладя поклоны перед образами, в церквах, набившись в них тесными толпами и не ведая, что так передают они болезнь друг другу... Молятся москвитяне: «Господи! Сохрани тех, кто еще жив!..» Молятся, закрывая глаза умершим, отпевая их в церквах.

Молится и старый митрополит Алексей, благодарит бога за каждый прожитый Дмитрием день. Но молитвы не снимают тревоги. И поэтому он то вспоминает травы, что от болезней хранят, то листает греческие лечебные книги, то берет евангелие, когда-то им переведенное с греческого языка и собственноручно переписанное. Снова и снова читает его, ища откровения божия, науки.

Сальная свеча оплывает все больше и больше, а чтение то и дело перебивается мыслями, воспоминаниями.

И видит он себя двадцатилетним юношей в Бого-явленском монастыре. Все свое время, кроме молитв, проводил он в чтении и изучении священного писания. Как спокойно и блаженно было тогда на душе у инока * Алексия.

Всплывает в памяти митрополит Феогност, который взял Алексия после двадцати лет монашеской жизни и книжного учения к себе на святительский двор. Двена-

* Инок — монах.

дцать лет заведовал там Алексей судебными делами церкви.

И тогда на душе было спокойно и мирно: знал, что ему делать и как быть.

...Рассеянно листает митрополит Алексей евангелие. Новое воспоминание, яркое, временем не замутненное, заставляет быстрее биться сердце. То было в 1355 году, когда, возвращаясь из своего путешествия на поставление в митрополиты к патриарху в Константинополь, он был застигнут бурей на Кафинском * море. И сейчас перед внутренним взором серое от туч небо, ставшее черным, зловеще пересекает его из края в край молнии, и грохот грома сливается с воем ветра... Огромные валы вздыбленного моря снова и снова обрушиваются на их утлый корабль, который так скрипит, вот-вот рассыплется, опрокинется...

...Он помнит себя, горячо молящегося, дающего богу обет построить монастырь в честь святого или праздника того дня, в какой они, если бог смилостивится, достигнут берега.

И Алексей построил обетный Спасский монастырь близ Москвы, на берегу реки Яузы.

А теперь в этом монастыре ученик Сергия Радонежского Андроник каждый день отпевает умерших от черной смерти.

* * *

Князь Дмитрий Иванович сидит взаперти в своем тереме, и Юрка, сын сапожника, тоже сидит взаперти. Отец всей семье запретил из избы выходить. Добрый погреб под полом кормит и поит.

День и ночь думает Юрка о своем друге Доронке, умоляет отца:

— Я только на баньку взлезу, одним глазком гляну: жив ли?

* Кафинское — Черное море.

Не разрешает отец...

И однажды, когда все в избе спали после обеда, ослушался Юрка: осторожно открыл дверь, перебежал двор, вскарабкался на крышу баньки, посмотрел на усадьбу кузнеца и обмер...

Видит Юрка: стоит у дома своего его друг Доронка.

— Доронка! — закричал Юрка. — Не заболел ты?..

— Нет, — тихо ответил Доронка. — С голоду умираю. Батюшку с маменькой, Евфросинью и дитятку ее давно черная смерть забрала... Увели их. А мне выходить не велено было.

И не помнит Юрка, как во двор кузнеца прыгнул с баньки, как схватил друга за руки и привел в свою избу. Опомнился от крика матери:

— Батеньки! Свят! Свят! Что же деется?..

Тут и сапожник с полатей вскочил, увидел друзей — и не стал бранить сына, все понял, приказал:

— Мать, топи печь, кипяти воду! Полную кадку наливай!

Парили Доронку в горячей воде со всякими травами. Потом кормили, потом спать уложили. И проспал Доронка два дня и две ночи. Мать Юркина слезы утирала, глядя на него.

— У нас пока будешь жить, Доронка, — сказал сапожник. — А подрастешь — переселишься в свой пустой дом, ремесло своего родителя продолжишь. Зело оно потребно и князю, и боярам, и простым людям. — А детям моим ты теперь брат родной.

* * *

Как ни свирепствовала черная смерть на русской земле, но и она обессилела: ушла в другие края, а может, и совсем отступилась от своего страшного дела.

И, как память о ней, стоят на земле русской не села, а селища, не деревни, а пустоши, и нет там ни одной живой души...

Князья заспорили о наследствах — владениях умерших от черной смерти родственников. К пустошам потянулись новопоселенцы, мечтающие тяжкую долю сменить на лучшую.

Среди них оказались Фетка с Тришкой, те самые, что спалили усадьбу Михаила Юрьевича. Не сыскали их тогда стражники. Скрывались долго поджигатели по дальним деревням и лесам. А теперь, когда многие земли опустели, и они пытаются свое счастье.

Уговаривает Фетка Тришку уйти в Москву: не найдут там их, больно людно в граде. А Тришка боится, тянет Фетку подальше от больших дорог. Так и расстались они. Фетка в Москву подался, а Тришка шел, сам не зная куда, пока не набрел на пустошь, которая совсем недавно была деревнею. И жилье, два двора, еще целы.

Вошел Тришка в сарай, увидел соху с железными сошниками и полицей*, и заныла его душа по пахоте. Поглаживает то правый, то левый сошник, руки дрожат от волненья. Трогает полицу железную. Так и видится: отваливает она в сторону пласт землицы-матушки...

«Глубоко можно пахать такой сохой», — хозяйственно размышляет Тришка. Оглядывается по сторонам... Тут и борона, и косы, серпы, вилы, деревянные грабли. Будто смотрят на него, ждут рук крестьянских.

Кружится голова у Тришки: «Неужто все это теперь мое?»

Нет, никуда не уйдет он отсюда. Разделит пашенную землю на три доли и будет в одно лето с двух полей ярь и озимь брать, а полю третьему лежать под паром. И огород будет у Тришки: без капусты и репы негоже.

Ходит Тришка по пустоши, не нарадуется. Благостное место: покос рядом, выгон для скота привольный и ре-

* Полица — специальное приспособление на сохе для отвала земли.

ка рукой подать, и лес стеной стоит недалеко. Не верит своему счастью Тришка.

К вечеру появились у него соседи. От налогов не по силе снялся с родного места землепашец со всей своей семьей. Двинулся на необжитые земли. Великую льготу — ряд лет жить без повинностей и оброков сулит за это московский князь.

Поднимут крестьяне землю непаханую — великое богатство от этого князя.

Шел землепашец с семьей на новые земли да и набрел на ту же пустошь, что Тришка себе облюбовал. Хорошие места! Тут и решил обосноваться.

Солнце еще не встает, только чуть место означает алым светом, откуда ему подниматься над землею, а Тришка с соседом уже выходят в поле. Свежо. Кровь по жилам не течет, а играючи бежит. Радуются крестьяне: свою землю обрели. Перекинутся словом между трудов нелегких:

— Вот кабы оброков не платить да повинностей не нести...

— Тогда жить бы и жить. Помирать не захочется.

Но не вырос и первый урожай, как появился с оружием воинами помещик с жалованной грамотой от великого князя. Будет владеть этой землей, пока служит князю. Конно, людно и оружно пойдет он с князем в поход, на кого бы ни поднялся великий князь.

* * *

В ту же пору, когда ушла черная смерть с русских земель, плотник Степан со своим приемным сыном Ерофеем пришли в Нижний Новгород и поселились за его стенами, в посаде. Сам, своими руками выкопал Степан землянку, вытесал лавки, стол. А на одной доске стола вырезал для забавы Ерофейки петушка. Радостно Степану, что всегда мальчик садится возле это-

го петушка и дивится: петух стоит на одной ноге, взмахнул крыльями, вытянул шею — кажется, вот-вот громко закричит: «Ку-ка-ре-ку!»

Не оправилась Русь от черной смерти, а тут новая беда: голод. Засуха, на полях неурожай. Однако у Степана и Ерофейки есть хлеб на столе: и в лихие времена сыщутся богатые люди, коим нужен плотник. Находится в торговом городе Нижнем Новгороде, стоящем высоко над широкой рекой Волгой, работа для плотника Степана, мастера с золотыми руками.

А для Ерофейки в Нижнем Новгороде все дивно. Приведет его Степан на стены градские и показы-

вает: — Вон, гляди: ладья под парусом, нос — голова орлиная идет супротив течения. Это в Новгород Великий восточные товары везут: шелка, благовония, пряности. А вон те, с белыми парусами, что стая лебязья, плывут вниз по течению. В Орду путь держат. Везут, должно быть, соболей, белок, куниц, меха разные, и воск, поди, везут, и мед.

Но Ерофейка не слушает, какие товары в Орду отправляются. Ему интересно знать, как разные суда прозываются. И он кричит:

— Дядя Степан, гляди, вон под парусами идут ладьи дощатые, на носах и кормах будто хоромы и двери есть! Ну гляди же, дядя Степан!

— То учаны, большие суда торговые, — степенно поясняет Степан.

— Вон, гляди, лодка плоскодонная, борта низкие.

— То струг.

— А рыболовы все в челнах сидят. Челн, ведаю, из одного куска дерева долбят, — не переставая, говорит Ерофейка.

И Степан не молчит:

— Теперь смотри: загружаются у берега московские ладьи. Повезут купцы по Оке, а там по Москве-ре-

ке волжскую рыбу красную, икру. Большие деньги на торгу в Москве возьмут за них.

Посмотрит Ерофейка со стен вниз — и дух у него захватывает: глубоки овраги у подножий стен.

— Ни один враг с этой стороны в город не войдет, — поясняет Ерофейке Степан.

Мальчик внимательно слушает и сам пытается:

— А с нашей стороны, где мы живем, коли враг придет, то первым делом на посад и перебьет всех.

РадуетсЯ Степан: рассудительный сынок у него растет.

— Посадские люди в Детинец, в Кремль спрячутся, — поясняет он. — А посад сожгут защитники города, чтобы примета враг не смог сделать.

— Примета? А что же это такое, примет? — спрашивает Ерофейка.

— Ну, словно гора из бревен и хвороста. На катках устанавливается. Подкатят ее к стенам...

Ерофейка, не дослушав, перебивает:

— И зажгут, да? Дядя Степан, ведь зажгут, чтоб полымя стены спалило? Так?

— Ишь, догадался! Умный ты у меня, Ерофей.

Брал Степан с собой Ерофейку и на плотничье дело: пусть пока приглядывается.

А вечерами после ужина улягутся они на широкие лавки, что приладил Степан вдоль стен, и начинаются сказки да побасенки.

— Дядя Степан, а ну разгадай: пять братьев годами равные, ростом разные. Кто такие? — спросит Ерофейка. Глаза мальчика, должно быть, светятся лукавством, но Степан не видит их в темноте. Он давно знает ответ на эту загадку, но сразу не говорит, что пальцы это на руке, а медлит, будто бы сразу и не отгадать: пусть Ерофейка натешится. Потом отгадает вроде бы с трудом и свою загадку Ерофейке загадывает:

— Бьют меня, колотят, ворочают, режут, а я все терплю и всем добром плачу, что это?

— Добрый человек, — сразу отвечает Ерофейка.

— Нет, не угадал, — смеется Степан.

— Ну тогда солнце! — говорит мальчик.

— Да что ты! Подумай-ка хорошенько.

Никак не может догадаться Ерофейка и начинает расспрашивать:

— Ты скажи мне, дядя Степан, где оно это есть: в избе, аль в поле, аль в лесу, аль на лугу?

— Ладно, скажу, Ерофеюшка. В поле оно есть.

— Отгадал! — хлопает в ладоши мальчик. — То жито, хлебушко! Скосили рожь и обмолачивают, колотят. Потом зерно сушат на солнышке, ворочают. Потом мучицы намололи, хлебы испекли и режут их ножиком. Вот и получается: жито всем добром платит.

— Верно, сынок! — радуется Степан. — Отгадал.

Знает Степан грамоте: в Новгороде Великом учился. Учит теперь Ерофейку. Полюбил мальчик Степана, но отцом не зовет, помнит своего родного батюшку...

* * *

Неожиданно прибыл в город князь Борис, самый младший брат умершего от черной смерти нижегородского князя Андрея Константиновича. Явился не один, с отрядом татар. Новый хан Азиз, преемник умершего Мюрида, дал ему ярлык на нижегородское княжество. А среднему брату, Дмитрию Константиновичу, снова пожаловали ярлык на великое княжение.

Но тот поспешно отказался от неожиданной чести: нет, не забыл он, как гнали его из Владимира московские дружины.

И не мыслит боле князь тягаться с Москвой: пробовал. И ярлык не помог. Борису же сказал:

— От великого княжения отказываюсь, а в Ниж-

нем Новгороде тебе не сидеть. Я старший. И Суздаль мой. Тебе владеть твоим Городцом.

Борис был молод, храбр и не хотел мириться с уделом младшего.

Перво-наперво усилил князь Борис охрану стен города и приказал сжечь посад. Запылали деревянные строения. Жители, спасая свой скарб, поспешно уходили в окрестные деревни и села. Проклинали князя: нарушил их мирную жизнь. Раздор между братьями — горе горькое простым людям.

Плакал Ерофейка: сгорел стол с его петушком. Степан утешал мальчика:

— Ничего, сынок. Минует беда, опять отстроимся. И петушка тебе нового вырублю.

Повел Степан Ерофейку жить в Детинец, в Кремль. Через несколько дней стражники с высоких башен увидели большой конный отряд, быстро приближавшийся к городу. Тут же заперли ворота.

Борис поспешил к стенам. Вглядевшись в первые ряды ратников, увидел брата. Закричал в гнев:

— Ишь, красуется в богатом княжеском облачении! И знамя над ним!.. А конь тонконогий, так и пляшет, не стоит на месте... — И медленно поднимает князь Борис лук, натягивает тетиву, опять кричит, да громко, чтобы суздальцы слышали: — Борьба за престол меж нами насмерть! — И, целясь в родного брата, выпускает стрелу...

Вот она, беда горькая, смертная — междоусобье на Руси.

Через мгновение защитники стен увидели, как повалился с коня один из суздальских ратников. Стрела князя Бориса не достигла цели.

Первые ответные стрелы суздальцев воткнулись в деревянную стену Детинца, и начался смертоносный косой дождь. То люди, подчиняясь воле своих князей, двух родных братьев, метали стрелы друг в друга.

Воинам Бориса было сподручнее, они вели бой с высоких стен.

«Хорошо бы поджечь город», — размышлял Дмитрий Константинович. Но вокруг все пусто, сгорел посад — не из чего делать примет. Через несколько дней стало ясно суздальскому князю: города его ратникам не взять.

И решил законный наследник нижегородского княжества послать гонца за помощью в Москву: «Самому, мол, не сладить мне с братом Борисом».

В Москве приняли посольство одного из сильнейших соперников своих за первенство на Руси с большой радостью. Выслушав просьбу, московский князь Дмитрий по совету митрополита Алексия послал к братьям своих людей, которые должны были помирить их.

Вскоре послы московского князя вернулись и рассказали, что Борис не хочет мириться.

Митрополит сильно разгневался и вступил в борьбу по-своему. Он отнял епископию нижегородскую и городецкую у суздальского владыки и этим подчинил их себе. А в Нижний Новгород направил Алексей своего посла, игумена Троицкой обители Сергия Радонежского: «Зови князя Бориса в Москву. Скажи ему: великий князь по чести рассудит его спор с братом».

Но не пожелал Борис ехать к Дмитрию Ивановичу.

Тогда Сергий по повелению митрополита Алексия закрыл все церкви в Нижнем Новгороде, чтобы заставить князя Бориса пойти к московскому князю.

Нижегородцы, которых на следующее утро не разбудил колокольный звон, с удивлением и страхом нашли все церкви на запоре.

Далеко вперед глядел Алексей, устраивая свои монастыри на нижегородской земле. Вот и вещают теперь в Нижнем Новгороде священники, как велит им митрополит:

— Бог отступился от князя Бориса и от нас, грешных. Молитесь, нижегородцы, в своих домах, просите милости божьей, чтоб образумился князь Борис, подчинился князю московскому Дмитрию Ивановичу.

Волнение охватило город. Двинулись простые люди к княжеским хоромам, требуя, чтобы Борис покорился воле Москвы. А тут еще донесли Борису, что к стенам Нижнего Новгорода на подмогу брату подходят московские рати.

Упрям князь Борис, но спорить с Москвой сил не достанет.

Приказал Борис открыть врата города и сам, безоружный, в сопровождении Сергея Радонежского, дружинников и простого люда, вышел навстречу своему старшему брату Дмитрию Константиновичу.

В толпе простых людей шли и плотник Степан с Ерофейкой, но ничего не было видно мальчику за спинами взрослых. Дергал за рукав плотника, спрашивал:

— Дядя Степан, что там?

— Обнялись братья, сынок, — ответил Степан.

— А теперь?

— Похоже на то, что князь Борис говорит: «Отдаю тебе, Дмитрий Константинович захваченную мной волю. Придется мне сидеть в своем Городец, а тебе в Нижнем Новгороде. Ничего не поделаешь...»

— А теперь что? — спросил Ерофейка.

— Игумен Сергей благословляет братьев, — ответил Степан.

И тут зазвонили колокола нижегородские: вернул им голос Сергей Радонежский. Радостно и звонко возвестил колокольный благовест людям, что снова можно отстраивать посад и каждому заниматься своим делом.

А еще пели колокола о победе Дмитрия Константиновича над Борисом и о победе князя московского над нижегородскими князьями.

И говорили они братьям, что не по их силам противостоят Москве, что только союз с ней делает и Нижний Новгород, и Суздаль, и Городец сильными.

Слушал Степан переливчатый звон, и пришли к нему новые мысли, сложились в решение: «Уйдет рать московская, и кто знает, не рассорятся ли опять Борис и Дмитрий Константиновичи? Нет, надо уходить из Нижнего Новгорода в Москву. Только сильный князь даст спокойную, мирную жизнь, без страха за будущность, а главное — за Ерофейку. Его растить надобно, в руки свое ремело передать».

И отправились плотник Степан со своим сыном Ерофейкой в Москву.

ВСЕХСВЯТСКИЙ ПОЖАР

Веселой масленицей проводили зиму, и пришла на Русь весна. Стал сходить снег с полей, и зазеленели под теплым солнышком озимые всходы, буйные, дружные. «Быть урожаю богатому», — радовались люди. Крестьяне с утра до ночи в поле: сеют яровые, перепахивают землю, оставленную под пар.

Но ласковая весна 1365 года обернулась вдруг знойным летом, ни капли дождя не упало на истомившуюся землю. Засуха: сгорели посевы, облетели раньше срока листья с деревьев, пересохли ручьи. Воздух, казалось, курился.

Иногда Москву застилало дымом, который несли ветры издалека — где-то горели леса, подожженные солнцем, а может, беспечным или злым человеком. Душным, знойным днем, когда, казалось, людям нечем было дышать, загорелась в Москве церковь Всех Святых. Кинулся народ тушить, да где там!

Будто нечистая сила обернулась бурей и понесла пламя на посад, в Заречье, на Кремль.

Словно ненасытное чудовище, страшный пожар без разбора пожирал дома и бояр, и купцов, и простых людей.

Набросилось разъяренное пламя на дубовый кремль Ивана Калиты: рушился, рассыпаясь искрами, дощатый навес над стенами, пылала наружная стена с бойницами, высокими кострами занялись квадратные проезды и восьмигранные глухие башни, так возведенные, чтобы можно было вести обстрел врагов из луков вдоль наружных стен.

Горел город: будто огненные кони скакали по нему, воспламеняя все на своем пути.

Страшен был всехвятский пожар: неистовство огня, треск горящего сухого дерева, вой ветра, вопли людей, рев обезумевших от страха домашних животных...

Через два часа Москвы не стало. Только каменные церкви, стоявшие, будто призраки, среди огромного дымящегося пожарища, уцелели и подсказали юному князю, что новый Кремль должен быть каменным.

* * *

Уничтожил пожар Москву, задал плотникам работу. На плотников спрос велик. Приглашают их нарахват: и бояре, и купцы, и ремесленники.

По всей Москве пахнет смолой да свежей древесиной — рубят мастера дома из еловых бревен добротных. Стучат топоры и в Зарядье, и в Загородье, и в Кремле. А на Великой улице рядятся на работу Степан с Ерофеевкой. Надобно литейщику Илейке ставить избу на пожарище, где стоят лишь печь да домница. Кузнец тут раньше жил, Доронкин отец.

Рад литейщик Илейка: хорошее место для усадьбы ему досталось, и улица от торгового расстояния недалеко. Рядятся Илейка со Степаном:

— Вот тут, на прежнем месте, должен дом быть; большой дом, пятистенный.

Ерофеевка стоит рядом, слушает — смекает он уже в деле плотником. Недаром его дядя Степан своим подмастерьем зовет.

«Стало быть, — думает Ерофеевка, — дом будет из двух комнат, разделенных бревенчатой толстой стеной. И сени будут».

— И частокोल чтоб по старому месту, вот тут, — слышит он голос длиннорядного Илейки.

Стал Степан о плате за работу договариваться. И Ерофеевка отошел в сторону: о деньгах толковать не его дело.

А рядом, тоже на месте сгоревшего жилья, артель плотников дом ставила: как раз настилали мастера пол из толстых тесаных топором досок. Кладли доски, плотно пригоняя друг к другу. Искусно плотники работают. Загляделся Ерофеевка. И не заметил, как к нему два мальчика подошли, один светлоглазый, а другой смуглый, чернявый, глаза серые на худом лице тоской светятся.

— Вы Илейке дом ставить будете? — спросил светлоглазый.

Ерофеевка кивнул робко.

— А это нам дом рубят, — сказал светлоглазый. Мой батюшка — сапожник, и звать меня Юркой. А тебя как?

— Ерофеевка я... — сказал тихо мальчик.

— Будем знакомцами! — весело сказал Юрка. — А это Доронка, мой друг. На месте его дома теперь Илейка жить будет. Доронка — сын кузнеца, который тут раньше жил. Он один из их семейства от черной смерти спасся.

— Это ты меня спас, — сказал смуглый мальчик.

— Доронка обещал, когда кузнецом станет, — ска-

зал Юрка, — доспех мне ратный сковать. А теперь не-
ту кузницы. И как быть?

— А зачем тебе доспех? — спросил Ерофейка.

— Как зачем? — удивился Юрка. — Супротив хана
татарского биться, когда князь Дмитрий Иванович в
поход кликнет.

— Может, тебе доспех Илейка скует? — спросил
Ерофейка.

— Нет, — вздохнул Юрка. — Он не может. Илей-
ка бронзу варит, булавки из нее делает, перстни, пу-
говицы, что как бубенчики, из бронзовой проволоки за-
пястья* вьет. Бабам и девкам свой товар продает...
Вот Доронкин отец — это был кузнец, он и мечи ковал,
и шлем мог изготовить.

— Я тебе все одно доспех скую, — перебил друга
Доронка. — Вот поглядишь. И тебе, если хочешь,
скую, — повернулся он к Ерофейке.

Ерофейка не успел ответить — его позвал Степан:

— Сынок, пора нам.

Юрка сказал на прощанье:

— Приходи! Играть будем.

— И вы к Ерофейке приходите, — ответил Степан.

— А как ваш двор найти? — спросил Доронка.

— Э-э-э! — засмеялся Степан. — Наш двор крыт
светом, а обнесен ветром. Как найдете такой, заходи-
те, гостям всегда рады. Вот Ерофейка сведет вас.

— Дядя Степан, — сказал Ерофейка, когда они
уже отошли от усадьбы Ильи, — а Юрка о доспехах
печется, чтобы на Орду идти.

— Славных друзей нашел, — ответил Степан.

Вспомнил тут Ерофейка, что он подмастерье, и
сказал:

— Дядя Степан, а ведь надобно бы Илейке и баню
срубить.

* Запястья — браслеты.

— Это так. Да не начиная дело с конца, не надевай на лошадь хомут с хвоста! — И Степан потрепал Ерофейку по вихрастой голове.

В воскресный день Ерофейка пришел за Юркой и Доронкой и повел их к себе.

— Вот наш двор, — сказал он, когда мальчики подошли к полуземлянке.

— Что же у вас дом такой? Сами плотники, — удивился Юрка.

— Да мы на одном месте не живем, — объяснил Ерофейка. — Дядя Степан ходит по городам да селам, избы рубит. Отстроит Москву — дальше пойдет. Так вот и меня подобрал на дороге.

Степан появился в открытой двери:

— А! Вот и гости! Заходите! Не робейте!

Мальчики вошли в жилище и сразу ничего не могли разглядеть со свету.

Маленькое оконце вверху, прорубленное в двух соседних бревнах, было снаружи закрыто деревянным задвижным ставнем. Свет едва проникал через второе, такое же крохотное оконце.

Степан хотел повеселить мальчиков и, ставя на стол угощение, потчевал их с прибаутками. И Юрка, и Доронка смущались, они первый раз в жизни были в гостях.

Тут у избы запричитали нищие, прося подаяния.

— Брюхо-то у людей есть, да, видно, нечего есть. — С этими словами Степан позвал нищих.

Слепая старуха да мальчик-поводырь взяли милостыню, а войти отказались.

Третий нищий, едва наступавший на больную, может быть, ушибленную или стертую во время странствий ногу, вошел. Широко перекрестился на передний угол, где полагалось быть иконе, и только потом пожелал здоровья хозяевам и сел на самый край лавки за стол.

— Да ты, христианин, присаживайся поудобней, — радушно сказал ему Степан.

Мужик чуть-чуть подвинулся.

— Откуда путь держишь? — спросил Степан.

— Из села. Не знаю, куда и податься. Вот пока иду, Христовым именем кормлюсь, — отозвался странник.

— Знать, не от добра идешь, коль бредешь сам не знаешь куда.

— Худо, — ответил с тяжким вздохом мужик. — Одна нога обута, другая разута.

А был этот странник не кто иной, как Фетка.

Жаловался Фетка плотнику Степану:

— Половину урожая отдай. А как урожая-то бог не дал ни мне, ни моему... — Фетка запнулся и вдруг себе на удивление сказал: — Ни моему тверскому боярину. Спалил все сухмень. И нет у меня ни пол-урожая, ни целого. Нечего мне отдавать... — Фетка опустил голову на стол. Разомлел человек от горячего варева.

Степан тяжело вздохнул:

— Бежишь, брат, с тверской земли, ищешь лучшей доли на земле московской. Готов поклониться нашему князю Дмитрию Ивановичу, известному врагу твоего, тверского. Ведь так?

— От голоду не то князю — кошке поклонись на ножки. — В голосе Фетки зло зазвенело. — Это князь князю враг. А мне и тот и другой все один князь. На убогого везде капает. Набежит ли на московскую землю тверской князь — христианам горе: села горят, урожай гибнет, скот угоняют. А московский князь придет на землю тверскую — горе все то же, и опять христианину. Вразумил бы их бог на дружбу, да пошли бы все вместе на Орду, чем друг друга топтать.

Внемлют три друга, к каждому слову прислушиваются.

Ерофейка вдруг вспомнил стол с петушком, и ему стало грустно.

— А великий князь Дмитрий Иванович, как ты думаешь, для чего всех князей приводит под свою руку? — обратился Степан к гостю.

— Помогай ему бог, — ответил Фетка.

— А кто сильнее, московский князь Дмитрий иль Орда? — решился спросить Юрка.

— Ишь ты, — улыбнулся Фетка. — Голод всех сильнее.

— Ну и нет! — возразил тут Доронка. — Меч всех победить может. Меч всех сильнее.

— Богатство всего сильнее, — сказал тогда Фетка.

— Нет! — ответил ему Ерофейка. — У игумена Сергия Радонежского никакого богатства не имеется. Живет он в бедной обители, а все к нему на поклон за вещим словом ездят. Слово всего сильнее!

— Бог самый сильный, — сказал Юрка.

— Богу-то молись, а сам трудись, а то с голоду помрешь, — возразил ему Степан. — Вот знал бы Фетка хоть какое-нибудь ремесло — прокормился бы в городе.

Да не плотник Фетка, не сапожник, не портной, он крестьянин, возделыватель земли своей родной.

— Вот те и деревня, — сказал Степан для Ерофейки и, обращаясь к мальчикам, пояснил, что собирается Ерофейка, как вырастет, уйти в деревню и Степана увести с собой на свое дворище: уж больно любит землю, сенокос, грибы да ягоды в лесу. — Сиди уж в Москве. От добра добра не ищут.

Ерофейка молчал.

— А мы с дядей Степаном были у Сергия Радонежского! — похвастался Ерофейка.

— Ой! — удивился Юрка. — Поведай!

Тут плотник Степан почему-то нахмурился:

— Идите во двор. Там и рассказывай, коль охота.

Степан и Фетка улеглись на лавках соснуть — на то и праздник воскресенье. А мальчики вышли во двор, сели на травку.

— Ну! — торопил Юрка Ерофейку. — Рассказывай!

— В самую его обитель ходили, — начал Ерофейка свой рассказ. — Хотели поглядеть, какой он есть, Сергей. Долго шли дремучими лесами. Тропинка узенькая, ветки лицо дерут, за руки хватают. А птицы так и поют, заливаются. Радостно на душе. А в пути-то встречались нам разные люди — и странники, и убогие, и нищие, и князья, и бояре. Ну, знатные, те на конях скачут, с людьми своими, со слугами. Как услышишь топот — скорей уходи с дороги, того и гляди раздавят. Какой-то человек все с нами шел, рассказывал, что ныне обитель богатой стала. Хозяйство у них там обширнейшее: и поля, и угодья, и ловы бобровые, чего только нет у монастыря. Князья да бояре жалуют земли на помин души. Да и сам монастырь землю себе прикупает. А раньше жил Сергей в лесу один. Зимой метель кружит, мороз трещит в деревьях, а он не боится. Один медведь повадился ходить к нему, потому что Сергей угощал зверя: каждый день клал на пенек кусок хлеба. Вот медведь и полюбил его.

— А сейчас где медведь тот? — перебил рассказчика Доронка.

— Должно, убежал, — вздохнул Ерофейка. — Потому что теперь Сергей не один, теперь монахи с ним живут. На высоком холме церковь стоит во имя святой Троицы. Как звери войдут? Вся обитель тыном высоким обнесена, а во воротах стражник сидит.

— А зачем же стражник? — удивился Юрка.

— Добро, должно быть, сторожит, — ответил Ерофейка.

— А Сергия ты видел? — спросил Доронка.

— Видел, только сразу не признал, что это он. Глядим — идет старец с вязанкой дров на плечах... Риза

на нем ветхая. Это Сергей и был. И совсем не похож на игумена. Игумены важные, ничего сами не делают, только молятся. А Сергей, монахи сказывали, и овощи сам сажает, и муку мелет в жерновах, хлебы сам и просфоры святые печет. И одежду шьет, и обувь, и свечи восковые делает. Иногда праздным без дела не сидит. А молебствие там у них полный день. Еще вот что... Нашел Сергей в дебрях под монастырем воду святую. Так, ключик небольшой, а чистый, прозрачный, вода холодная, вкусная. Мы пили. Говорят, многие хвори она исцеляет.

Вздыхнул Юрка.

— Ты чего? — спросил Ерофейка.

— Мамке бы моей такую воду. В ней давно уж какая-то хворь сидит.

...Не ведал Ерофейка: ходил Степан к Сергию, чтоб спросить: зачем бог отнял у него детей, жену, дом, счастье? Зачем это богу?

И не запомнил Ерофейка, что возвращался Степан из обители мудрого старца невеселый и беспокойный: видно, не получил он того, что искал.

— А я Сергия никогда не видывал, — сказал Доронка. — Вот только монахов его видел. На конской площадке в Москве клеймят коней, коих пригоняют татары ногайские продавать на наш торг. И деньги за это берут монахи, похваляются, будто сам великий князь Дмитрий Иванович подарил им этот доход.

И тут три друга разом о великом князе московском заговорили, который был старше их всего на четыре года.

— Кликнет Дмитрий Иванович людей ратных в поход на татар — я враз пойду! — сказал Юрка.

— И я пойду, — немного смутившись, сказал Ерофейка.

— Я тоже с вами. — Доронка нахмурил густые брови. — И всем доспех скую.

Не ведали три друга, что не так уж и долго ждать, когда сбудутся их слова.

МОСКВА БЕЛОКАМЕННАЯ

Веселой была зима 1366 года. В январе сыграли свадьбу шестнадцатилетнего Дмитрия Ивановича с младшей дочерью суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича Евдокией. Варили меды пьяные, осыпали жениха и невесту хмелем, дарили молодым подарки бесценные.

И Москва и Нижний Новгород радовались союзу.

Спокойнее стало на душе Дмитрия Константиновича. Тяжко ему, тревожно живет на краю земли русской. Нет покою от татар: то нивы потопчут, то села, города пожгут, то людей уведут в полон. Великая сила нужна, чтоб противостоять Орде.

Да и великий князь московский, Дмитрий Иванович, рассчитывает не у порога своего дома встречать врагов, а на дальних границах.

И еще одна общая забота у обоих князей: охранять волжский торговый путь, ибо богатеют княжества от торговли с дальними странами восточными. В последнее время стали бояться купцы нижегородские, московские, гости заморские плавать по Волге: чинят беду на великой реке татары. А еще бояться купцы людей разбойных, новгородских ушкуйников, что на своих ладьях с носами в виде медвежьих голов нападают на татар, да и купцов богатых не жалуют.

Будут отныне волжский торговый путь охранять ратники князей московского и нижегородского.

* * *

Вскоре после свадьбы митрополит всея Руси Алексий повстречал Дмитрия на пути в хоромы молодой княгини — к жене направлялся князь.

«Уж который раз тут меня встречает», — с досадою подумал Дмитрий. И Алексей, похоже, смутился. Сказал:

— Рад я, княже, что по сердцу тебе пришла Дуняша.

Молодой князь молчал насупившись.

— Вот тебе мои гостинцы, — сказал митрополит и раскрыл ладонь. На ней лежали три больших ореха, один из них был расколот. — Определи, что сие значит?

— Смекаю, отче, — ответил Дмитрий. — Наш свекор, князь суздальско-нижегородский, приведен под власть Москвы. То расколотый орех. У князей тверского и рязанского сила еще велика, не хотят они подчиняться нам. То нерасколотые орехи.

— Верно, Дмитрий, — сказал Алексей. — Возьми их и носи при себе, думай дено и ночью, как расколоть. А теперь ступай к своей ладушке. — И, привычно благословив князя, митрополит удалился.

Смотрел Дмитрий вслед Алексею и впервые поднималось в душе раздражение против своего наставника: «Все поучает, будто я дите малое. Того гляди заметит Евдокиюшка»...

Впервые Алексей словно помешал ему тем, что всегда рядом.

* * *

В эту же зиму замыслил великий князь вместе с двоюродным братом Владимиром и митрополитом Алексием ставить в Москве каменный Кремль. Не может забыть Дмитрий Иванович, как горел деревянный Кремль деда Ивана Калиты, да и супротив врагов, коли беда придет, каменные стены надежнее спастись будут народ московский.

Как замыслили, так и сделали.

Многие мастера и простые люди пришли в Москву на постройку Кремля, рады делу и заработку. Среди

них и Фетка. Ныне живет спокойно: поди сыщи его в этом скопище людском.

Возит Фетка белый камень по застывшей Москвереке из деревни Мячково. При деле человек, работает на московского князя. Всякой работе он рад.

Раскраснелось лицо на морозе. Белесые брови, ресницы, борода, усы совсем заиндевели.

«Хорошо-то как, — думает Фетка, — когда руки не лежат без дела».

Смотрит он на нескончаемую вереницу саней с тяжелым грузом. Знает Фетка: многих возниц выгнал из дома голод, наступивший после засухи. И пришли они в Москву с верою, что прокормит она их. Сидят возчики на упряжных лошадях, побрякивают от мороза, дух белым паром оборачивается.

Весело понукает Фетка послушных лошадей, смотрит по сторонам. Славно! Снег сверкает под солнцем, лежат на нем ярко-синие тени от деревьев, скрип под полозьями.

«Изукрасил-то как землю господь бог, — думает Фетка. — Это его рук дело благодать такая! Вот Степан совсем бога не признает, говорит: какой он там бог, коль допускает на землю столько зла и горя. А я-то знаю: бог милостив, а наказывает людей за грехи».

Тут начинается у Фетки мысленный спор с его московским другом Степаном. Надо же! Нет у Степки бога. Вспоминает Фетка богохульные слова плотника и чувствует: будто ржавчина, незаметно разъедают и его веру. Начинает он думать: почему бог наказывает христиан, подобных ему, Фетке, а служителей своих, что обируют по городам и селам бедных людей, не наказывает? Почему взимают они золото-серебро и с живых и с мертвых? Эдак разве гоже? Родился человек — плати, а то не окрестят, умер — опять плати, иначе обряда погребального не свершат. А коль платить нечем, так и грехов никто не отпустит? И уж не

любуется Фетка зимней сказочной красотой, укоряет он священнослужителей:

— Разве подобает монаху, попу аль архиерею мздоимцами быть? Кормятся, как скот пред закланием, едят и пьют без меры, да и зелье хмельное любят...

Фетка не замечает, что лошади его еле бредут.

— Эй, возница! — окликают его сзади. — Спишь аль замерз?

* * *

По весне на кремлевском холме пошел стук великий: молотками да долотами тюкают по белому каменю каменщики. Обтесанные плиты, скрепленные известью, ровно ложатся одна на другую.

Растет стена...

На это строительство князь Дмитрий особо пригласил владимирских плотников и каменщиков — мастеров-искусников. Слух шел, что переманил он умельцев и из Твери.

Среди мастеров достойных трудился на сооружении Кремля и плотник Степан, а рядом с ним его подмастерье — Ерофейка.

А когда стены поднялись и встали во весь свой рост, загородив Москву от врагов, всем стало жить спокойно.

Князь Дмитрий любил взбираться на только что возведенные стены белокаменные: далеко с них видно. Ему казалось, что за широкими лугами и далекими лесами он видит границы своего княжества.

Вон в той стороне, куда уходит солнце, владения тверского князя. А в полуденную сторону лежит дорога, которая приведет в поле широкое, которое, знает великий князь, будет бранным.

* * *

В княжеские покои вошел митрополит всея Руси Алексей:

— Княже! Важные вести. Из тверской земли прибыли родичи князя Михаила Александровича... Жалуются: захватил их земли тверской князь, челом бьют: просят зашити и найти управу на князя Михаила. Удобный случай, княже...

— Расколоть второй орех? — нетерпеливо перебил Дмитрий.

— Да, — ответил митрополит. — Так сделаем: я позову Михаила Александровича в Москву для переговоров. И здесь мы вместе — ты княжьей властью, а я духовною — склоним его подчиниться тебе.

— Быть посему! — Глаза Дмитрия вспыхнули.

Тверской князь не посмел ослушаться митрополита всея Руси: приехал на зов.

Но вместо переговоров в Москве был учинен третий суд. Предлагали Михаилу отдать родичам спорные уделы. И вдруг потребовали, чтобы он признал московского князя Дмитрия старшим на Руси князем. Не только требовали — заставляли под страхом смерти целовать на том крест. И стоял перед ним с крестом сам митрополит всея Руси Алексей.

Но был тверд Михаил, князь тверской: отказался. Не быть Твери под Москвой!

Тогда Михаила и сопровождавших его бояр посадили в домашнее заточение, по домам старейших бояр Дмитрия. Каждый один сидит, и за дверьми стража.

Михаил задыхался, гнев душил его. И не только потому, что он попал, как глупый зверь, в засаду. Возмущало коварство митрополита. Сидя в одиночестве в московских хоромы, тверской князь не столько думал об освобождении из плена, сколько о мести Алексею и Дмитрию за посрамление.

«Вот что, — решил Михаил Александрович, — буду жаловаться константинопольскому патриарху: пусть судят митрополита на соборе. Напишу, что не печалуетсся он о бедах русских князей, а любит только

одного Дмитрия. Напишу, что не бывало еще на Руси такого митрополита, каков есть этот: благословляет Дмитрия на пролитие крови! Живет только в Москве и никогда не посещает ни Киева, ни других городов русских. Дай нам другого митрополита! Вот что я напишу патриарху. Виданное ли дело: митрополит снимает целование с тех, кто целовал на верность крест ко мне, и благословляет переход к московскому князю».

И вдруг озарение снизошло на тверского князя: «Раз так, дам и я ложную клятву, пусть только выпустят меня!»

Застучал Михаил в дверь, вызвал стражу:

— Ведите к митрополиту! Крест целовать буду...

И целовал Михаил Александрович, князь тверской, крест на верность московскому князю Дмитрию Ивановичу.

С тем и отпущен был.

А в Москве праздновали победу.

* * *

Михаил вернулся в Тверь. Тут же он призвал епископа и ближайших бояр. Рассказывая о вероломстве москвитян, потребовал, чтобы епископ снял с него крестное целование, что тот и сделал тут же.

— Вот моя воля, — сказал Михаил боярам своим. — Москву унять надобно. Я еду в Литву, к мужу моей сестры Ульяны, к великому князю Ольгерду Гедиминовичу. Будем вместе готовить полки против Москвы. Ольгерд всегда с теми, кто мешает возвыситься и укрепиться Московскому княжеству, потому что и сам Ольгерд боится этого возвышения. Он знает: не будь у Москвы врагов страшнее Литвы, поди, погнал бы московский князь и самого Ольгерда с русских земель, что захватила Литва.

Не ошибся Михаил Александрович. Согласился литовский князь идти с ним на Москву.

Ольгерд человек рассудительный, мудрый. Он не любит, как другие князья, шумных пиров, где рекою льются пьяные меды, не любит охотиться на зверей диких. По душе Ольгерду ратные походы и подвиги.

Осторожен литовский князь, недоверчив. И есть у него обычай появляться перед своими врагами внезапно. Это ему всегда удается, потому что Ольгерд никогда никому не говорит о своих замыслах, даже воины его не знают, куда их ведет великий князь.

Вероятно, поэтому и Дмитрий Иванович узнал о приходе Ольгерда с князьями литовскими и Михаилом тверским, когда они уже подошли к границам княжества Московского.

Как ни спешно разослал по Руси Дмитрий грамоты о сборе войск, присоединиться к нему успели лишь ближайшие к Москве коломенские и дмитровские полки.

А войска Ольгерда между тем продвигались к Оболенску, забирая в плен мирных людей, угоняя скот, учиняя грабеж и разорение...

Скорострелник, проскакав единым духом шестьдесят верст, появился в Москве перед князем Дмитрием и оповестил его, что на реке Тросне двадцать первого ноября разбил Ольгерд русские рати, вышедшие ему навстречу, и погибли в бою все — и простые ратники, и бояре, и воеводы.

Тогда повелел Дмитрий пожечь только что выстроенные после пожара посады и всем людям спрятаться в новом Кремле.

Москва стала готовиться к осаде...

К Ольгерду приводили пленных. «Где князь Дмитрий? — спрашивал он у пленных. — Собрал ли он большие силы?..»

И получал один ответ: «Откуда нам знать? Не ве-

даем». Как сговорились. Тогда князь литовский приказал пытать пленников. И на дыбе, под щипцами раскаленными языки развязались. Узнал Ольгерд: не удалось князю Дмитрию собрать большие силы, сидит он с братом своим двоюродным, князем Владимиром Андреевичем, митрополитом всея Руси Алексием, боярами старейшими и всеми людьми московскими в Кремле.

И пошел Ольгерд на Москву.

Вскоре он ее увидел, покинувшую и пожегшую свои посады, спрятавшуюся за новыми белокаменными стенами с высокими башнями.

...Вот уже три дня зажигались утренние зори и гасли вечерние, а Ольгерду все не удавалось взять город.

Так и пришлось снять осаду и отправиться в обратный путь. Всю злобу за неудавшийся поход он вымещал на селах и монастырях, что попадались на его пути. Немного утешали князя толпы русских, угоняемых в полон, да стада скота, которые удалось захватить.

Еще злее разорял московскую землю тверской князь Михаил. Его рати жгли селенья, не щадили даже стариков и малых детей.

Мстил Михаил Александрович московскому князю и митрополиту Алексию за бесчестие. А у мести глаза пустые и сердце безжалостное.

* * *

Хмур был князь Дмитрий, молчалив и задумчив митрополит всея Руси Алексий. Не удалось поставить Тверь под начало Москвы. Целым остался орех.

Посады московские сгорели, земли разорены, многие люди русские или убиты, или угнаны в полон.

— Отныне повелю глаз не спускать с путей-дорог в мою землю, — сказал князь Дмитрий именитым боя-

рам в Думной палате. — А в Волоке-Ламском поставлю рать, чтоб всегда была готова к походу, чтоб в любое время дня и ночи, в зной и стужу, в любую непогоду могла отразить врага. И на юге поставлю сторожу: чтобы из дальних степей враги не могли прийти неведомо.

ВТОРАЯ ЛИТОВЩИНА

В августе 1370 года до князя Дмитрия дошли слухи: не уgomонился тверской князь Михаил Александрович, новых союзников против Москвы ищет, на этот раз сговаривается с Ордой.

В ответ посылает князь Дмитрий на тверскую землю дружины из Москвы и Волока-Ламского, а в сентябре и сам отправляется со всею своею силою. Шесть дней осаждает он город Зубцов, берет его и сжигает.

...Горят тверские села, сиротливо в полях стоят небуранные хлеба. Разбежались смерды кто куда, некому убирать урожай. А когда вернулись крестьяне в родные деревни, затопили землю дожди. Так и остался хлеб в поле.

В эту пору тверской князь Михаил был в Литве. Там он и узнал о разорении своих владений. Опять обратился он за помощью к Ольгерду, но тот не мог помочь ему: был занят войной с немцами.

Донесли Михаилу и о том, что являлись к нему ордынские послы, привезли ярлык на тверское княжение. Тут же решил Михаил ехать в Орду искать помощи. К середине ноября ему удалось попасть к хану. И хан охотно подлил масла в огонь, дал тверскому князю ярлык на великое княжение. «Пусть дерутся русские князья между собой, — привычно рассудил хан. — И не останется среди них сильного».

Зорко следит за своим противником великий князь

Дмитрий Иванович. Решил он изловить Михаила: расставил на всех путях из Орды московские заслоны. Не пробраться тверскому князю ни прямыми путями, ни околицами.

Но все-таки удалось Михаилу достигнуть Литвы. Пришел с поклоном к Ольгерду, опять просит помощи. И пробыл тверской князь в Литве до поздней осени, когда наконец Ольгерд во второй раз собрался походом на Москву. Идут с Ольгердом сыновья его, братья и прочие литовские князья. Не секрет для Михаила: хочет Ольгерд подчинить власти своей все русские земли. О себе, о своем богатстве печется его зять. Поди, и на тверское княжество глядит как на свою вотчину, хочет, чтоб тверская епархия была подчинена их, литовско-русскому митрополиту и изъята из ведения Алексия. «Что же, это и мне надобно, — думает Михаил. — Вот только мой народ тверской тянет к Алексию. Можно Москву сломить только силою».

И показывает тверской князь дороги на Русь сильной рати Ольгерда, советует высылать впереди себя полоненных местных жителей — пусть чинят мосты и расчищают путь.

Нелегка дорога до Москвы осенью, но тем меньше ожидает Дмитрий Иванович литовских гостей. Таков расчет Ольгерда.

В конце ноября подошли они к владению князя Владимира Андреевича, городу Волоку-Ламскому.

Но не напрасно загодя поставил сюда свою рать великий князь Дмитрий. Два дня приступом брал Ольгерд деревянные стены города и не смог взять. Разграбил и сжег лишь окрестности и направился к Москве.

Шестого декабря его войско увидели защитники города со стен и башен Кремля.

Не получилось у Ольгерда и на этот раз внезапно-го удара.

Десять дней простоял у стен города Ольгерд, не решаясь идти на приступ. И долго стоял бы, коли не пришли вести, что двоюродный брат князя Дмитрия Владимир серпуховской стоит в Перемышле и собирает рать, чтобы идти Москве на выручку. Того гляди попадет Ольгерд в окружение! И запросил мира князь литовский у князя Дмитрия Ивановича. А Владимир Андреевич пусть берет замуж дочь Ольгерда, красавицу Елену.

Дмитрий согласился: свадьба так свадьба. А перемирие всего лишь до середины лета 1371 года. И пошел с этим Ольгерд восвояси. Шел, как всегда, с большой осторожностью, озираясь во все стороны: боялся погони, боялся простых смердов. Ненависть народная провожала в обратный путь Ольгерда и тверского Михаила.

Зима 1370 года была на редкость теплая, рано пришла весна, солнце растопило снег, и изумленные земледельцы вышли убирать не сжатый осенью хлеб. Но не всем выпало такое счастье, там, где прошли литовские рати, убирать было нечего, вытоптали хлеб Ольгердовы полчища.

Снова пахали, бороновали, сеяли. Но уже подстерегала людей новая беда: летом не выпал ни один дождь, жаркое, беспощадное солнце спалило все. Начался на русской земле голод. И проклинал народ князей с их кровавыми распрями, сетовал на бога, что послал на поля сухмень.

СНОВА ТВЕРЬ

Отправляясь из Литвы в Тверь, в свою вотчину, гневен был князь Михаил Александрович, еле скрывал презрение к Ольгерду. «Породниться с Москвой захотел князь литовский, — мрачно думал Михаил. —

Знать, боится Дмитрий. А коль так, надобно искать нового союзника. Поеду к татарскому хану. И сына своего Ивана повезу».

Но прежде, чем отправиться в путь, уже из Твери, во второй раз послал Михаил константинопольскому патриарху жалобу на митрополита Алексия, требовал суда над ним. «Совершит Москва грех, — писал Михаил, — сама же себе и отпустит. А врагов Дмитрия московского бьет и митрополит Алексий разными церковными карами».

* * *

Темник Мамай в последние годы все пристальнее приглядывается к Москве. Приглядывается с опаской: своевольна Москва стала, ослушна, горда. Словно бы она уж и не улус Орды. И посему рад Мамай приезду князя тверского. Надо сделать все, чтобы между русскими князьями была рознь. И Мамай помог Михаилу испросить у хана ярлык на великое княжение. Предлагал и силу татарскую. Но Михаил отказался, побоявшись вести с собой татар. Знал: не понравится это на Руси. Лишь согласился ехать с послом Сарыхожею — он повезет ярлык и посадит Михаила на великое княжение в стольном граде Владимире.

Возвращается из Орды тверской князь. На земле весна. Когда же он будет дышать не в полгруды, а во всю ее ширь? Поглядывает Михаил на Сарыхожу, вздыхает: великое княжение... Десять тысяч рублей задолжал он, пока жил в Орде. Пришлось оставить в залог сына Ивана.

«Выкуплю! — утешает себя Михаил. — Великокняжеские доходы непомерно велики. Да и с земли владимирской, что переходит к великому князю, не малы: земля плодородна, реки рыбные, бортные угоды, соляные варницы...»

Из града Мологи Сарыхожа послал Дмитрию Ивановичу предписание хана: явиться во Владимир «к ярлыку», чтобы быть при возведении на великое княжение Михаила Александровича, князя тверского.

Вскоре пришел гордый ответ: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение великое не пушу! А тебе, послу, путь чист».

Прислал Дмитрий Иванович Сарыхоже и приглашение приехать к нему в Москву. Заискрились глаза посла, обмякло сердце: похоже, не с пустыми руками вернется он в Орду. Но невдомек посланнику татарскому, что тут хитрость, что задумал князь московский сделать Сарыхожу своим союзником в Орде.

Отдал посол ярлык Михаилу, а сам направился в Москву.

Пришлось Михаилу возвращаться домой через Бежецкий Верх. Опять от Дмитрия жизни нет: стоит на пути.

О чем говорили в Москве великий князь с Сарыхожей, никто не ведает. Но знают, что уехал посол от Дмитрия Ивановича со многими дарами бесценными.

А как вернулся Сарыхожа в Орду, без усталости хваливать князя Дмитрия начал: и весел, и молод, на дары щедр, а главное — вот ведь диво! — смирен и Орде служить готов.

* * *

А как узнал Михаил тверской об этом, в ярости и гнев начал громить владения московские: горят Кострома и Молога, Углич, разграблен Бежецкий Верх.

— Вот что, княже, — сказал митрополит всея Руси Алексий. — Совет тебе даю. Внемли: надобно тебе ехать в Орду.

— С намерением каким, владыка? — спросил Дмитрий.

Алексий усмехнулся. Сказал:

— Надо убедить Мамай, что ты послушный улусник Орды и нет у Москвы тайных умыслов против татар. Выказывай им покорность, а сам меч обоюдоострый точи!

— Так и делаю, отче!

— С богом в путь!

До самой Оки проводил митрополит Алексий Дмитрий и сопровождавших его бояр. Опираясь на посох, украшенный дорогими камнями, долго стоял седовласый старец на берегу, благословляя любимого воспитанника и его спутников.

А когда скрылись последние телеги обоза Дмитрия, митрополит заспешил в Москву: вот-вот должны были приехать литовские послы обручать дочь Ольгерда Елену с двоюродным братом Дмитрия серпуховским князем Владимиром Андреевичем.

По возвращении в Москву Алексий собирался отлучить от церкви князей, которые когда-либо заключали с Дмитрием договоры, а потом изменили ему. Митрополит понимал: это страшное, крайнее наказание. Но как иначе оградить Дмитрия от измены?

Трудные думы о мирских делах не давали Алексею роздыху и в пути.

И еще забота: надо писать ответ константинопольскому патриарху.

Сидя в своем возке, он закрыл глаза и, покачиваясь на неровной дороге, составлял ответ константинопольскому патриарху, который, вняв жалобам тверского князя, укорял митрополита в нелюбви к Михаилу и другим русским князьям.

* * *

Целый месяц жил Дмитрий в Орде. Своей щедростью, веселым нравом московский князь очень быстро расположил к себе и хана, и ханш, и вельмож татар-

ских. Щедрыми были и бояре, сопровождавшие Дмитрия.

...В чем бы ни был обут Мамай, в чедыги атласные с золотым шитьем или чедыги сафьяновые, шаги темника неслышны, легки, как у рыси, выслеживающей добычу. Ходит Мамай всюду неотступно за Дмитрием — следит. И людям Мамаевым приказано не спускать глаз со знатных русских гостей.

«Князь Дмитрий велик телом, а что дите, никакой в нем хитрости, — пришел наконец к заключению Мамай. — Михаил тверской, как был в Орде, с утра до ночи строил козни против Москвы, а Дмитрий увидел сына его Ивана, что оставлен отцом в залог за долги, выкупил тут же княжича, сказал участливо: «Повезу в родную землю». Беден, знать, тверской князь, а у московского есть чем платить Орде! Ишь как бездумно одаривает всех, и кого надо, и кого не надо. И чудятся темнику богатства московские несметные. Думает: разум у Дмитрия молодой и глупый, счета деньгам он не ведает. Такой великий князь и нужен мне на Руси».

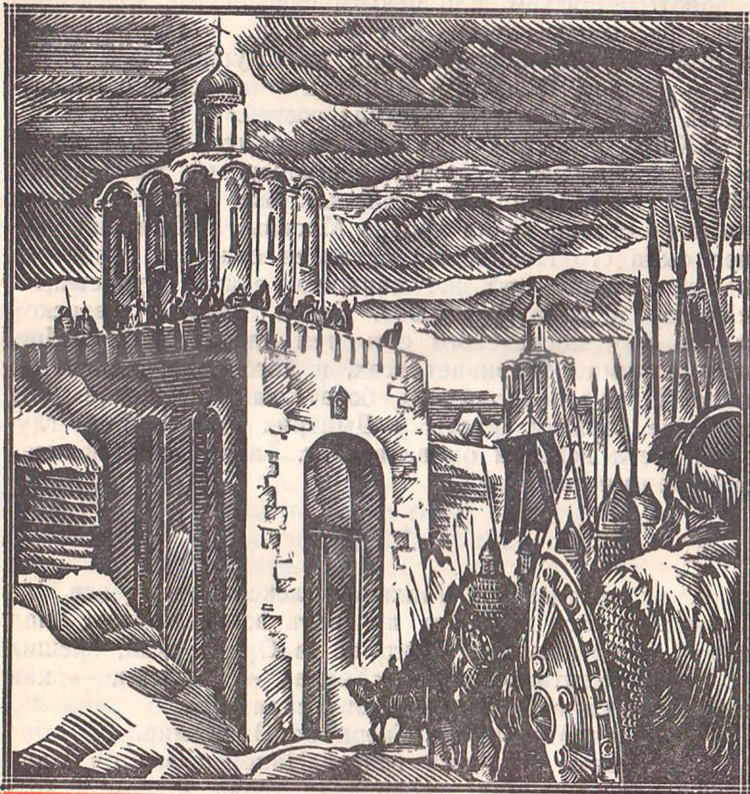
* * *

А князь тверской Михаил Александрович все не унимается, все не хочет признать волю Москвы над собой. Проведал, что Дмитрий в Орду уехал, решил еще раз попытать судьбу. «Когда, — подумал, — как не сейчас на великое княжение садиться».

И пошел Михаил из Твери во Владимир.

Все ближе стольный град... Наконец вот он, как мечта долгожданная: изумрудная трава ковром к крепостным стенам стелется.

Глубокий ров, надвратная белая церковь, златоглавая, будто приглашает, манит к себе. Видны и купола Успенского собора, в котором венчают на великое кня-

жение. Сердце Михаила замерло, перед ним золотые ворота града Владимира...

Но почему они заперты? Михаил в замешательстве. И вдруг голос со стены, как набатный колокол:

— Есть у нас великий князь, Дмитрий Иванович московский, а ты ступай прочь!

Горячая кровь бросилась Михаилу в лицо.

— Не гневайся, князь, — продолжал тот же голос. — По всем городам бояре, купцы и черные люди дали клятву князю Дмитрию не предаваться тебе.

«Вот оно что!» — гнев сменил радостное ожидание.

Конь, на котором он сидел, застыл перед запертыми воротами.

С яростью вонзил Михаил серебряные с позолотой шпоры в сытые бока коня. Конь заржал пронзительно, взвился на дыбы — еле удержался в седле всадник.

— Домой!.. — хрипло сказал князь Михаил своим спутникам и поскакал прочь от стен стольного града Владимира.

* * *

А в Москве у великой княгини радость: пожаловали в ее терем богатые гости — сурожане*. У них всегда товары отменные. Княгине наряды сейчас да обновы ой как потребны! Скоро Дмитрий из Орды вернется. Хочет Евдокия пред мужем любимым нарядной да красивой быть.

Раскладывают перед княгиней купцы заморские свои товары — глаз не оторвешь: переливается аксамит золотный с травами и разводами, плотная объяр лазоревая с золотой струей, объяр алая со струей серебряной. Тут и бархат, и атлас с дивными узорами.

* Купцы, ездившие торговать в Кафу (Феодосия), Сурож (Судак) и другие крымские города.

А вот зендень* синия да гвоздичная... Не знает Евдокия, на что глядеть.

Потом шили обновы, торопились, чтобы поспеть к приезду Дмитрия.

И наступил долгожданный день. Встретила княгиня своего мужа. Не может Дмитрий оторвать взгляда от супруги своей: стоит пред ним Овдотьюшка в платье лазоревом, глаза от того будто еще синей. Цветок сказочный, да и только!

— Здравствуй, моя ненаглядная!

Но не мог долго быть Дмитрий дома: звали его к делам неотложным заботы княжеские. Дорого обошлась ему победа в Орде над князем тверским — пополнить московскую казну надобно.

Вот и разложили на народ новые податные тяготы. Но на этот раз никто не роптал особо: и простые люди хотели победы Дмитрия над Тверью.

Занят князь распрями да походами. Послал воеводу Дмитрия Михайловича Волынского — Боброка — в землю рязанскую отбирать у князя Олега Лопасню, что захватили рязанцы внезапным нападением еще у отца Дмитрия, Ивана Красивого.

— Подошло время вернуть городок, — сказал великий князь.

Уже тому княгиня рада: остался в Москве ее муж возлюбленный. Но не удержали Дмитрия ласки великой княгини и обновы ее чудесные: ушел князь к Любутску, потому что прилетела тяжкая весть: снова Михаил тверской призвал на Русь литовскую рать, и в Любутске должны встретиться Ольгерд и Михаил Александрович.

...Шаги за дверью покоев великой княгини. Входит митрополит Алексей:

* Аксамит, зендень, обьярь — дорогие шелковые ткани.

— Радуйся, Евдокия Дмитриевна, жди мужа. Пылали Дмитрий врагов своих, те и согласились на перемирие: коль нападут тверичи на владения Дмитрия, литовцы не придут на помощь Твери. А Михаил возвратит все пограбленное на земле великого князя и уведет своих наместников из захваченных им земель.

Забыла сан митрополичий княгиня, обвила шею Алексея нежными руками, прижалась к нему, как к отцу родному, и вдруг заплакала и засмеялась разом.

Вернулся великий князь из Любутска в Москву, но недолго праздник для княгини Евдокии: опять в поход собирается, теперь на реку Оку. Сторожка с юга донесла, что татары опять совершают набеги на рязанские города и грабят их.

— Надобно заранее выйти навстречу врагу, Овдотьюшка, — утешал князь любимую жену, — чтоб ни один татарин не переправился на Берег.

Знала Евдокия, что Берег — это южная граница Московского княжества. Знала, что Дмитрий неустанно заботится об ее укреплении. Слева сторожит эту границу Коломенская крепость, город, где венчалась она с Дмитрием, а справа стоит Серпухов, стольный город князя Владимира Андреевича. Между ними — непроходимая Мещерская низина. Только не знала Евдокия, надолго ли покидает ее великий князь.

Трудно прятать слезы, коль они льются ручьями...

Уехал Дмитрий охранять Берег и простоял на Оке все лето 1373 года. Сюда же пришел к нему и двоюродный брат, князь серпуховской Владимир Андреевич, привел войска из Нижнего Новгорода.

И порешили братья превратить город Серпухов в сильную крепость, окружить город дубовыми стенами.

Как порешили, так и сделали.

Сторожит великий князь Дмитрий Иванович свою землю. Сколько дум передумано! И тянутся эти думы из лета в лето. И есть у него одна заветная дума: как

ставить полки на бранном поле. Ставить... Дмитрий хорошо понимает, что, прежде чем ставить, надобно собрать ратные русские силы воедино, иначе Орду не сокрушить. А приведут ли все русские князья свои рати на бранное поле? Нет! Многие из них пекутся не о бедах земли родимой, а лишь о богатстве своем. А князь тверской ищет путей к великому престолу и не гнушается ни татарскою силою, ни литовскою...

Как подчинить себе всех князей, чтобы в грозный час не смогли ослушаться Дмитрия?

И надеется великий князь где силой, где хитростью, где деньгами собрать под свои знамена всю Русь. И борется Дмитрий со своими соперниками, отстаивая первенство на всенародную битву с извечным врагом.

А народ по всей земле Русской ведет борьбу с грабителями всяк по-своему.

В Нижнем Новгороде посадские люди перебили послов ордынского темника Мамай и войско, явившееся с ними, захватили Сарайку и разоружили его отряд. Князь нижегородский, отец Евдокии Дмитриевны, велел посадить задержанных под стражу. Но Сарайка с дружиною своею убежали на двор епископа, подожгли там хоромы и начали стрелять в нижегородцев. И тут поднялись все нижегородцы и убили Сарайку, людей его и еще, говорят, перебили татар полторы тысячи.

ЗЕМЛЯ СНОВА КУРИТСЯ

Десять лет прошло с тех пор, как привел Степан Ерофейку в Москву. Теперь Ерофейка отменный плотник — золотые руки. Ходит он со Степаном по дальним и ближним дорогам Руси, строят кому хоромы, кому большие избы, кому маленькие. Возводят церкви, рубят бани, вокруг дворов городят частокотлы...

Ныне опять зной велик сотворился и дождя ни капли за все лето на иссушенную землю не упало. Выжарило солнце хлеба, травы, нечего будет есть зимой ни людям, ни скотине. Пропал весенний труд земледельца.

— Дожжечку бы!.. — слышится во всех городах и селениях, куда заходят Степан с Ерофеейкой. — Дожжечку бы послал бог!

Ходят плотники по дорогам, и чудится Ерофейке, будто и земля шепчет иссохшими, растрескавшимися губами:

— Дожжечку бы!..

Молятся люди, но бог не дает дождя.

Недалек путь плотников — от села до села.

Утро. А солнце печет, что в полдень. Ноги едва плетутся по твердой как камень, высохшей дороге. Впереди лес. Но и в лесу нет прохлады. Тропинка засыпана желтыми, не в пору облетевшими листьями. Тонут ноги в сугробах сухой листвы. Тихо в лесу. Словно вымерло все и нет тут ни зверя, ни птицы.

Ерофейка нагнулся и, захватив горсть скрутившихся от непомерного зноя листьев, сжал их в руке. Захрустели листья. Раскрыл ладонь — мелкая желтая пыль медленно опустилась на землю. Вытер рукавом сорочки пот с лица. Испить бы.

Степан лег на землю и, широко раскинув руки и ноги, закрыл глаза. Ерофейка лег рядом.

Вышли плотники из леса, когда раскаленное солнце тоже наконец изнемогло и начало, потеряв силы, спускаться с неба к краю земли.

Вечерело. Степан и Ерофейка оказались у крайней избы большого села. Солому на крыше ветер развеял давным-давно, да и избышка так обветшала, что, казалось, вот-вот повалится и стояла только потому, что никак не могла решить, в какую сторону падать.

— Вот где нужны плотницкие руки, да, видно, на-
нимать их не на что, — сказал Степан. — И посту-
чать-то некуда: ни тына, ни ворот.

На соседнем дворе, почуяв чужих, залаяли собаки.
Дверь оказалась открытой.

— Есть кто живой? — спросил Степан и перешаг-
нул порог.

Сильно пахнуло душистыми травами. Под низким
потолком в избе сохли пучки полыни, душицы, чабре-
ца и еще бог весть каких трав.

Лавки и стол, добела отмытые, кадка у печи — вот
и все убранство.

Худая старуха — знать, хозяйка — улыбнулась без-
зубым ртом:

— Заходите, заходите, люди добрые!

— Плотники мы, — начал было Степан.

Старуха понимающе закивала и, не дослушав Сте-
пана, обнадежила:

— На боярском дворе да у попа нашего работа для
вас сыщется.

— Бабушка Пелагея, вот молочко возьми! —
На пороге появилась девушка. Увидев незнакомых
мужчин, тихо ахнула. Румянец вспыхнул на ее щеках
и густо заалел, выказывая смущение.

— Ладушка моя, кормилица моя, соседushка, — за-
причитала старая женщина. — Да ты не бойся, Аню-
тушка, заходи в избу-то, вишь, плотников привел нам
бог, людей хороших.

Девушка поздоровалась.

— Ишь, какая пугливая, ах ты красавица, — при-
говаривала бабушка Пелагея, беря крынку из рук де-
вушки.

— Диво дивное, а не Анята, — сказал Степан,
когда девушка ушла.

— Жена у Фрола еще пригожей Аняты была, да
померла. И не женился больше Фрол, сам растил доч-

ку. Сватают девку многие, ан не хочет она уходить от
отца, да и он не неволит.

Повечеряли молоком, что принесла Анята, и вы-
шли на волю: душно в избе.

Солнце спряталось за край земли, а прохлады все
не было. Оглядывая ясное небо, Ерофейка с тоской по-
думал, что завтра опять будет пекло. Подсел он к Сте-
пану, который лег на пожухлую от зноя траву. Ба-
бушка Пелагея вынесла мешочек с прошлогодними ка-
леными орехами и подала Ерофейке:

— На, погрызи-кось, позабавься.

Присела бабушка Пелагея на пороге и, словно пес-
ню слагала, стала рассказывать, как ходит по лесам
да лугам, едва стает снег, собирает на заветных полян-
ках цветы и травы, как, затаив дыхание, остановится
перед тысячелетним дубом и, перекрестившись, шеп-
чет: «Из пустого дупла, или сыч, или сова, или сам
сатана, поди вон».

— И что скажу... — переходит на шепот бабуш-
ка Пелагея. — Верьте, не верьте, а вот чую, как
взметнется тень, и улетит злой дух от того заклинания
прочь.

А травки и цветы, что собирает бабушка Пелагея и
сушит, прогоняют разную хворь. Вот и ходят к ней лю-
ди за добрым снадобьем. Ходят и за советом, потому
что знает она, когда озимое сеять надо, когда яровое,
когда жатву начинать, когда обмолот. За совет и по-
мощь приносят добрые люди кто чем богат. Тем она и
кормится.

В ответ рассказывает Степан бабушке Пелагее о
Москве и Великом Новгороде, о других русских городах,
дальних и близких, о том, как там люди живут.

Старая женщина слушает, изумляется, верит и не
верит. Ну и чудеса творятся на белом свете! В Ильмень-
озере да реке Волхове ловят, как рыбу, жемчуг, в Моск-
ве людей не счесть — дворов тыщи. А вот об игумене

Сергии Радонежском она знала: дошла о нем молва и до их села, затерянного средь дремучих лесов.

Наутро над землей стояла мгла. Пощипывало, как от дыма, глаза. Воздух был душный, недвижимый. Солнце висело в небе палящим огненным шаром. На солнце видели люди пятна, точно в светило вбили огромные черные гвозди. Говорили, что приходит конец света. Мгла с каждым днем становилась гуще: где-то горели леса, и поэтому сельские люди, а вместе с ними и Степан и Ерофейка каждый день уходили в ту сторону, откуда надвигалась мгла. Копали рвы, чтобы оградить себя от огня, если придет.

Два месяца рыли землю люди. Два месяца жили плотники у бабушки Пелагеи. И, видясь каждый день, полюбили друг друга Анята и Ерофейка.

А когда мгла ушла, сыграли свадьбу. Фрол, отец Аняты, был рад работнику: Ерофейка обещал жить с ними в селе. Но не пришлось плотнику остаться на приволье. Зимой начались голод и мор на скотину. Пришлось снова идти Ерофейке в Москву — плотничье ремесло теперь должно было кормить его новую семью.

На праздники Ерофейка приезжал домой. Возил жене, свекру да бабушке Пелагее пропитание, московские гостинцы и разные новости. Так, однажды рассказал он, что сын тысяцкого Иван Вельяминов с купцом Некоматом Москве изменили, убежали в Тверь.

— И что так? — не понимала Анята.

— Да известно, — объяснял Ерофейка, — метил Иван в тысяцкие после смерти своего батюшки Василия Васильевича, царствие ему небесное. А князь Дмитрий Иванович не желает больше иметь тысяцкого на Москве. Знать, сам хочет быть всем делам головой. Ну а Ивану обидно. Отец, поди, сызмальства его в тысяцкие готовил: и как повинности между гражданами распределять учил, и как судебную расправу чинить, и как полки собирать.

— Ну и что теперь будет? — спрашивала любопытная бабушка Пелагея.

— За измену заберет их села себе князь московский, вот и весь сказ, — отвечал Ерофейка.

— А уж Иван с Некоматом, поди, перед тверским князем наизнанку выворачиваются, — вставлял свое слово и Фрол. — Мол, мы такие, а ты такой, а князь Дмитрий такой-сякой, да и разедакий.

Все были рады приезду Ерофейки.

В другой раз привез Ерофейка веселые новости. Он и раньше рассказывал о двух своих дружках московских: Юрке, сыне сапожника, и Доронке, сыне кузнеца, который остался после того, как черная смерть в Москве погостила, сиротою. И вот, оказывается, и Юрка и Доронка за Ерофейкой поспешили — обженились. Юрка взял в жены девушку Ксюшу из соседнего двора, ладную да добрую, а Доронка женился на Олене, дочери кузнеца, и увел ее в свой дом. Зажил теперь Доронка своим хозяйством: избу поставил все на той же Великой улице по соседству с Юркой, и теперь кузнец он известный.

— И лемех для плуга отковать может, — рассказывал Ерофейка, — и топор, и меч. А мастер такой, что знатные бояре заказы ему дают. Вот дела какие! Были мы детьми — стали мужами.

— И счастья вам, милые, — говорила бабушка Пелагея. — Счастья да согласия с ладушками вашими. И деток поболее.

КАК РАСКОЛОЛСЯ ВТОРОЙ ОРЕХ

Узнал князь Дмитрий Иванович, что ездили от Михаила тверского в Орду Иван Вельяминов да купец Некомат, те самые, что переметнулись из Москвы в Тверь. Видно, много всякой напраслины вложили они в свой

наговор против Москвы, коль во второй раз дал Мамай ярлык тверскому князю, да еще обещал ему быть подмогой в борьбе с Дмитрием.

Великий князь московский тут же начал собирать полки. На этот раз девятнадцать русских князей откликнулись на его зов и привели свои рати к Волоку-Ламскому, чтоб уже всем вместе идти на Тверь. Собравшиеся осуждали Михаила, обвиняли в измене, укоряли, что не раз приводил на Русь Литву. А теперь вот зовет Мамай.

«Подчинишься воле моей, тверской князь, — думал Дмитрий, оценивая силы прибывших ратей. Послал он и за новгородцами. — Должны прийти, — рассуждал московский князь. — У них свои счеты с Тверью».

И не ошибся Дмитрий: пришли новгородцы. Так спешили, чтоб не опоздать к битве, что делали в день по шестьдесят пять верст.

Двадцать девятого июля 1375 года собрались все.

И началась новая война с Тверью, главной соперницей объединения русской земли под началом Москвы.

Михаил заперся в своем стольном городе и приготовился к осаде. Он рассчитывал продержаться до прихода помощи из Литвы. И на Мамай надеялся: ведь обещал татарский хан подмогу в борьбе с Москвой.

Пятого августа войска Дмитрия подошли к Твери.

А восьмого москвитяне приступом пошли на город: прикатили к самым стенам осадные башни на колесах — туры и примет метали, зажгли стрельницу на Тмацком мосту. Тверичи загасили огонь. Решился Михаил на храбрую вылазку: его рати отбили противников, пожгли и порубили туры. Бились они так отчаянно, что вечером москвитяне отступили от города.

Князь Дмитрий знал, что не так-то просто одолеть Тверь, потому и собрал своих подручных князей, потому и дожидался новгородцев.

Тверской князь ликовал: первые атаки отбиты.

Наутро тверичи слышали вместо жужжания стрел стук топоров. Вышли на крепостные стены и увидели: люди московского князя окружали их город тыном. «Ясно. Хотят взять нас измором!..» — понял Михаил тверской.

А войска свои Дмитрий разместил по ту и другую сторону Волги. И мост построил. Теперь никто не мог прийти в Тверь ни с хлебом, ни с какими другими товарами.

— Ничего. Продержимся до прихода Литвы и Мамай, — говорил Михаил своим боярам.

Четыре недели простоял Дмитрий под Тверью. Четыре недели тверичи сидели в тяжелой осаде. Начался голод среди мирных жителей. И возроптали люди. Пришли к хоромам Михаила.

Вышел князь — несметная толпа перед ним. И так тихо, что слышно, как в синем небе птицы в полете попискивают.

Стоят в молчании супротив друг друга Михаил Александрович и простые люди его стольного города. И страшно было это суровое молчание. Так замирает все перед первым порывом бури.

Не выдержал Михаил.

— С чем пришли, тверичи? — спросил он сдавленным от несмиренного волнения голосом.

И тогда закричали со всех сторон:

— Проси мира у князя московского!

— Смерть по дворам ходит!

— Мирись с Москвой, княже Михаил!

Поднял руку Михаил Александрович.

— Немного терпеть осталось, тверичи! — сказал князь Михаил. — Придет скоро помощь нам от Литвы и Орды!

Жестокими стали лица.

— Не нужен нам тут Ольгерд, не нужен и татарский хан!

— Сам к Дмитрию с миром не пойдешь — мы ворота откроем!

И понял князь Михаил: нет у него другого исхода. Запросил он мира у великого князя московского Дмитрия Ивановича, отдаваясь на его волю.

Пятнадцатого сентября мирный договор был заключен. Он начинался так:

«По благословенью отца нашего Алексия, митрополита всея Руси, на сем, брате молодой, князь Михайло Олександрович, целуй мне крест, к брату старейшему, князю великому Дмитрию Ивановичу, и к моему брату князю Володимеру Андреевичу... за свои дети, и за свои братаничи».

Признавал себя по этому договору князь тверской «братом молодым», то есть подчиненным Дмитрию, равным удельному князю серпуховскому Владимиру Андреевичу. Обязался Михаил тверской не добиваться больше великого княжения ни через татар, ни самостоятельно. Должен был он выступать вместе с московским князем не только тогда, когда Орда нападет на Москву, но и если Москва пойдет против татар. Соглашался тверской князь отказаться от союза с Литвой. И должен был желать Дмитрию добра всегда и во всем без обмана.

«Еще один орех раскололся», — думал Дмитрий, возвращаясь в Москву.

РЕКА ПЬЯНА

Стояло знойное лето 1377 года. Прибыл гонец от князя Дмитрия Константиновича, отца Евдокии. В спешном донесении говорилось: «Послал Мамай к

Нижнему Новгороду татарского царевича Арапшу, малого телом, но свирепого и искусного воителя».

Дмитрий немедленно выступил с большой ратью на помощь. Вскормленные для боевых походов кони бежали резво. Всадники не знали роздыху. Чем ближе Нижний Новгород, тем больше осторожности требовал Дмитрий от своих ратников: ждали встречи с татарами.

Из ворот города вышел к ним навстречу сам нижегородский князь Дмитрий Константинович. С недоумением поведал он зятю, что невесть откуда прилетевший в город слух предупреждал о приближении Арапши, а его люди, посланные на разведку, доносили, что нет татар на нижегородской земле.

Во время пира, коим чествовал Дмитрий Константинович великого князя, неожиданно явился сосед, один из мордовских князьков, и, заверяя русских в своей дружбе, сказал, что видел татарского царевича на реке Донец.

Получалось, что Арапша был вовсе не здесь, а угрожает Москве с юга.

Поразмыслив, Дмитрий Иванович засобирался домой, забрал с собой и часть своих войск, а тестю оставил полки владимирцев, переяславцев, юрьевцев, муромцев и ярославцев.

А между тем царевич Арапша зорко следил, что делается в нижегородской земле, нападение на которую он готовил. И вот желанная весть: ушел Дмитрий в Москву. Значит, удалась хитрость. Сделал свое дело мордовский князь, подкупленный царевичем.

— Поискали тебя русские на реке Суре и доложили своему князю, что нет нигде царевича Арапши, — уже трижды повторял татарину мордовский князь. — И ушел Дмитрий московский к себе домой...

Арапша сказал твердо:

— Пошли к русским в Нижний Новгород слуг своих, пусть скажут, что татары в поле, а царевич где-то тут,

совсем близко скрывается. Теперь, когда их силы побавились, надо выманить русских на битву, понимаешь?

Мордовский князь закивал головой: все, мол, понимает и исполнит.

А чтобы он еще лучше понял, Арапша бросил ему мешочек с татарскими деньгами. Князек не ожидал подарка уже сейчас — не успел схватить подачку. Мешочек звякнул, упав на пол у его ног.

А дальше события пошли так, как определил их Арапша. Князь Дмитрий Константинович, узнав от мордовцев вести о татарах, устроил совет. И порешили бояре и воеводы выступить за реку Пьяну.

— Мой сын Иван поведет вас! — заключил совет нижегородский князь.

В знойный безветренный день выехали русские из ворот города.

Под жгучими лучами солнца доспехи, надетые на воинов, стали горячими.

Люди, распаренные, как в бане, не понукали коней. И вдруг, как дождь с неба, пришла радостная весть: царевич Арапша не здесь, а на Волчьих водах, потому что страшится встречи с Русью.

Вот счастье-то! Поснимали князя, бояре да воеводы доспехи, сложили их на телеги. И оружие туда же. Иные и кафтаны поскидывали. Привольно-то как в легких одеждах. И ратники тоже вслед за ними.

На пути селения, а в них всегда можно найти хмельные меды, пиво да брагу. И начало войско пить да веселиться, устроили в один из дней знатные люди охоту на диких зверей. Словно они не в походе ратном, а дома, развлекаются после шумного пира.

...За хорошее вознаграждение мордовские старшины верно служат проводниками у Арапши. Незаметно, скрытыми дорогами подвели они татар к разгулявшемуся русскому стану.

Разделил царевич свое войско на пять полков и второго августа в послеобеденное время на берегу реки Пьяны напал на русских.

И началось кровавое похмелье. В суматохе и панике ринулись воины к телегам с оружием и доспехами. Где уж тут надеть кольчугу... Схватить бы побыстрее копье или хоть рогатину. Рубить бы врага боевыми топорами, да они еще не насажены на рукояти.

Побежали русские ратники. Гнал Арапша их, не давая времени опомниться.

Тем, в кого не воткнулись татарские стрелы, кого не разрубили кривые сабли, надо было убежать от плена. Бежали кто как мог.

Князь Иван, сын Дмитрия Константиновича, прискакал к реке Пьяне, на коне въехал в нее и утонул. И не он один. Множество людей не избежали его участи. А еще больше попало в плен: и князей, и бояр, и просто-го воинства.

Одержав победу, Арапша двинулся к Нижнему Новгороду. Князь Дмитрий Константинович спасался в Суздале. И горожане покинули город: каждый уходил от врага как мог. У которых были ладьи, уплыли по Волге к Городцу.

Пятого августа татары ворвались в беззащитный Нижний Новгород и стали ловить не успевших убежать жителей.

Когда город дочиста ограбили, зажгли его татары со всех сторон, а сами ушли домой, уводя за собой бесчисленный полон...

СМЕРТЬ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ

Митрополит Алексей стал совсем стар и дряхл. Пора было подумать о преемниках. Самым подходящим ему казался Сергей Радонежский, потому что больше

«всею скорбел он о печалях русской земли, не помышлял о личном величии и своих выгодах. И умом светел, и верой тверд. Размыслив так, Алексей призвал к себе игумена Сергия из Троицкой обители.

Долгой была их беседа. А затем Алексей повелел вынести митрополичий крест, украшенный золотом и драгоценными камнями.

— Чувствую я, что приближаюсь к концу моему, — сказал он, глядя на Сергия Радонежского пристально. — И желаю, пока жив, назначить митрополита сам. Тебя я избрал, Сергий.

— Нет! Это не для меня, — тихо, но решительно возразил Сергий, — не по мне сан, владыка, прости меня. Кто я? Грешный человек. Молю тебя, святитель: пусть минует меня сия честь.

Но не хотел митрополит отказываться от принятого решения.

— Слушай меня, Сергий, — возвысил он голос. — Прими мое благословение. О Руси печалюсь, прошу тебя, игумен. — С этими словами Алексей надел на Сергия крест.

На какое-то мгновение воцарилось молчание.

Дивно было видеть на старенькой, заплатахной самим Сергием ризе крест, сияющий золотым блеском и искрящийся камнями-самоцветами.

— Прости меня, святитель Алексей, — еще тверже заговорил Сергий. — В юности я не был златоносцем, а в старости еще больше хочу пребывать в нищете и скромности. Золото порождает зависть, из-за него проливается кровь.

— Знаю, знаю я это! — подавляя раздражение, сказал Алексей. — Но нет никого достойного, кроме тебя. Теперь же поставлю тебя епископом, а после моей смерти сядешь на митрополичьем престоле. Такова моя воля.

— Внемли мне, святитель! — горячо воскликнул Сергий. — Юношей я ушел из мирской жизни. Ушел в дре-

мучий лес от несправедливости и жестокости мирской, где сильный обижает слабого, где человек делает несчастным человека. Только топор и лопату я взял с собой, чтобы своим трудом добывать себе хлеб насущный. Я ходил в рубище, знал лишь труд и молитвы. Как я надену роскошные митрополичьи одежды? Я не могу жить в окружении слуг. В твоих покоях, святитель, я перестану быть Сергием. Люди разуверятся во мне, а я им нужен.

— С митрополичьего места твой голос будет слышнее, — не сдавался Алексей, — он будет звучать как богатый колокол по всем землям русским.

— Нет, святитель, мой голос станет еле слышным, — сказал Сергий, глядя на Алексея. — Люди не узнают меня в митрополичьем сане.

С этими словами Сергий, осторожно поддерживая одной рукой драгоценный крест, другой снял с себя золотую цепь. Грубые, как у простого крестьянина, темные от работы и непогоды руки Сергия передали крест Алексею.

В глубине души митрополит всея Руси понимал, что Сергий Радонежский прав. Но — владыка всевышний! — кому передать все огромное богатство митрополичьего двора и всю его независимость? В чьи надежные руки? Нет преемника... И бессильно метался Алексей по своим богатым покоям.

В этот час неспокоен был и великий князь Дмитрий Иванович. Он знал, что Сергий у отца Алексея, знал, зачем его позвали в митрополичьи покои. И с нетерпением ждал конца беседы. Дмитрий не хотел видеть Сергия Радонежского митрополитом всея Руси. Он, как и все, преклонялся перед мудрым старцем, с трепетом принимал его благословение, не смел перечить ни единому слову, произнесенному тихим, кротким голосом. Однако другого человека хотел князь видеть на митрополичьем престоле.

Всю жизнь учил и наставлял его Алексей приводить князей под свою руку, и вот пришло время, когда великий князь желает иметь митрополита, подвластного ему, обязанного своим поставлением великому князю.

И он нашел такого человека — это красивый и статный безвестный Митяй, что живет и служит в Коломне. Ему быть митрополитом.

Дмитрий подходил к палатам митрополита, когда увидел: уходит из Кремля игумен Сергей. Как всегда, он идет пешком, высокая тощая фигура его выделяется среди крепких, одетых в дорогие одежды бояр, которые почтительно провожают старца.

Уходит! Стало быть, не согласился...

Тяжело дыша — тучен стал великий князь за последние годы, — поднялся он по крутой лестнице в покои Алексея. Едва дух переводил. Вошел он к митрополиту в то мгновение, когда Алексей держал в руках крест, отвергнутый Сергием, рассматривал его с таким вниманием, будто видел впервые.

Дмитрий сразу приступил к делу:

— Благослови, отче, после себя на митрополию всея Руси Михаила, архимандрита коломенского!

— Митяя? — изумился Алексей. — Кто он? Один из коломенских попов? Что тебе в нем?

Дмитрий, скрыв тайную причину, сказал:

— Грамоте он добре горазд, в нем сила книжная. Никто, как он, не может книги читать и толковать. Его речь легка, чиста и громогласна.

— Высок и напруг, плечи велики и толсты, — перебивая Дмитрия, гневно сказал митрополит. — Охоч до яств мирских...

— Голос его прекрасен, — не слушая наставника, горячо продолжал великий князь.

— А вид каков? — повысил голос Алексей. — Борода плоска и долга, лицом красен, нет на облике его отсве-

та небесного. Как на игумене Сергии, — с грустью добавил он.

— Память у него велика, — не унимался Дмитрий. — Он помнит древние повести, книги, притчи, и духовные и житейские. Никто, как он, не может говорить.

— Митяй не будет митрополитом! — завершил спор Алексей. — Ему еще подобает побыть монахом и обучиться благим делам и нравам, да и всему прочему, что должен знать митрополит.

Но Дмитрий не отступил. Он снова — и не один раз — приходил к Алексею просить за Митяя, посылал с этой же просьбою двоюродного брата Владимира Андреевича, сановитых бояр. Митрополит всея Руси был непреклонен.

— Нет! — невозмутимо отвечал он всем.

На мольбы Дмитрия, на его уговоры и даже понуждения старый митрополит не отвечал. Он оставался непреклонным.

В январе 1378 года худо стало восьмидесятипятилетнему Алексею. А второго февраля, едва рассвело, попросил позвать к себе князей Дмитрия, Владимира и старейших бояр.

Все собрались вокруг постели, затаив дыхание, ловили еле слышные отдельные слова умирающего старца:

— Господи, пошли князю Дмитрию... Володимеру... детям... воинству... Помогите одолеть...

Его голос звучал все тише и тише, пока совсем не смолк. Дмитрий наклонился над ним, слезы текли по его щекам. Плакали все. Навек уходил от них близкий человек.

Печально звонили и по всей Руси колокола...

* * *

Вскоре после похорон Алексея Митяй по повелению великого князя переселился на митрополичий двор —

Дмитрию не терпелось самому посадить митрополита на Руси.

И начал Митяй ведать делами церковными — рад собирать дани, и оброки, и пошлины, все церковные доходы в свою казну.

Он важно расхаживал по палатам покойного Алексея, напуская на себя гордый и суровый вид. И была у него ото всех тайна: зеркальце веницейской работы в серебряной, изукрашенной узорами оправе. И Митяй, обрядившись в мантию и белый клобук, надев тот самый крест, что отдавал Алексей Сергию, взяв в руки злат посох, подолгу любовался собой.

Громкий голос нарушал привычную тишину покоев.

И сотворялись перед ним и честь и слава. Служили ему и сопровождали его при выходах многочисленные бояре и отроки. А во время богослужения восседал Митяй в алтаре, на митрополичьем месте.

И никто не мог противостоять ему: ибо смелый очень и грозный был этот поп Митяй! Он приказывал сажать в темницу, смирять непокорных железными веригами*. И не только священников, но и игуменов, и архимандритов, и епископов: пусть и в уме, тайно не помышляют перечить ему.

Но имел страх и Митяй, пуще всего боялся битвы с татарами — еще убьют великого князя, что тогда станется с ним, с Митяем?

Нравится Дмитрию, что удел Митяя церковные дела. Дмитрий возвысил его. В благодарность рад Митяй служить великому князю верой и правдой.

* * *

Уже давно не наезжал в Москву Ерофейка. Крестьянству с Фролом. В гору пошло хозяйство. Щедрый урожай собрали. И скот расплодился. Много холста

* Вериги — железные цепи, оковы.

напряли за долгие зимы жена Ерофейкина Анята с бабушкой Пелагеей. Решили ехать на торг в Москву: лишнее продать, надобное купить.

— Да и дружков моих проведем, — сказал Ерофейка.

Запрягли двух коней. Один из них не вернется домой: продадут. Анята в телеге сидит. Ерофей верхом на упрямой лошади, мужчине негоже ехать в телеге.

Весело катятся колеса: только спицы мелькают. Катились, пока не остановили их перед мостом через речку:

— Платите мыт* за проезд!

Заплатили, поехали дальше, пятьдесят верст впереди. Снова мостки через речку узкую, да и речкой не назовешь — лужа лужею, а слуга боярский тут как тут:

— Платите за то, что по земле боярина Ивана Петровича едете!

Заплатили. Поехали дальше.

— По земле боярина Федора Ивановича едете, платите за проезд! — в другом месте остановили.

— Не едем, а спотыкаемся о земли бояр больших и малых, — с досадой сплюнул Ерофейка.

По дороге пристал к ним человек, попросил подвезти, тоже шел в Москву. Так на мытной заставе прицепился к нему мытник:

— Плати!

— Да я ж без торговли еду, — взмолился человек. — Не мытарь ты меня, не мучай, Христом-богом прошу тебя.

А мытник все свое:

— Плати!

— Надобно бы нам объехать это место мытное, — сказала Анята.

* Мыт — пошлина, взимаемая за провоз товаров и прогон скота через внутренние заставы.

— Да что ты, штраф сдерут, еще больше запла-
тишь, — вздохнул Ерофейка.

Наконец подъехали к Москве. Дивится Анюта, охает-
ахает, глядя на высокие, трехъярусные терема бояр со
светлицами, на избы с подклетьями, горницы, на избы-
поземки, на великое множество церквей.

А вот и Великий посад, тут торг. Опять мытный
двор. Платят тут пошлину со скота, телеги и колес, пла-
тят весчее — за взвешивание товаров, платят тамгу и
осмниче в пользу князя — с цены на товар по три ко-
пейки с рубля. А на животинном мытном дворе снова
пошлины берут.

— Кому ж пойдут все эти деньги? — спрашивает
Анюта мужа.

— После смерти младшего брата князя Дмитрия —
Ивана, — объясняет Ерофейка, — две доли идут велико-
му князю Дмитрию Ивановичу, а одна доля князю сер-
пуховскому Владимиру Андреевичу, ибо совместно вла-
деют Москвой.

Как муравьев на муравейнике народу на Великом
торгу, даже страшно Анюте. Чем только тут не тор-
гуют! Продается ячмень и просо, рожь, пшеница, репа
и капуста — все, что родит земля крестьянину, что он
выращивает на ней, все, что собирают с землепашцев
князя да бояре.

Мычат быки, коровы, блеют овцы, визжат свиньи...

На торгу найдешь все, что изготовляют искусные
руки ремесленников — московских кузнецов, литейши-
ков, серебряников-ювелиров, гончаров, кожевников, са-
пожников.

Городские люди покупают сельский товар, а сель-
ские — городской. Богатые люди рядятся в сурожском
ряду: там дорогие шелка, украшения. Тут же диковин-
ная бумага, привезенная из далекой Италии. Не знают
бумаги на Руси, пишут на пергаменте, выделяваемом
из кожи. А рядом гости-суконники. Возят в Москву

тонкие полотна, сукна. Разложили свои товары восточ-
ные купцы.

И русские товары — меха, мед, кожи, воск, сало, ще-
тина, дорогой моржовый клык — «рыбий зуб» — расхо-
дятся и в Царьград, и в немецкую сторону, и в Орду.
Всех товаров и не счесть, что увозят с русской земли
купцы-гости.

В ряду, где продают холсты, разложила свои изде-
лия Анюта. Да не столько продает, сколько по сторонам
глядит.

Вдруг послышался громкий голос. Выкрикивает сло-
ва, по всему торгу слышно:

— Разыскиваются поджигатели дворов боярских
Иванка, Гридя-кузнец! Разыскиваются беглые холопы
Федька да Бориска!

— Бирючи*, — пояснил Ерофейка, — кричат о про-
пажах и розысках.

Долго слышалось:

— Разыскиваются поджигатели... беглые холопы...

И наконец шум торга поглотил голоса бирючей.

А вечером собрались дружки с женами у Доронки-
кузнеца: сам Доронка со своею Оленой, Юрка с Ксю-
шею, дебелой да румяной, и Ерофейка с Анютою. То-то
радостно! И меда пьяного за встречу свою выпили.
Ах, давно не виделись! Глядите-ка, как возмужали!
Не токмо жены у нас, и детки есть.

— Так что, Доронка, — спросил Ерофей, — как до-
спех? Помнишь, говорил, всем скуешь.

— А идемте-ка, что покажу.

И увидели друзья мечи, сделанные умелыми руками
Доронки. По заказу самого князя Дмитрия Ивановича
изготовил. Булатные, дорогие. Простому кузнецу таких
не иметь. И друзьям его тоже.

— Что так, то так, — сокрушенно ответил Юрка.

* Б и р ю ч — вестник, глашатай.

И вздохнул: так и останется, видно, доспех ратный мечтой несбыточной.

Замолчали три друга, аль закручинились?

А женам их весело: хвалят Анютины обновы, сообщают друг другу новости московские да сельские.

* * *

Двенадцать лет Евдокия Дмитриевна живет в Москве великой княгиней. Растут у нее дети, а все любит она своего князя, как в первый месяц после свадьбы. Уедет Дмитрий по делам княжеским — места себе не находит, выбегает на стук конских копыт: не он ли вернулся, ее возлюбленный?

...Подставила Евдокия свежее, румяное лицо ласковому ветру, прилетевшему на княжий двор из южных степей, с Оки, где опять стоит со своим войском Дмитрий. Может быть, этот самый встер перебирал черные кудри ее мужа...

Великая княгиня пошла к детям. Она любит смотреть на них: в каждом детском личике видятся ей черты Дмитрия.

«Нельзя ему быть дома, — утешает себя Евдокия. — Вон мой батюшка бегал из Нижнего в Суздаль от татарина Арапши. А осенью разграбили татары рязанскую землю, захватил царевич Арапша стольный Переяславль, сам князь Олег попал было к нему в полон. Такой страх нагнал на рязанцев Арапша, что распустили они слух, будто царевич не человек, малый телом, а великан. Сказывали, будто вытряхнет он стрелы из колчана, и они летят послушно, куда он им прикажет, и нет от тех стрел спасенья ни младенцу, ни старику, ни князю, ни простому человеку. А в московском княжестве живут, слава богу, спокойно, и пашню крестьяне пашут, и ремесленники при деле, и товары купцов наших далеко за землями русскими славятся».

БИТВА НА РЕКЕ ВОЖЕ

Дмитрий все лето сторожил границы своей земли. Зорко вглядывался в широкую степь за Окой, высылал сторожевые отряды поближе к Орде, чтобы все ведать о недругах.

И поэтому не застала его врасплох весть: послал Мамай на Русь два войска. Одно на Нижний Новгород, а другое, гораздо большее, на Москву. Ведет это войско никогда не знавший поражений мурза Бегич.

Великий князь Дмитрий Иванович спешно собирает рати и выступает навстречу татарскому мурзе.

На пути в рязанские земли к москвитянам присоединился со своим войском удельный князь Данила Пронский. Вот так бы и Олег Иванович рязанский! Но Олег не становится под стяги Дмитрия: он сам хочет быть на Руси великим князем.

Вот он, третий нерасколотый орех! Как тут покойного митрополита всея Руси Алексия не вспомнить...

...Князь Дмитрий снова и снова напряженно перебирает свои ратные неудачи и ошибки, обдумывает еще раз их причины. Вспоминает обычаи и военные привычки татар.

«Ясно, — думает он, — сила Бегича боле нашей. Он, как всегда татары еще со времен Чингиса, кинется на нас стремительным броском рыси. И поскачут татарские кони в обход наших флангов, чтоб потом ударом в тыл завершить победу. Надо обхитрить Бегича, но как?»

Наконец русские подошли к реке Воже, правому притоку Оки, что верстах в пятнадцати от стольного Переяславля Рязанского.

Сразу же великий князь поехал выбирать место для битвы. Левый берег, где остановились его рати, был неровным, холмистым, поросшим кустами, иссеченным оврагами.

«Трудно это место для татарских коней, тут нам и стоять, — решил Дмитрий, глядя на противоположный низменный, луговой берег реки. — Там простор и воля всадникам, там одолеет нас мурза Бегич. Пусть-ка он переправится на нашу сторону. В этом тесном месте не сможет он построить свое войско в боевом порядке после переправы через реку. И будем бить его тут с трех сторон. Тем и увеличим нашу силу».

И, не теряя времени, великий князь разделил свое войско на три полка.

В центре стал сам: он будет сдерживать самый сильный удар Бегича. На одном крыле поставил полки Даниила Пронского, на другом — своего окольного * Тимофея Вельяминова, родного брата Ивана, бежавшего с купцом Некоматом в Тверь. Разместил полки в боевом порядке. И тут появились татары: они быстро приближались к реке, и казалось: черная тень от грозовой тучи набегает на поле. Но по-прежнему полуденное солнце светит в чистом небе...

Бегич увидел русских, стоявших в боевом порядке, и сразу оценил военную мудрость Дмитрия. Ясно татарскому полководцу: надо переманить русских на низкий берег. Но как это сделать? Бегич не знал.

Сумерки сгустились, и скоро настала ночь. Противники стояли друг против друга, и река Вожа разделяла их.

Новый день сменился вечером. Вечер — ночью. Пришел третий день, за ним четвертый. Ничего не придумал Бегич, и иссякло его терпение.

Одиннадцатого августа, после полудня, он приказал переправляться на левый берег.

Русские стояли спокойно и, казалось, не обращали никакого внимания на переправу грозного врага. Вот

* Окольный — один из высших боярских придворных чинов.

уже и река почернела от татарских ратников, облаченных в темные одежды.

Ряды русских воинов оставались недвижны.

«Почему не бегут?» — недоумевал Бегич.

Черная лавина заполняла берег, на котором выстроились войска Дмитрия в некотором отдалении от реки.

«Если всем нам переправляться, — думал Бегич, — тесно станет, не поместимся». И приказал он стремительными ударами в нескольких местах разрубить русский строй и каждую часть бить отдельно.

— Гоните русских! Смерть им! — кричал Бегич.

Раздался дикий, устрашающий крик, и татары ринулись туда, где стоял центр русской рати во главе с Дмитрием.

Все еще неподвижная стена воинов вдруг ошетинилась, выставив вперед острые копья. Раздался голос трубы, и русские стремительно бросились навстречу врагу.

Не выдержали передние ряды татар, повернули и бежали назад к реке, туда, откуда все прибывало и прибывало войско Бегича с другого берега.

Эти два встретившихся потока вздыбились, наткнувшись друг на друга. И стали топтать татары один другого, ибо негде было им расступиться.

Молниями сверкали мечи и сабли, жужжали немолчно стрелы, кричали раненые, падали убитые...

Уже закатилось солнце за край земли, сгустились сумерки, наступила ночь, а татары все бежали.

Много их утонуло в реке, а еще больше осталось лежать на берегу Вожи. Немало пало тут и русских.

Утром густой туман скрыл всех, а когда он рассеялся, князь Дмитрий послал погоню, но татар и след простыл. Бросили все: шатры, телеги, груженные добром.

Отслужили русские по своим убитым ратникам молебны, насыпали на братских могилах высокие холмы.

Как ни велика была скорбь, но радость победы переполняла сердца оставшихся в живых.

...До Москвы уж недалеко, осталось несколько переходов. Вечереет. Все небо в тяжелых низких тучах, и лишь на горизонте узкая золотая полоса отделяла землю от неба. Думалось князю Дмитрию: черное небо — это будто неволя над Русью, а золотая полоска — победа на Воже. Полоса все расплывалась, стала розово-золотой, а небо поднялось выше, и не было оно уже таким зловещим. Вот уже не полоса, а четверть неба сияет золотом и серебром. И вдруг из-под черных туч, в той стороне, где быть Москве, явилось солнце, превращая тучи в серо-лиловых чудовищных птиц, которые, вытянув изогнутые, как татарские мечи, острые клювы, раскинув на полнеба лиловые крылья и вытянув назад когтистые лапы, улетали с русской земли на восток.

Ехал во главе своей рати князь Дмитрий, статный, высокий, сильный, и видел: не один он на небо глядит, на чудо, сотворенное там солнцем и тучами. Многие ратники взор устремили вверх.

«Первую победу в открытом бою одержали над силой татарской, — думает Дмитрий. — Стало быть, полетит эта радостная весть по всей Руси и утвердит народ в победе. Стало быть, можем!»

Москва встречала победителей колокольным звоном. Весь народ от мала до велика празднично разоделся, вышли на улицы и дети, и женщины, и мужчины, и архимандриты, и игумены, и монахи. И сам Митяй.

Запомнился всем год 1378-й, год, славный победой на реке Воже.

* * *

Черной птицей прилетела в стан Мамаев весть о победе русских. Бешеная, яростная кровь кинулась в голову Мамаев, но не поверил он. Не было еще такого, чтобы Русь Орду била. Но когда узнал, что не вернулись его

любимец мурза Бегич и пять князей татарских, поклялся страшной клятвой: отмщением за гибель Бегича будет смерть московского князя Дмитрия.

А пока надо хоть утешить Русь. Мамаев собирает остатки разбитой рати Бегича и посылает их на русскую землю. Рязанское княжество первое на их пути. И снова горят города и села, косит смерть людей без счета в земле рязанской...

МИТЯЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЦАРЬГРАД

Шумно вошел митрополит в палаты князя Дмитрия:

— Беда, княже! Епископ суздальский Дионисий, говорят, убежал в Царьград, хочет занять митрополичий престол на Руси по благословению патриарха...

Нахмурился Дмитрий: не нужен ему никто в митрополитах, кроме Митяя.

— И ты иди в Царьград, — сказал, подумав, великий князь. — Дам тебе в провожатые архимандритов, протопопов, дьяконов, игуменов, монахов. Возьми лучших слуг своих и бояр. И казну митрополичью. Пошлю с тобой еще своих бояр и посла моего, а также искусных переводчиков.

— И дай мне еще, великий князь, — попросил Митяй, — неписанные грамоты с печатью твоей.

— Пошто? — удивился Дмитрий.

— В Царьграде... — Митяй потупил взор долу, — если потребуется что написать, так напишем на тех грамотах.

— Возьми, — сказал Дмитрий Иванович. — Если будет там нужда в деньгах, занимай на мое имя.

И стал собираться Митяй в путь.

В конце июля 1379 года вышел он с целой ратью священнослужителей. Сам великий князь с детьми своими и боярами провожал его за несколько переходов от города.

Коломна глазела на Митяя и дивилась столь чудесному возвышению его. За Оку перевезлись благополучно. Прошли землю рязанскую, а в донских степях встретились с татарами, которые и доставили их к Мамаю.

Мамай, узнав, куда едет Митяй и зачем, окружил его подобающими почестями. Пусть будет его другом. Станет митрополитом — пригодится. Еще Чингис с духовенством дружил, дани с них не брал; пусть наставляють русские священнослужители свою паству, учат свой народ покорности татарским ханам. Понравился Мамаю Митяй — не то что митрополит Алексей. С этим сговориться просто. Понимал Мамай: силой можно завоевать чужую землю, но только грозой удержаться в ней нельзя.

...Вышел Митяй к морю Кафиньскому, сел на корабль в генуэзском городе Кафе и поплыл. И уж совсем близко был к Царьграду, уже виден был город, как внезапно разболелся Митяй и умер. И тут же вспыхнула на корабле великая смута. словно опьянели сопровождавшие Митяя святые пастыри. Ссорились, ругались: кому из них вместо Митяя быть митрополитом? Особенно сильными соперниками оказались Иван, архимандрит московского Петровского монастыря, и Пимен, архимандрит переславский с Гориц. Поддерживали его и великокняжеский посол с боярами.

И победил Пимен, а Ивана посадили в вериги железные, голодом морили и даже грозились бросить в море.

Между тем Пимен с боярами, разбирая Митяеву ризницу и казну, обнаружили там чистые грамоты с великокняжескими печатями. Подумав и поразмыслив, написали на одной из них:

«От великого князя русского, ко царю и к патриарху. Послал я к вам Пимена, поставьте мне его в митрополиты...»

Эта грамота была прочтена пред всем священным

собором и царем. И ответили царь и патриарх: «Как же так пишет русский князь о Пимене. Есть на Руси митрополит Киприан, еще давно поставленный преосвященным Филофеем, патриархом вселенским. И другого нет нужды ставить». И начались подкупы и посулы. Дарили и платили до тех пор, пока не утолили всех. Царь и патриарх устроили Пимену испытание на сан, и когда он ответил на вопросы многотрудные, поставили его в митрополиты на Русь.

Узнав о смерти Митяя, великий князь Дмитрий Иванович опечалился, а о Пимене на митрополичьем престоле и слышать не хотел. Приказал ехать в Киев за митрополитом Киприаном.

ОЛЕГ РЯЗАНСКИЙ

Мамай убирал неугодных и ставил новых ханов в Орде, словно двигал пешки на шахматной доске. Последним пал молодой хан Мамат. Мамай стал правителем Орды.

На военном совете он выступил перед знатнейшими вельможами с гордой и грозной речью. Он напомнил о поражении на реке Воже, о бегстве татар от русских. И вспомнил времена Батыя, когда пылали от татарского огня Киев, Смоленск, Владимир, Москва, когда восточные рынки полнились русскими рабами и несметная дань текла золотой рекой в руки ханов и вельмож.

— А ныне? — кричал Мамай в злобные лица татарских вельмож. — Москва перестала быть покорной! Кара ждет ее от Орды могучей!

Кричали в ответ вельможи, собравшиеся на военный совет:

— Созовешь большое воинство — и веди нас на Русь!

— Мы отомстим за кровь князей своих!

— Князь Дмитрий будет пасти твоих верблюдов!

— Станет опять Русь платить большую дань!

Кричали алчно о большой добыче, которая ждет их в русской земле.

— Веди нас на московского князя!

...Летом 1380 года Мамай, усилив войска наемниками, переправился через Волгу и пришел в устье реки Воронеж. Ходили слухи, что было татар более трехсот тысяч.

Первым узнал о приближении войска татарского князь Олег рязанский. Ходит мрачный и растерянный: устал от полной тревог и опасности жизни по соседству с татарами. Москва и Орда через Рязань глядят друг на друга.

Две тяжелые думы терзают его: как избавить свое княжество от разорения, людей рязанских от смерти, как сохранить свое богатство? То первая дума. А вторая — не поможет ли ему Мамай, коль будет Олег с ним заодно, получить великое княжество, стать первым среди русских князей?

Бессонны ночи рязанского князя Олега. Взвешивает он на невидимых весах свою судьбу.

Вот кладет на одну чашу всю силу Рязанского княжества, а на другую — Мамай с его полчищами. Мамай перетягивает...

Теперь на чашах весов великий князь Дмитрий с его силой и Мамай.

Смотрит на весы князь Олег, а чаша ни та, ни другая не перевешивает: чья возьмет? Неизвестно...

«Коль победят татары Москву, — думает Олег, — а я буду заодно с Мамаем, глядишь, и получу ярлык на великое княжение, да еще и земли московские в придачу.

Ну а если Дмитрий одержит победу? Не простит он мне единения с Мамаем.

А если по-другому? На одну чашу весов Дмитрия, а

на другую Мамай и князя литовского Ягайлу, сына умершего Ольгерда? Тут перевес явный — не устоять Москве».

И Олег принимает решение...

* * *

...Пред шатрами Мамай в его стане зажглись два костра для очищения от всяких злых умыслов против татар. Идут между ними со многими дарами и тайным посланием послы Олега рязанского.

Вот они в шатре перед царственно сидящим Мамаем. Самодовольно слушает он послание Олега:

«Восточному вольному великому царю царей Мамаю пишет Олег, князь рязанский. Слышал я, господин, что хочешь идти войной на князя Дмитрия московского.

Всесветлый царь, сейчас для этого самое время. Ты найдешь много золота и богатства много. А князь Дмитрий, как только услышит одно имя твое, убежит в дальние места, или в Великий Новгород, или на Двину, и тогда все богатство московское в твоих руках будет.

Меня же, раба твоего Олега рязанского, одари своей милостью, молю тебя! Мы оба, я и князь Дмитрий, оба мы твои рабы, но я со смирением и покорностью служу тебе, он же горд и непокорен. И я от того князя Дмитрия многие великие обиды принял. Но это еще не все.

Великий царь, когда я за свою обиду твоим именем царским погрозил ему, он пренебрег этим, да еще и город мой, Коломну, захватил. И о том о всем тебя, царь, молю и челом бью. Накажи его, чтоб он не похищал чужого. А на помощь к тебе прибуду».

А на другом рубеже земли русской князь Ягайло литовский читал тоже тайное Олегово послание: «Радостно пишу тебе, великий князь литовский. Знаю, что ты давно уже мечтал изгнать московского князя Дмитрия и завладеть Москвою. Настало время! Мамай идет на него

и на землю его со многою силой. Примкнем к нему! И отдаст тебе царь Мамай Москву и иные города, а мне Коломну, Владимир, Муром и другие.

Я уже отправил своего посла к нему с честью и многими дарами, пошли и ты. И напиши ему сам знаешь что». Однако страх перед Москвой не давал Олегу покоя: «Коль одолеет Мамай русская сила, как быть?» И отправил рязанский князь послание Дмитрию Ивановичу:

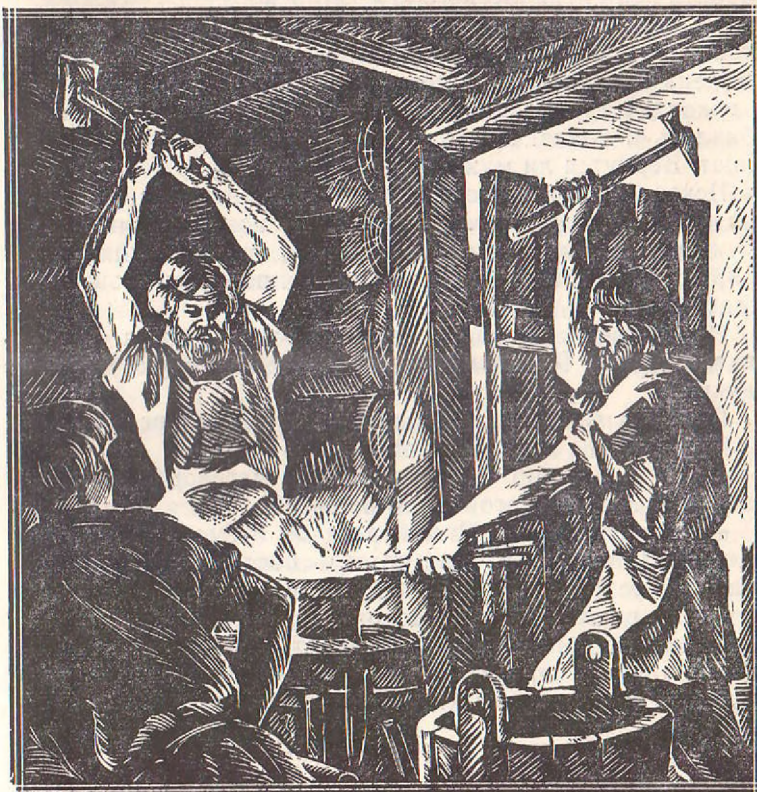
«Мамай идет со всем своим царством в мою землю рязанскую на меня и на тебя. Также знай, что и князь литовский Ягайло идет на тебя же со своею силой».

И не знал Дмитрий, что послал Мамай Олегу рязанскому и Ягайле литовскому тайные приказы: на Семёнов день, первого сентября, стать на Оке, на Бреге, куда придет и он, — тут наметил Мамай князю Дмитрию битву.

РУСЬ СОБИРАЕТ СИЛЫ

Времени великий князь московский не терял попусту: в тот же день, как получил известие от Олега рязанского, разослал Дмитрий Иванович гонцов с грамотами во все концы земли русской — наместникам и воеводам приказывал спешить с ратными людьми в Москву, подручных князей и бояр звал прийти к нему из вотчин на помощь с дружинами и ополчениями.

А в Москве из дома в дом передавалась страшная весть о приближении татар, и каждый мужчина спешно называл себя ратником. Бронники, кузнецы, лучники, сапожники — все готовы стать под знамена Дмитрия, чтобы идти на битву с врагом. Пора, пора сокрушить Орду — только об этом и разговору и в домах и на улицах Москвы. А чем врага бить — накоплено. За время княжения Дмитрия Ивановича по его заданию не счесть,

сколько луков, стрел, мечей, копий, боевых топоров изготовили мастера московские.

Веди, княже, на смертный бой людей русских! Пора разбить цепи ненавистного ига татарского.

На зов Дмитрия первым прибыл в Москву серпуховской князь Владимир Андреевич. Вместе с ним приехала жена его Елена Ольгердовна, чтобы проводить мужа в поход. Встретились Евдокия Дмитриевна с Еленой, обнялись и заплакали: на великую битву мужей провожают. Вернутся ли мужья с поля брани?

Вскоре со всех сторон стали собираться в Москву князья со своими ратями. Ржанием коней, бряцанием оружия, людским говором полнится град. У князей и бояр шумные пиры — так издавна повелось сопровождать сборы на войну.

Неожиданно прибыли в Москву послы Мамаю, затребовали: пусть Русь платит такую дань, какую давала раньше.

Подавил гнев великий князь, ответил татарским послам спокойно, с достоинством:

— Есть договор с Мамаем. Как договорено, так и получите. А сверх того ничего не будет.

— Совсем близко Мамай с силой несметной стоит в поле за Доном, — начали грозить послы. — Скоро тут будет и все возьмет! А за непокорность жестоко накажет тебя, великий князь московский.

Ничего не ответил на это Дмитрий. Только брови туго сошлись к переносью.

Так и уехали послы Мамаю ни с чем.

* * *

...Ерофей торопливо вошел в свою избу.

— Анюта! Батюшка! Собирайте меня в дорогу. Со двора боярского отправилась в Москву дружина нашего боярина на подмогу князю Дмитрию. Настал час

великой битвы с Ордой. Мои друзья московские — Юрка и Доронка, поди, уже в доспехах облачились.

Анюта смотрела на мужа, окаменев, слезами глаза наполнились, слова вымолвить не может.

Бабушка Пелагея люльку остановила, что тихо качала в углу, и спало в ней дитя малое.

— А тебе-то что, Ерофеюшка? — неуверенно сказала старая женщина. — Князь московский князей кличет, не тебя. Вон, гляди, какие растут два сынка да доченька ясная. Как оставишь их?

— А нас и скликать нечего, — тихо ответил Ерофей. — Мы сами пойдем на великую битву за Русь.

— Так, сынок, правильно! — поддержал зятя Фрол. — Бери и меня с собой.

— Тебя? Куда же тебя, старый пенек? Ты ж еле в руках посох держишь!.. — запричитала Пелагея.

— Врагов увижу — и сила объявится, — сказал старый Фрол. — Еще подыму меч над головой.

Завыла Пелагея пуще прежнего.

— Не вой, — строго остановил ее Фрол. — Еще не хоронишь!

— Да вы не слушайте плач-то мой... — вытерла тут глаза Пелагея. — Это сердце бабье по своим родным, по разлуке с ними заныло. Вы ступайте, ясные мои соколки! Летите на поле широкое, бранное, ждет оно вас давно, мои милые, истосковалось. Поднимите мечи острые на хана татарского, чтобы детки малые неволи на земле родной не знали, не ведали!..

И проводили Анюта и Пелагея Ерофея и Фрола в Москву.

* * *

Людно стало в стольной Москве. Прибывают все новые и новые князья со своими ратями, те, что забыли в этот тревожный час ссоры и обиды друг на друга.

И со всех концов Руси идут в Москву на зов Дмитрия Ивановича. Здесь и те, кого подчинил своей власти Дмитрий, и простые люди.

...И пришел в Москву из нижегородской земли ратай* Тришка, тот самый беглый смерд, что со своим дружком Феткой спалил дом боярина знатного Михаила Юрьевича, а потом бежал, после черной смерти осел на пустоши, занялся своим делом — землю пахал, хлеб растил... Уж и голова у Тришки поседела, а не мог он без ответа клич великого князя оставить: спасти надо Русь от Мамаевой орды, землю свою, жизнь мирную, спасти семью... И все обиды на князей да бояр забыты на время пред ликом народной беды.

Приехал Тришка в Москву на своей телеге — может, что подвезти понадобится. И на торгу — вот ведь судьба! — повстречал Фетку. Тоже стар, сед, но в груди могучий, плечи широки, и взгляд зоркий... Обнялись друзья...

— Или на татарина собрался? — Тришка спрашивает.

— Куда народ, туда и мой заворот, — отвечает Фетка. — Да и ты вроде со всеми, не так ли, Тришка?

— Ясное дело. Клади свой доспех в мою телегу, коль он есть у тебя. Теперь, видно, свела нас судьба или до смертного часу, или до победы над Ордой. — Обнял Тришка друга за плечи. — Надо бы меда испить, младость нашу вспомнить.

— Это можно. — Но посуровел Фетка. — Только поймей в виду: ратники нашего боярина Михаила Юрьевича тут, и тиун его тут. Встретился с ним невзначай. Кабы не спознал...

— А! — махнул рукой Тришка. — Не бойся. Едина сейчас судьба у русских людей: Орду перемочь.

...В Москве Ерофейка с Фролом пришли ко двору

* Ратай — крестьянин-пахарь.

Доронки-кузнеца. Глядь, а тут уже все в сборе: и Доронка, и Юрка-сапожник, и — вот радость-то! — плотник Степан, приемный отец Ерофейки, совсем белый, ровно лунь, однако из руки в руку боевой топор перекладывает.

Поклонились поясно друг другу, расцеловались...

— Грозное время наступает, — сказал плотник Степан. — То-то и собрала нас Москва.

Позвал всех Юрка к себе. Во дворе его увидели: боевой конь стоит, ушами прядает.

— Чей же такой? — удивился Ерофей.

— Мой, — ответил Юрка. — Хорош?

— Кости глядят, а мяса не видать, — пошутил Степан.

— Мечтал сызмальства с великим князем идти на орду в конном строю, а передумал, пойду с вами пешим. Запряжем коня в телегу, оружие наше на нее сложим. Пешие мы ратники.

...Ночевали Ерофей, Степан и Фрол в Юркиной избе. Набралось здесь много гостей, пришли они из Ярославля и Костромы, из Ростова Великого, Переславля Залесского, Коломны, Серпухова, Можайска, Димитрова, Владимира и других городов и сел.

Угощали хозяева чем бог послал, а когда пришла ночь, застелили пол чистыми половиками, всех уложили одного подле другого.

И так в каждом московском доме, в каждой халупе.

* * *

Отказавшись платить большую дань, князь Дмитрий все же решил послать к Мамаю своего посла, искусного в речах и хитрого Захария Тютчева, с золотом-серебром, богатыми дарами, подарками для Мамаю и всех его приспешников. Повелел Захарию высмотреть, выведать, что это за несметная сила татарская, каковы помыслы

Мамая, и немедля сообщить в Москву обо всем, что заметит.

Дали в помощь двух толмачей, хорошо знавших татарский язык.

...А в Москву все шли и шли новые ополчения.

Теперь тут были и князья белозерские, пришедшие со своими дружинами с далекого Белого озера, и князь каргопольский, и князь Лев серпейский, и Роман прозоровский.

Вскоре появился в Москве скоростник от Захария Тютчева. Его донесение было необычайной важности:

«Олег рязанский изменил Москве. Мамай собирается идти на Дмитрия московского в союзе с Олегом и Ягайлой литовским. Договорились они первого сентября сойтись на берегах Оки, чтобы отсюда всем вместе вступить на московскую землю».

Надо было все проверить еще и еще раз. И князь Дмитрий Иванович посылает в Придонскую степь крепкую сторожу — конную разведку.

Приказывает старшим в ней, Василию Тупику, Родиону Ржевскому и Андрею Волосатому, не только наблюдать за противником, но проникнуть ночью ли, днем ли в Орду и захватить «языка», пусть расскажет, где Мамай, каким путем идет и каковы его помыслы.

Уже вся Москва полнится ратными людьми, а великий князь посылает все новых гонцов к тем, кто еще не прибыл. Коломна — место сбора всех ратей. Кому удобнее идти прямо, не заходя в Москву, пусть идут туда.

А вестей со стороны татарской все нет и нет. Князь, думая, что первая сторожа перебита, посылает в поле вторую. Теперь едут Климент Поленин, Григорий Судок, Иван Свяслов и иные с ними. Дмитрий велит возвращаться побыстрее.

По брюхо утопают кони в травах Дикого поля. На юг скачет вторая сторожа. И вдруг встречается им Василий Тупик с добытым «языком».

Донесение Захария Тютчева подтвердилось. Пленный сказал, что Мамай идет на Русь с несметным войском. Но он не спешит, ждет осени: «Пусть русские соберут урожай, — рассудил Мамай. — Нам пойдет». В союзе с Мамаем Олег, князь рязанский, да Ягайло литовский. К первому сентября придут к Оке.

— Не спешит Мамай, — сказал на совете военном Дмитрий. — Это хорошо. Дает нам время собрать силы.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Прежде чем отправиться в Коломну, Дмитрий поехал в Троицкий монастырь к Сергию Радонежскому за благословением. Вместе с ним и брат Владимир Андреевич, прибывшие князья и самые знатные из московских бояр.

Шестьдесят верст отделяли Москву от Троицкой обители.

И на всем пути одна за другой догоняли князя тревожные вести, их приносили с Дикого поля, лежавшего за пределами русских земель, гонцы.

...Отстоял Дмитрий обедню в Троицкой церкви, заторопился в обратный путь.

— Благослови, отче, на ратное дело. Татары идут...

Но Сергей не отпустил князя, просил Дмитрия и всех его спутников разделить с ними скромную монастырскую трапезу, сказал:

— Не спеши, княже, Бог поможет тебе.

Дмитрий, брат его Владимир и все прибывшие с ними покорно направились в трапезную. Сергей велел святить воду. А сам направился в свою келью.

Он вошел в маленькую комнату, рубленную им самим из добротных стволов могучих елей, на ветвях которых не один год скакали белки.

С иконы, привезенной еще родителями Сергия из

Ростова Великого, строго смотрел на него широко раскрытыми глазами Никола Чудотворец и благословлял слегка поднятой рукой. С другой иконы благословлял его младенец Христос.

Сергий упал перед иконами и начал самозабвенно молиться.

Понимал старец: настал час, которого он ждал всю жизнь. О нем он думал, когда пришел сюда впервые, когда игумен Митрофан на этом месте постриг в монахи его, юношу Варфоломея, нарек Сергием. И особенно много думал молодой инок об этом часе, о бедах родной земли, о смысле жизни и смерти, подвигах и несчастьях, когда остался жить здесь в великом молчании, совсем один среди дремучего леса.

И вот этот час пришел, взволновал и посеял смятение. Сергий задержал Дмитрия, чтобы было время собраться с мыслями, подумать, какими словами дать напутствие. Что им сказать, чтоб укрепился князь, его люди и все ратное воинство? Как всоодушевить на победу?

После одинокого моления в своей келье Сергий обрел уверенность.

Он вышел к людям, ждущим его слова, строгий, худой, с лицом, вдохновленным своими думами, в его голубых ясных глазах светились скорбь и радость. После скромной монастырской трапезы Сергий Радонежский, торжественный от сознания долга, который пал на его долю, подошел к Дмитрию и его товарищам, благословил крестом и окропил святой водой:

— Теперь иди, господине княже. И помни: ты победишь врага! Да будет бог тебе и всему твоему христианскому войску помощником и заступником! Многим, кому не суждено вернуться, готовятся святые венцы с вечной памятью. Но победите вы, сыны мои возлюбленные. И станет Русь свободной!

Сердца коснулась тревога, но словом «победа» была тут же изгнана. Каждый понимал: погибнут многие, —

но, благословляясь у самого Сергия, надеялся вернуться.

И тут же, от монастырского порога, покатила по Руси молва: Сергий Радонежский благословил Дмитрия московского в поход на Мамай, предрек победу русским.

Подшли к Сергию два инока. Оба были высоки ростом, крепкого сложения, их лица говорили о мужестве, а не о монашеском смирении.

Показывая на них, Сергий сказал Дмитрию:

— Вот тебе Пересвет и Ослябя, мои послушники, а твои воины. Постраждите, — продолжал он, обращаясь к ним, — яко добрые воины Христовы, ваше время пришло. Благословляю вас и все войско русское!

Двинулся Дмитрий в обратный пугь, в Москву, чтобы немедля выступить в поход.

КОНЕЧНОЕ ЦЕЛОВАНИЕ

А в Москве близится день прощания с теми, кто уйдет с князем Дмитрием в далекие степи, навстречу татарам — победе или смерти.

И настал этот великий и скорбный день.

В доме Юрки-сапожника мужчины обряжаются в доспехи. Хорошо бы надеть кольчугу добротную с медяным подзором на подолу иль колонтарь, что защищает грудь и спину прорезными железными досками. Да где их взять?

Смастерил себе Юрка тегилай из холстины, что-то вроде кафтана, в длину ниже колен, воротник стоячий, пуговицы на груди застегиваются. И шапку сшил стеганую с наушниками и затылком, вроде треуха.

Князь, ясное дело, даст оружие, но берет с собой Юрка свои сапожные ножи, приготовил и палицу — ду-

бину с тяжелым концом, утыканным железными гвоздями.

А у Ерофейки с Фролом совсем нет доспеха.

Зато есть у Фрола толстая дубина, а у Ерофейки топор, правда, не боевой, как у дяди Степана, а плотницкий, но топор добрый, и наточил его Ерофейка остро. Насадил на длинное топорщице, глядишь — и сгодится, коль у князя Дмитрия оружия на всех не хватит.

А на другом краю Москвы, в халупе, где Фетка-смутьян обитает, снаряжаются в поход сам Фетка и друг его пахарь Тришка. Нет и у них ратного доспеха. Тришка принес с собой из деревни косу. Смеется над ним Фетка.

Знают — в каждом доме прощаются близкие люди...

— А нам с тобой и проститься не с кем, — загрустил Фетка. — Я бобыль, так и не обженился, всю жизнь в бегах да утайке от глаз боярского сыска. Твой далече...

— Ничего! — бодро сказал Тришка. — Пойдем в народ, что у Кремля собирается. На миру и веселее. Всяк тебе сродственник пред походом смертным.

...Простился со своей женой Оленой кузнец Доронка, перекрестил деток малых, в пояс дому поклонился. А Олена и слова молвить не может: задушила крик по любимому мужу в горле.

И в Юркином доме прощанье. Пора уходить. Старая мать, подавая сыну узелок с чистой рубахой, чтоб надел перед битвой, заголосила. Вторя ей, запричитали Юркины сестры.

— Был бы жив батюшка, поглядел бы на тебя, сынушка, порадовался бы на нашего воина, на кормильца нашего, — выговаривала мать, целуя и благословляя сына.

Простившись с ними, Юрка взял на руки старшенького сына, Алексашеньку.

— Ты куда уходишь, батюшка?

— Ухожу, сыночек, на битву великую.

— А зачем она тебе, эта битва?

— Чтоб неволи на нашей земле не было.

— А какая такая неволя, батюшка?

— Не знаешь, сынок, и знать не будешь, кончится она с этой битвой.

— И я с тобой пойду, возьми меня.

— Ты еще маленький, сынок.

Юрка крепко поцеловал мальчика, радость свою несказанную. Подошел к люльке, в которой спал его младший сын. Чтоб не разбудить его, чуть-чуть дотронулся губами до влажного лобика и перекрестил мальчика.

— Ну будет, будет, — успокаивал он плачущих родных. — Вернемся еще, будем живехоньки, бог милостив. Победу предрек русскому воинству игумен Сергей.

* * *

Вдоль белокаменной кремлевской стены и на всех ближних к Красной площади улицах выстроились полки. Ждут выхода к ним великого князя Дмитрия Ивановича.

А у дверей церкви архистратига Михаила, куда пошел Дмитрий вместе со своими сподвижниками в последний раз поклониться праху своих предков, ждали их выхода жены боярские, воеводские и княжеские, и среди них Евдокия Дмитриевна с сыновьями, восьмилетним Василием и пятилетним Юрием.

Когда князья вышли из церкви, настал час последнего целования. Простился со своей княгиней Владимир Андреевич серпуховской. Рыдает Евдокия Дмитриевна, великая княгиня, слова вымолвить не может. Утешает ее Дмитрий.

— Не плачь, жена... — говорит он, целуя мокрое от слез лицо. — А тебе, Федор Андреевич, — обра-

тился великий князь к боярину Кобылину, — поручаю на время моего отсутствия город Москву и семейство мое.

Дмитрий Иванович, вслед за ним все князья и бояре сели на коней и выехали на площадь через Фроловские ворота. За князем везли громадный великокняжеский стяг, на полотнище которого был вышит лик Христа.

На утреннем солнце ярким огнем полыхали красные еловцы* на сверкающих шлемах, колыхались на высоких древках знамена, струились серебряным сиянием наборные бляхи, украшавшие коней, боевые топоры, мечи, поднятые кверху копья.

— Братья! — раздался по притихшей Красной площади громкий голос князя Дмитрия Ивановича. — Не пощадим жизни своей за землю русскую, за веру Христову. Защитим жен и детей наших, выйдем на встречу врагу и разобьем его!

Гролом голосов откликнулась площадь на слова великого князя: отвечали они заветным желаниям каждого воина.

Кричали со всех сторон:

— Клянемся положить жизнь свою за родную землю!

— За детей наших! — закричал Доронка-кузнец.

— За веру православную! — закричал Фрол.

На всю площадь гаркнул Фетка-смутьян:

— Веди нас, князь, на хана татарского!

Священники и дьяки с крестами, иконами и освященной водой вышли из Фроловских, Никольских и Константиноелевских ворот Кремля и начали благословлять собравшихся на площади воинов. Окропили и высокого, слишком тучного для своих тридцати лет великого князя.

* Еловец — лоскуток ткани, вставляется в трубку на вершине шлема.

Когда все получили благословение, затрубили трубы, ударили в бубны*, и двинулось войско в поход.

Пошли русские воины тремя дорогами. Князь Владимир Андреевич повел рать по дороге Брашевской. Белозерские князья повели воинство дорогою Болвановскою, а сам великий князь со многими силами пошел по дороге на Котел. Шли они так тремя дорогами потому, что очень торопился великий князь Дмитрий Иванович.

Долго стояли, плакали и молились провожавшие люди московские, а княжеские, боярские и воеводские жены поднялись с великой княгиней Евдокией Дмитриевной в златоверхий набережный терем и глядели оттуда вослед своим мужьям. Вот уже потянулись обозы со съестными припасами и всяким походным снаряжением, телеги, на которые сложили воины наиболее тяжелые части своего вооружения, слуги княжеские да боярские, сопровождающие своих господ, а заплаканные женщины все не могли оторвать глаз от дороги.

— Дмитрий, князь мой, муж мой, Дмитрий... — все твердила, неутешно рыдая, великая княгиня...

ТРУБЯТ ТРУБЫ НА КОЛОМНЕ

За несколько верст до Коломны, в устье реки Сиверки встретили Дмитрия воеводы собравшихся здесь полков.

А простой народ стоял вдоль дороги на Коломну, по которой следовал великий князь; всяк стремился увидеть Дмитрия Ивановича своими глазами.

На следующий день после заутрени услыхали коломенцы пение громких ратных труб: то на широком Девищем лугу строились конные и пешие рати. Происхо-

* Б у б ы — барабаны.

дил великокняжеский смотр всему войску. Пестрые разноцветные значки на высоких древках княжеских знамен рассказывали, кто из князей пришел сюда со своими полками и дружинами.

Дмитрий Иванович с князем Владимиром Андреевичем объезжал войско.

— Сколько же пришло сюда ратей? Сколько тут стоит воинов? — спросил у брата Дмитрий.

— Слышал я, что полтораста-двести тысяч, — ответил князь Владимир. — Посчитать бы надобно; пастух должен ведать, каково его стадо.

И начал великий князь Дмитрий Иванович рядить полки для ратного дела: назначил каждому полку воеводу — храбрейшего и опытнейшего князя, уряжал полки так, чтобы войско и в походе сохраняло боевой строй, чтоб никто не смог застать его врасплох.

Была назначена крепкая сторожа, отборный конный отряд, и командовал им смелый и искусный воин Семен Мелик. Это было боевое охранение, и задачу перед ним князь поставил ответственную: выходить на несколько переходов вперед, устанавливая местонахождение противника, добывать «языка» и выяснять замыслы и действия Мамай. Кроме того, в ведении Семена Мелика была также и разведка, в которую входили самые отважные и опытные ратники. У них были лучшие кони, быстрые и выносливые. Отряду придется уходить еще дальше в степь и даже проникать в Мамаевы тылы: каждый шаг врага должны знать русские.

Урядил Дмитрий и передовой полк. Он будет завязывать бой. Назначил главные силы — большой полк, полк правой руки и полк левой руки. И еще учредил князь засадный полк: он будет спрятан и, когда понадобится, внезапно обрушится на врага.

Перед выходом из Коломны Дмитрий призвал к себе десять купцов-сурожан, которых взял с собой в качестве проводников русского войска. Они не раз бывали в

Орде и очень хорошо знали дороги в придонских степях, татарские зимовья и кочевья.

Великий князь спросил их, какой самый короткий путь они знают к верховьям Дона.

— Через середину Рязанского княжества, — ответил один из них.

Задумался князь: «Эту дорогу может преградить Олег рязанский и, навязав сражение, задержать наши войска. Не дело в битве с Олегом проливать русскую кровь. Не с ним идем мы воевать».

— А коль направиться по окраинным рязанским землям, на сколько времени удлинится наш путь? — снова спросил Дмитрий.

— На полтора суток, господине княже, — ответил тот же купец.

«Лучше полтора суток потерять, — решил Дмитрий, — чем задержаться невеста на сколько».

Пробыв в Коломне два дня, русские войска в походном боевом порядке покидали город.

Дмитрий вел свое войско к устью реки Лопасни, что выпадала в Оку в ста двадцати верстах от Коломны. Там была Сенькина переправа.

А за Окой начиналась рязанская земля. И хотя, как доносила разведывательная сторожа, князь Олег стоял в бездействии, Дмитрий опасался встречи с ним. Начиная переправу, великий князь дал каждому полку строжайший наказ: «На рязанской земле не касаться никого и ничего. Ничего ни у кого не брать».

Первой переправилась конница, а затем пешие полки, но пеших пришло пока мало. Они двигались медленно. Их надо было ждать, и это очень огорчало Дмитрия Ивановича. Но тут подоспел воевода Тимофей Васильевич с полками, которые явились в Москву уже после ухода Дмитрия. Вот он-то и был оставлен на переправе, чтобы встречать опоздавшие дружины, отставшие пешие войска и отсылать их вслед за главными силами,

предупреждать, чтоб ни один из мирных жителей Рязанского княжества не был обижен ими.

Разведка принесла князю Дмитрию новые тревожные вести: литовское войско во главе с Ягайлой подходит к Одоеву.

Дмитрий заспешил, потому что стремился быстро, скрытно и внезапно появиться перед Мамаем. Во что бы то ни стало надо первым подойти к верховьям Дона, выбрать место для боя и заставить биться Мамай там, где укажет ему он, Дмитрий. Тогда и бой пойдет, как задумает великий князь.

Спешил Дмитрий, чтобы Мамай, Олег рязанский и Ягайло литовский не успели соединить свои силы. Покидая переправу, Дмитрий Иванович послал в Москву гонца с вестью: «Русские рати благополучно переправились через Оку». И повел великий князь свое войско в верховье Дона.

Четвертого сентября русские подошли к месту, называемому Березуй. Сюда же явились для соединения с Дмитрием литовские князья Андрей Ольгердович полоцкий с отрядом псковичей и брат его Дмитрий Брянский с воинством своим, потому что они оба были во вражде великой со своим братом по отцу, Ягайлой, который после смерти Ольгерда занял его престол.

Стекались к Березую и пешие, простые люди со всех русских земель и градов. Шли поодиночке, по двое, по трою, а чаще целой толпой.

Оказались тут и друзья — пешие ратники Юрка-сапожник, Доронка-кузнец, Ерофей, старый Фрол да плотник Степан. А когда воевода строил их в боевые ряды, стали рядом с ними, плечом к плечу, бывшие поджигатели боярина Юрия Михайловича — Фетка-смутьян и Тришка-ратай.

— Вот и добре, — сказал Фетка, оглядывая могучие фигуры трех молодых друзей, — с такими воинами никакой враг не страшен.

— Скоро встретимся в чистом поле... — жарко сказал Доронка.

И великому князю Дмитрию Ивановичу в священный бой за Русь не терпится. Но не должен он спешить — на нем за все ответ.

Снова посылает Дмитрий Иванович сторожу наблюдать за неприятелем.

— Только непременно повидайте татарские полки, — наказывает он воеводе, расторопному боярину Семену Мелику, который на этот раз отправляется в Дикое поле сам вместе с избранными им смельчаками.

Шестого сентября русское войско подошло к Дону.

Неожиданно появились ведомцы * от Семена Мелика: привели «языка», знатного татарина из свиты самого Мамай. Вот так удача!

Под угрозой жестокой пытки царедворец сказал:

— Ныне Мамай на Кузьминой гати, не спешит. Ожидает Олега рязанского и Ягайлу Ольгердовича литовского. А о том, что князь Дмитрий собрал рати и идет на него, не знает. И даже не думает о встрече с ним. И будет здесь великий хан через три дня, перейдет на левую сторону Дона.

— А какова сила Мамаева? — спросил пленного Дмитрия.

— Сила неисчислимая. — И потупил пленный голову, скрывая во взоре злорадство.

В походном цветном шатре на военном совете, который собрал великий князь Дмитрий Иванович, решали, где быть битве: на этой стороне Дона или перевозиться войскам на ту сторону?

Разгорелись жаркие споры.

— Веди нас, княже, за Дон! — советовали одни.

— Не ходи, князь, — остерегались другие.

— Не перевозись. И Олег рязанский стоит против нас, и Ягайло литовский...

* Ведомцы — разведчики.

— Коль останемся здесь — слабы будем. За спиной широкое поле, есть куда бежать. А переправимся за Дон — крепки и мужественны станем. Крепко стоять будем и одолеем Мамай. А нет, так умрем все, как один, общей смертью. А силы их великой не бойтесь, не в силе бог, а в правде!

Когда споры затихли, поднялся великий князь и сказал:

— Братья, ведайте, что я пришел сюда не затем, чтобы на Олега смотреть или реку Дон стеречь, но дабы Русскую землю от пленения и разорения избавить либо голову свою за всех положить. Честная смерть лучше плохой жизни. Лучше было бы совсем не идти против безбожных татар, чем выступить и, ничего не сотворив, возвратиться восвояси. Ныне же пойдем за Дон, а там или победим и все от гибели сохраним, или сложим головы свои за землю нашу Русскую!

И повелел князь Дмитрий рубить деревья и хворост в березовых дубравах и наводить мосты для пехоты. А для конницы искать броды.

На следующий день прискакал к великокняжескому шатру Семен Мелик:

— Главные силы Орды подходят к Куликову полю. Конники из моего отряда уже бились с ними! Теперь Мамай знает, что мы тут. Гляди, не началась бы битва завтра.

Пришла ночь и спрятала от вражеских глаз переправу русского войска.

ЗА ДОНОМ, НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Великий князь Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем направились к переправе. В темноте кони шли шагом. Тишина, словно все заснуло.

— Река не даст татарской коннице обойти нас, да и заслонит от рязанцев и литовцев, коль придут, так ведь? — спросил Дмитрий Владимира, чтоб еще раз утвердиться в правильности принятого решения. Нельзя ошибиться в выборе места сечи.

— Тверд будь, Дмитрий, — ответил Владимир, князь серпуховской. — Все содеялось как надобно.

Неожиданно в темноте обозначился верховой. Братья напряженно вгляделись, и Дмитрий угадал в темном силуэте мужа своей сестры Анны воеводу Дмитрия Михайловича Волынского.

— Ты, Боброк? — окликнул всадника великий князь.

— Я, княже, — отозвался верховой.

— Начали переправу? — спросил Дмитрий.

— Да, — ответил Боброк, подъезжая.

— А что же ничего не слышно? — снова спросил Дмитрий.

— Воины обернули копыта коней травой, чтобы не шуметь.

— Ты распорядился? — спросил Владимир Андреевич.

— То не я. Сами молодые люди удумали, — сказал Боброк.

— Ну и как тебе Куликово поле для битвы? — спросил Дмитрий.

— Пригоже. Тесно тут будет татарским коням. А овраги да кусты густые на берегах речушек прикроют наши рати.

Князь Владимир Андреевич с Боброком направили своих коней к переправе, чтобы передать повеление великого князя: разрушить мосты, когда перейдут по ним последние ратники. А сам Дмитрий вернулся в великокняжеский шатер — он должен был быть там, чтобы не разыскивали его скоростники, которые то и дело привозили известия о движении татарских войск.

Ночь зажгла звезды над Куликовым полем. За Доном ратники разложили костры на земле.

Когда уже за полночь перевалило, выехали в поле князь Дмитрий и Боброк.

Было очень темно. На разные голоса выли волки, словно сбегались сюда со всей земли. Где-то вдалеке иногда раздавалось сонное карканье ворон, клекот орлов.

— Будто беду накликают, — тихо сказал Дмитрий. — Страшная завтра будет сеча. Для многих последняя ночь на этом свете.

— Хочешь, господине княже, узнать, что будет завтра? — спросил Боброк.

Дмитрий недоверчиво молчал.

— А я, княже, приметы знаю. Скачи за мною на середину Куликова поля.

Великий князь поскакал за воеводою.

— Теперь оборотись в сторону татарскую и внемли... — тихо сказал князю Боброк, когда они остановились.

Дмитрий прислушался.

— Что слышишь, княже?

— Великий стук и клич, словно торжище собирается или точно город строится и будто трубы трубят, а позади татарского стана волки страшно воют.

— А еще что?

— По правой стороне вороны каркают и великий птичий гомон стоит. Кричат птицы и крыльями хлопают.

— А теперь оборотись на русскую сторону.

Князь повернул коня.

— Ну? Что, князь? — спросил Боброк.

— Тишина великая. Только вижу, от множества огней будто заря занимается.

— Доброе знамение, господине княже, — сказал воевода. — Но есть у меня еще одна, иная примета.

С этими словами Боброк сошел с коня, принял пра-

вым ухом к земле и так лежал долгое время. Затем поднялся печальный.

— Что закручинился, Боброк, поведай мне, — попросил великий князь.

— Две у меня повести, — тихо заговорил Боброк. — Одна — тебе на великую радость, а другая — на великую скорбь. Слышал я землю, плачущую горько и страшно на два голоса. С одной стороны словно плакала, терзалась женщина, причитая по-татарски, о детях своих горюя и проливая слезы. А другая сторона земли плакала, будто девица, тонким, как свирель, жалобным голосом в скорби и печали великой. И означает это, что одолеешь ты татар, но воинства твоего падет несчетно.

* * *

Не спится у затухающего костра трем друзьям — Юрке, Ерофейке и Доронке. Должно быть, не спят и другие воины. Каждого одолевают свои думы. Завтра битва великая...

Лежит Юрка на земле, закрыл глаза, легкий жар от углей тлеющих щеки касается, будто ладошка сына Александра. И мнится Юрке ночью на Куликовом поле, словно видит он своего мальчика, слышит, как тот пытается его через многие версты, что пролегли между ними от Москвы до Дона:

«Ты почто, батюшка, лежишь тут, на Куликовом поле?»

«Жду рассвета, сынок».

«А зачем тебе рассвет, батюшка?»

«Чтоб начать битву с татарами».

«Ты ратник, батюшка?».

«Да, мой маленький, ратник великого князя московского».

«Я не маленький, большой. Я ратник, как ты. Вот моя пика», — и он показывает отцу палочку.

— Спишь, Юрка? — из темноты Доронка спрашивает.

— Нет. Дремлется. Будто с сыном разговариваю.

— А я, как закрою глаза, — подал голос Ерофей, — так моя Анюта передо мной стоит, дом родимый вижу...

— И не диво. Кто знает, может быть, и не свидимся с ними.

— День меркнет ночью, а человек печалью, не тужи.

— Я так... Ждали мы этой поры долго, и она пришла.

— Слава богу, что пришла.

— Ты помнишь, Ерофеюшка, — вступил в разговор Степан, — как мы с тобой плотничали? По Руси ходили?

— Как не помнить, батюшка.

Замерло сердце Степана: «Первый раз отцом назвал. Подарок перед сечей смертной».

— Как забыть... — продолжал Ерофей. — И петушка того помню, что ты мне в забаву вырезал на столе.

Не спят и Тришка с Феткой. Говорит Тришка:

— Точно, видел вчера на переправе боярина нашего Михаила Юрьевича, в доспехах весь, воевода воеводой. И тиун при нем, тот самый, что полоснул меня плетью тогда. Глянул он на меня... Мню, признал...

— А дале что? — с тревогой спросил Тришка.

— Взор отвел.

— Давайте спать, братья, — сказал Фрол. — Сила нам нужна для утра. А какая сила без сна?

...Тихо у догоревшего костра. Заснули ратники.

ВЕЛИКАЯ БИТВА

Восьмого сентября чуть забрезжил свет, князь Дмитрий, Владимир, Боброк и литовские князья начали расставлять в боевом порядке полки.

Большой полк поставили в середине всех русских сил. На запад двинули полк правой руки. Его разместил

ли так, чтобы он упирался в овраги и дебри речки Нижнего Дубяка, впадающего в Непрядву, которая струила свои воды за спиною русского построения. На восток от большого полка направили полк левой руки. За ним дружина Дмитрия Ольгердовича на случай прорыва врагом этого крыла. Еще восточнее в зеленой дубраве спрятали лучшую конницу — засадный полк, который был под началом воеводы Дмитрия Боброка и князя Владимира Андреевича. Впереди большого полка стал пеший передовой полк, к которому присоединился и сторожевой со своим командиром Семеном Меликом.

«Войско Мамаево боле нашего, — размышлял Дмитрий Иванович, расставляя полки. — И силы его уменьшит такое построение ратей наших, ибо не смогут развернуться они, ударить разом, обойти и обрушиться на наш тыл».

К утру на Куликово поле лег густой туман. В двух шагах ничего не видно.

Переключались ратные трубы русских.

Через час заговорили трубы и на татарской стороне. Но не слышно было русским, как кричали татарские муллы: «Мусульмане, не щадите неверных христиан! Убитый в бою, ты немедленно пойдешь в рай! Что жизнь на земле? Мгновенье! В раю будешь вечно сытно, до отвала есть, всласть пить вино, гулять в тенистых садах, слушать журчание прохладных фонтанов!»

На русской стороне князя и воеводы, урядив полки, начали объезжать войска, и каждому полку говорил Дмитрий:

— Отцы и братья! Время приблизилось, и час настал. Скоро все мы, от мала до велика, будем пить общую чашу. Сражайтесь за землю свою, за обиды наши общие, за детей, за родную землю, смерть — не смерть, но вечная жизнь, слава и память.

Сквозь туман всматривался Дмитрий в лица ратни-

ков и видел: нет в них страха, а лишь одно нетерпение — скорее бы...

Вернулся князь Дмитрий в большой полк под свое великокняжеское знамя, сошел с коня, снял с себя златотканую приволоку, сказал:

— Позовите ко мне боярина Михаила Андреевича Бренка.

Когда явился боярин, велел ему Дмитрий надеть великокняжеские одежды и сесть на коня князя. Потом обратился к своему телохранителю:

— Будешь возить великое знамя над Михаилом Андреевичем. А я начну битву первым, вместе со сторожевым полком.

Друзьями с малолетства были Дмитрий и Михаил. А посему обнялись, попрощались перед битвой.

Неожиданно появились посланцы от Сергия Радонежского, привезли напутствие игумена:

— «Великому князю, и всем русским князьям, и всему православному христианству, — читал громогласно рослый чернец. — Смело веди полки свои, господине княже. Бог, и пречистая Богородица, и святой чудотворец Петр помогут тебе и пошлют победу!»

Быстрее молнии полетели эти простые слова игумена Сергия по всему войску русскому, утвердив и укрепив в сердцах уверенность в победе.

Между тем туман начал рассеиваться, и великий князь, надев поверх боевого доспеха одежду простого воина, взял свою железную палицу и копье и направился в сторожевой полк, чтобы, как задумал, начать бой в числе первых.

Князья и бояре стали удерживать его:

— Не подобает тебе, великий князь, самому в полку биться. Тебе следует стоять в безопасном месте и направлять бой. Если лишимся тебя, то станем как стадо овец без пастуха.

— Братья мои добрые, — отвечал князь Дмитрий. —

Хочу как словом, так и делом быть первым. Смерть ли, жизнь ли, но вместе с войском моим. Я вступлю в бой прежде других.

К одиннадцати часам туман рассеялся. И противники увидели друг друга.

Одежда и доспехи татар были темны. Казалось, черные тучи с неба опустились на землю, укрыв зеленую траву.

А Мамай с высоты своего холма осматривал русское войско. Нарядным и светлым было оно. Будто не на смерть собрались русские люди, а на великий праздник: сияют на солнце серебром и золотом доспехи, колышутся полковые знамена и хоругви. Что маки в степи красные щиты.

«Вся Русь собралась сюда, что ли? — подумал Мамай. — Велика моя сила, а коль не одолею их? — Впервые в сердце закралась тревога. — Как тогда возвращусь домой?»

И Мамай отдает приказ: одним стремительным ударом покончить с русскими.

Дмитрий, увидев, что татары двинулись вперед, повелел выступать и своим полкам навстречу врагу.

А в первом ряду пеших воинов — Юрка-сапожник, Ерофей, Доронка-кузнец, рядом с ними старый Фрол, Степан-плотник и Фетка-смутьян с ратаем Тришкой... И вокруг них люди простые: крестьяне, покинувшие ради этого великого дня свои пашни, ремесленники, собравшиеся сюда со всех концов русской земли. Кто с мечом, кто с дубиной, кто с рогатиной. Многие без шлемов и кольчуг, и от татарских стрел и мечей одно им спасение: удасть собственная да судьба счастливая.

Все ближе смертный миг.

— Ну, теперь не зевай! — закричал Фрол весело, подбадривая и молодых и старых. — Недоглядишь оком — заплатишь боком!

— Ты смотри! Кто ж такие? — изумился Степан.

В центре татарских сил шла им навстречу генуэзская пехота.

Наемники двигались стеной. Задние ряды положили свои длинные копья на плечи передних воинов, у которых копья были короче.

Слева и справа от них шла конница.

Вдруг татары остановились. Остановились потому, что не было места, где им расступиться. Стали и русские. Смотрели противники друг на друга... Ясно видны татары — серые кафтаны, черные щиты, лица с раскосыми узкими глазами.

И татары различают русские мечи, поблескивающие на солнце, сулицы, рогатины, светлые волосы видны из-под шлемов.

Вдруг из рядов татар выехал богатырь. С невольным удивлением смотрели на него русские ратники: какого же он огромного роста! Как широки его плечи.

— Челубей, — сказал кто-то, — прозывается Железным воином, Темир-мурзой.

Татарин-великан в надежном воинском доспехе ехал не спеша, вызывая русских храбрецов на поединок, чтобы по заведенному обычаю начать битву единоборством.

Неподалеку от князя Дмитрия сидели на могучих конях Пересвет и Ослябя, послушники Сергия Радонежского, которых старец из Троицкого монастыря послал с московским воинством, благословив на ратные дела. Сказал Пересвет Ослябе тихо:

— Челубей ищет равного себе. Я хочу с ним помериться силой.

Выехал Пересвет вперед и закричал громко, чтобы все его слышали:

— Отцы и братья! Простите меня, грешного! Брате Ослябе, моли за меня бога! Отец Сергей, помогай мне!

Перекрестился он наспех размашисто и выехал навстречу татарину-великану.

Грозен Темир-мурза, но бесстрашно и стремительно скачет к нему Пересвет в черном монашеском клобуке с нашитым на нем белым крестом. Нет на чернце доспехов, но с ним вера, что смерть за освобождение земли своей не страшна. Тяжелое копье приготовлено для удара.

Увидел татарин русского богатыря и понесся ему навстречу. Мгновенье! Содрогулась земля от удара, и упали оба мертвыми, пронзив друг друга на всем скаку огромными копьями. Коня пали тоже и не смогли больше подняться.

И ринулись противники друг на друга. Пешие и конные устремились навстречу смерти. Запели гудящие татарские стрелы. Смешались русские и татарские слова. Ударились друг о друга мечи и сабли... И сразу потеряли друг друга Юрка, Доронка, Ерофейка. Крики, скрежет железа, кровь.

А Тришка и Фетка рядом бьются. Вдруг закричал Фетка:

— Тришка! Гляди! Боярин наш!

И верно: облепили боярина татары серой саранчой, норовят мечами голову снести, а к хозяину тиун и ратник пробиваются. Увидел тиун Тришку и Фетку, завопил:

— На подмогу, братцы!

Вот они уже пятеро рубятся с татарами. Рассечено плечо боярина Михаила Юрьевича, с кольчуги кровь скатывается.

Бьются насмерть.

Упал боярин. Рухнул и тиун — стрела вонзилась в его грудь. Ратник захлебнулся кровью из горла рассеченного. Выбит меч из рук Фетки. В мгновенье схватил он меч Михаила Юрьевича.

Нечем дышать в тесноте великой.

Стоны, крики, предсмертное ржание коней.

...Старый Фрол из последних сил замахнулся копьем.

ем на конного татарина, но пала рука с оружием, мечом отсеченная, а второй удар пришелся на седую голову.

Видел смерть Фрола Степан-плотник, закричал зверино, так что бешеные лошадиные морды от него шарахнулись. И пошел на врага с топором. Страшен он был в своей ярости, седой и окровавленный.

— Други мои, Доронка, Ерофейка! Где вы? — кричал Юрка-сапожник. Но не слышно его голоса было среди грома страшной сечи. Словно обезумел Юрка. Поднимал он свою тяжелую дубину и опускал на головы приближавшихся к нему недругов.

Доронку же и Ерофея окружили татары, и они отбивались от ворогов, прижавшись спинами друг к другу.

— За детей и жен наших, Доронка!

— За землю родную, Ерофеюшка!

— Прощай, друг!

Не ответил Доронка — снес ему голову татарский меч.

Взметнулась над Ерофеем кривая татарская сабля.

«Вот и моя смертушка», — промелькнуло в его голове. Но рухнул татарин — русские ратники подоспели к Ерофейке.

Проходит час, а стрелы все летят, страшно трещат, ломаясь, копыя, люди кричат каждый свое...

Передовой полк совсем поредел. Полегли первыми на поле брани простые русские люди.

Изнемогает Юрка. И совсем рядом с собой видит великого князя Дмитрия. Он сразу узнает его по высокому, могучему росту, черной окладистой бороде. Князь бьется с несколькими татарами. Один из них замахнулся копьем. Сейчас оно полетит в Дмитрия.

— Отступай к большому полку! — кричит ему великий князь, отбиваясь от наседавших на него татар.

Юрка пытается пробиться к великому князю. Бьется, желая заслонить от них Дмитрия Ивановича.

Откуда-то подоспела подмога. Юрка видит: князь вскачил на коня, потерявшего всадника.

— К большому полку! — кричит.

Теперь они все держатся вместе. Было дивно, как они еще уцелели среди этого ада.

* * *

...Мамай стоял у своего богатого ханского шатра, что поставили на самом верху Красного холма, и смотрел на битву.

Подле него находились ближайшие советники и телохранители.

— Почему наши конные полки не обходят русских? — грозно вопрошал Мамай. — Почему не сжимают в кольцо и не уничтожают?

— Великий хан, — отвечали советники, пряча от Мамаи испуганные взоры, — речки, овраги, кустарники мешают нашей коннице окружить русских. Дмитрий поэтому и выбрал это поле...

— Бейте русские рати по частям! — нетерпеливо перебил Мамай.

Вдруг вспомнил Бегича и, прогоняя воспоминание, приказал:

— Бросьте на большой полк всю нашу силу!

Солнце показывало полдень, когда татары пошли на большой полк. Натиск татарской конницы был яростным: татары рвались в середину русских сил, туда, где развевалось великокняжеское знамя.

Войны большого полка не выдержали натиска — подались назад.

Особенно много стрел, копий, метательных ножей летело в Михаила Бренка — его приняли татары за Дмитрия.

Словно сама смерть вышла на Куликово поле и своей острой косой косила воинов, защищавших вели-

ко княжеский стяг. Последним пал под ударами мечей Михаил Бренок.

С ожесточением рубили татары древко русского знамени, и оно пало, как падали везде вокруг раненные и убитые воины.

Третий час кипит битва. Отступает большой полк. Под князем Дмитрием убит четвертый конь. Бьется он в рукопашной схватке один против пятерых!.. Против семерых... Рубят кривые татарские сабли плечи князя, сыплются удары на шлем, помялась на его груди броня. Бьется Дмитрий, но чувствует — уходят силы, глаза застилает туман, нестерпимо тяжелой стала кольчуга. Сердцу тесно. Словно невидимая рука душит горло...

Отходят русские...

Победные вопли сотрясают татарские ряды.

Но недолга была радость татар. Глебу брянскому и боярину Тимофею Васильевичу удалось силами владимирской и суздальской дружин сомкнуть ряды большого полка.

Русские подняли свой великокняжеский стяг, и он опять колыхнется под лучами солнца над их ратями.

Мамай приказывает стремительно броситься на полк правой руки. С воинственными криками ринулись татары выполнять приказ, но им так и не удалось сдвинуть с места воинов полка правой руки. Русские храбрецы перешли бы тут и в наступление, если б их предводитель, искусный в ратном деле Андрей Ольгердович, не боялся открыть большой полк справа и расстроить общий боевой порядок, предписанный князем Дмитрием.

— Твердо стоят середина и правое крыло, — доносят Мамаю, да и сам он это видит, наблюдая битву.

— Главный удар направить на полк левой руки! — гневно командует правитель Орды. И уже спокойно обдумывает приказ: «Там овраги не столь круты и глубоки».

А татары уже выполняют волю Мамаю: перейдя

вброд речку Смолку, страшным своей силой натиском начали битву.

И не было нигде на поле Куликовом такой жестокой сечи. В великой тесноте задыхались люди, некуда было ступить конскому копыту. В разных местах вспыхивали ожесточенные рукопашные схватки. И вновь прибывавшие конные полки давили сражавшихся.

И начал полк левой руки прогибаться назад. Теперь большому полку угрожала опасность быть обойденным с боку и тыла. А натиск окрыленных успехом татар усилился еще больше. Они уже начали было охватывать левое крыло большого полка, как пришел на помощь истекающим кровью русским Дмитрий Ольгердович со своим резервным отрядом.

Князь Дмитрий поставил его позади главных сил. Углядел, что понадобятся его свежие силы.

Лязг мечей, ударяющихся по доспехам. Бесперывное гудение стрел. Вопли. Истощенное ржание коней...

...И опять левое крыло не устояло против напора несметной татарской конницы.

Не счесть, сколько падает мертвыми.

Оставшиеся в живых вдруг побежали.

Ликует Мамай у своего шатра: победа!

Но в зеленой дубраве засадный полк, лучшая русская конница. Командуют полком воевода Дмитрий Боброк и князь Владимир Андреевич.

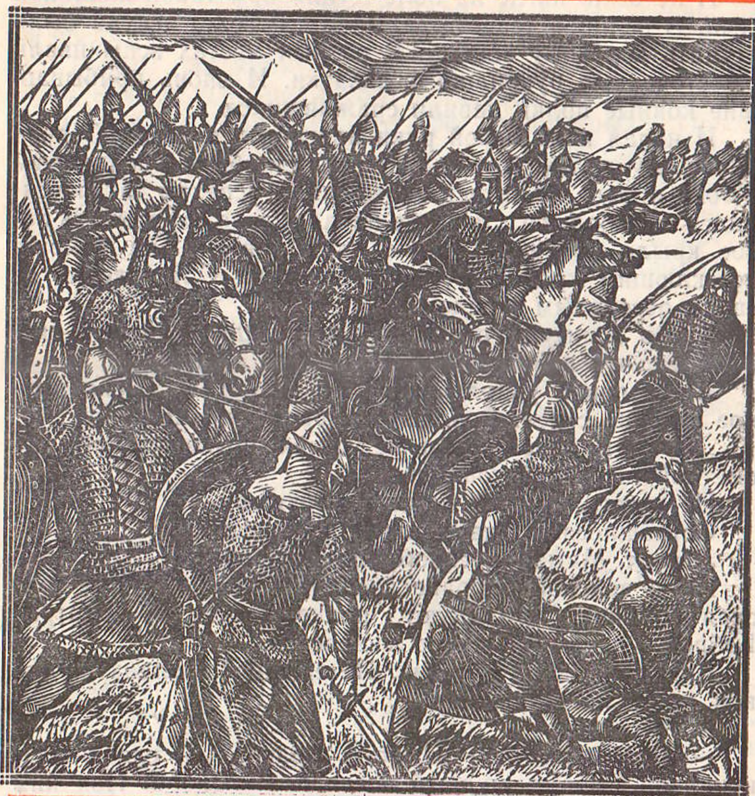
Видят — бегут русские. Нетерпение в рядах конников, крики негодующие:

— Чего ждем?!

— Потерпите еще немного, братия, — сдерживает конников Боброк, мудрый воевода. — Скоро! Под ним тоже конь пляшет: передается ему нетерпение хозяина.

И когда стали видны спины татар, что гнали остатки полка левой руки, повернулся быстро, порывисто Боброк к князю Владимиру Андреевичу:

— Господине княже, пришел наш час. — И закри-

чал громко, чтоб его слышали все: — Отцы и братья! Сыны и други! Время настало!

Бурей вылетели из засады и понесли храбрых воинов, как неминуемую смерть, на врагов. И было это в конце второго часа дня.

Потерявшие в погоне свой воинский строй татары, увидев свежие русские силы, обезумели от ужаса.

— Увы, увy нам! — кричали они. — Горе тебе, Мамай! Погубил ты нас всех напрасно...

Вслед за полком засадным, повернувшись лицом к врагу, отступающие ратники перешли в наступление.

Поднялась среди татар паника. В беспорядке бежали они к Красному холму. Тут, возле Мамаева, оставались еще свежие татарские силы, они попытались остановить русских. Но натиск ратников великого князя Дмитрия был таким стремительным и неустойчивым, что устоять было невозможно.

...Видит Мамай: летит на его шатер русская конница, пришла и его смерть. Одно спасение — бежать. Прочь от поля Куликова! С ним его малая дружина на свежих конях, ближайшие мурзы.

И бросил татарский хан свое войско — бежал. Только затихающий топот коней и пыль над дорогой...

...Сорок верст гнали русские ратники остатки Мамаева войска, гнали до реки Красивой Мечи, пока кони не выбились из сил, начали падать под всадниками...

ЖИВЫЕ ИЩУТ ЖИВЫХ

...Кончилась погоня, вернулись русские воины на поле Куликово. Уже и солнце садится, скоро вечер. Тихо на месте брани. И страшно, невыносимо смотреть на ратную землю: вся она покрыта горами мертвых тел...

Схлынула горячка погони, и забеспокоился князь серпуховской Владимир Андреевич о своем брате.

— Где Дмитрий? — закричал он. — Кто великого князя видел?

Стали искать — нет Дмитрия среди живых. Тогда повелел Владимир Андреевич трубить сбор.

И начали сходить к месту, где пела, созывая живых, труба. Оказались среди них Ерофей да седой Степан-плотник. Обнялись молча.

— Кто где видел моего брата, великого князя Дмитрия Ивановича? — спрашивал князь Владимир всех, кто пришел на зов трубы.

— Коль тяжело раненный, надобно искать среди мертвых, — сказал старый ратник.

— Я видел его, крепко бьющегося палицею своею железною с четырьмя татаринами, — сказал другой. — И не ведаю, что сотворилось ему.

А князь Стефан новосильский сказал, что встретил великого князя пешего, едва идущего, и что не мог он помочь ему, ибо сам отбивался от трех татар.

Обращаясь ко всем, князь Владимир Андреевич молвил в тишине, что упала на поле Куликово:

— Братья, друзья и сыновья, поищите великого князя Дмитрия Ивановича. Коль найдет его живым человек велик, славен и честен, то прославится и возвеличится еще больше. А коль найдет кто из простых, убогих и пребывающих в нищете, да станет первым и богатым, и честью, и славою.

Разошлись все живые по бранному полю...

...Бредут рядом Ерофей и Степан, выискивают места, куда ногой ступить можно между трупами.

— Как Фрола татарин порешил, сам видел, — сказал Степан. — Сейчас покажу то место. Вон там...

И нашли они Фрола: лежит ничком, голова мечом разрублена, а рядом рука Фролова, отсеченная, сжимает копьё.

— Прощай, друже Фрол, прости нас.

Идут дальше Ерофей и Степан, в лица мертвых заглядывают, великого князя ищут и друзей своих.

— Батюшка, иди сюда, смотри...

Лежат рядом, как братья, боярин Михаил Юрьевич, тиун его верный, ратник безымянный и Фетка-смутьян да Тришка-ратай — всех настигла смерть в бою с врагами. А вокруг порубленные и посеченные.

— И вы нас простите, братцы, — тихо сказал Степан-плотник. — Что живы остались, не разделили вашей славной доли. Будет вам вечная память на Руси.

Пошли они дальше по полю Куликову, устланному телами русских и татар.

— Погляди, батюшка, все вперемежку лежат, — сказал Ерофейка. — Аль растащить их? Может, князь внизу?

Восьмой труп отгаскивает Ерофейка в сторону...

— Юрка! — закричал он вдруг.

Степан глядел молча. Потом приложил ухо к Юркиной груди. Сердце не стучало. Прислонил щеку к полуоткрытым губам, надеялся уловить дыхание.

— Вечная память тебе, Юрка-сапожник!

Ерофейка, казалось, ничего не понимал.

Степан попытался сложить Юркины руки на груди, но они не слушались старика. Тогда Степан положил на глаза Юрки два медных кружка, чтоб закрыть их.

Великого князя они больше не искали.

* * *

Молодой воин с кровавым шрамом на щеке приблизился к князю Владимиру.

— Господине княже, нашел я великого князя Дмитрия Ивановича.

Владимир Андреевич, не теряя времени на расспросы, прищипорил коня...

Когда они подъехали к спящему мертвым сном рус-

скому богатырю, Владимир всмотрелся в его лицо и с облегчением вздохнул: это был не Дмитрий. Потом перекрестился.

— Царство небесное и вечная память князю Федору Семеновичу белозерскому, — сказал он.

Со стороны дубравы появился человек. Он ехал на коне и кричал:

— Нашли, нашли мы великого князя Дмитрия Ивановича! Жив он. Едва дышит. Лежит, как мертвый, чуть дышит, но жив. — Человек показал в сторону дубравы.

Галопом пустил своего коня Владимир Андреевич. Но не мог конь скакать: под ногами трупы, горы окровавленных тел. Пришлось слезть с седла и идти пешком.

Увидев великого князя, Владимир Андреевич сначала не мог говорить от волнения, потом наклонился над Дмитрием:

— Брат мой, великий княже Дмитрий Иванович, русское воинство победило!

Дмитрий, не открывая глаз, едва вымолвил:

— Кто подле меня?

— Я, князь Владимир Андреевич, вещаю тебе о победе ратников твоих, русских воинов.

Стали поднимать Дмитрия и ужаснулись — до чего же избиты и помяты были его латы.

— Знать, смерть рядом стояла с великим нашим князем, — сказал кто-то из простых людей.

Поднесли воды. Дмитрий выпил несколько глотков. С головы сняли иссеченный шлем. Большое тело князя освободили от тяжелых лат и кольчуги.

— Ну, князь, кланяйся оружейникам, что справили такой крепкий доспех, а то не быть бы тебе живу, — сказал воин, нашедший Дмитрия.

— Как зовут вас, простые люди? — спросил Владимир Андреевич двух ратников, что отыскиали великого князя среди груд мертвых тел.

— Федор Морозов, — сказал один.

— Григорий Холопов, — назвался другой. — Мы из Костромы.

— Будет вам щедрая награда, — сказал князь Владимир.

— Награда нам, княже, — ответил Федор Морозов, — победа над врагом извечным.

...Спит великий князь Дмитрий Иванович в своем великокняжеском шатре. Уснули Владимир Андреевич, Боброк, братья Ольгердовичи.

Тяжело дышит и стонет Куликово поле. Как призраки ходят по полю люди, подавая помощь раненым и умирающим. Не переливается серебром над полем Куликовым луна и не светит, а стоит кровавой раной в сумрачном небе.

...Страшно Куликово поле. Спят на нем вечным сном тысячи русских и татар.

ЗВЕНИТ СЛАВА ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ РУССКОЙ

Утренняя заря разбудила живых. Мертвые не проснулись. Полетели во все концы Руси гонцы с вестью о победе. А на поле Куликовом скорбный обряд: хоронят павших...

Восемь дней священники служили панихиды, и звучные густые басы дьяконов пели «Вечную память» князьям, боярам, воеводам и простым ратникам.

...Легли в братскую могилу Юрка-сапожник, Доронка-кузнец, старик Фрол, Тришка-ратай, Фетка-смутьян.

Покидая Куликово поле, великий князь Дмитрий Иванович преклонил колена перед братскими могилами русских воинов и сказал:

— Будет вам всем, братья и друзи, вечная память, ибо положили вы головы за землю Русскую!

Ягайло, князь литовский, союзник Мамай, восьмого сентября стоял от места побоища в тридцати верстах. А как узнал, что Дмитрий московский одолел Мамай, поспешил в Литву. И не отступал, а бежал. Знал он, что истомленная русская рать догонять его не будет. Другая дума гнала его прочь от поля Куликова: «Как бы после победы московского князя не переметнулась русская часть литовского войска к Дмитрию, а литовская — к Андрею и Дмитрию Ольгердовичам...»

Другой союзник Мамай, Олег рязанский, узнав о победе Дмитрия, тоже не остался в Рязани. Вместе с княгиней своей, детьми и ближайшими боярами убежал на литовскую границу. Говорил приближенным:

— Я хочу здесь ждать вести, как князь Дмитрий пройдет мою землю. Сядет он опять в Москве, тогда и я возвращусь восвояси.

Двадцать первого сентября жители Коломны торжественно встречали победителей. Епископ Герасим со священниками стоял во вратах градных с крестами и иконами. Опять простой народ заполнял все улицы. Плакали и скорбели о погибших. Радовались вернувшимся. Гордились победителями.

Отдохнув в Коломне четыре дня, двинулись в Москву.

* * *

Листья пожелтели, но еще не опали. Гроздь рябины горели алым светом и украшали осень. Москва будто с умыслом принарядилась, встречает победителей.

Ксюша, Юркина жена, в своем самом лучшем наряде вот уже второй день с утра и допоздна выбегает за ворота: не едут ли? Поджидает Юрку. Нарядила и детей.

— Смотри, бабонька, какой я красивый парень, — говорит Алексашенька, наряженный матерью в новую рубаху.

— Красивый ты у нас, — отвечает внуку бабка, — вот уж придет твой батюшка, Юрушка наш, обрадуется... — Старуха заплакала и, лаская мальчика, продолжала: — Полюбуется, какой у него сынок.

— Не плачьте, мама, не плачьте, чует мое сердце, что скоро, скоро увидим мы его. Не может сердце обманывать, — успокаивает старую женщину Ксюша. И, улыбаясь, представляет, как бросится к мужу на шею, горячо расцелует его...

Ждет своего мужа, Доронку-кузнеца, и Олена, вместе с детьми выходит к калитке. Но не говорит ничего: сердце в груди неспокойно...

...И вот запели колокола Чудова монастыря. Тут же откликнулись все другие — густой перезвон поплыл над Москвой. И слышен он был далеко окрест: русское победное воинство великого князя Дмитрия Ивановича входило в город.

А когда на Великой улице показались ратники, Ксюша и Олена кинулись им навстречу, проталкиваясь через густую толпу.

Впереди воинства ехали князья — братья Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич.

И вдруг из праздничной, бурлящей толпы раздались крики:

— Слава тебе, великий князь Дмитрий Донской!

— Слава!

— Слава!

— Слава!!!

— Слава и тебе, князь Владимир Храбрый!

— Слава!

— Слава!

— Слава!!!

Братья переглянулись, довольные: «Ишь, как народ прозвал».

Передние воины уже видят белые стены Кремля, весело избегающие на холм к Фроловским воротам. А в

тех вратах разноцветной толпой княгини с детьми ждут не дождутся своих князей. Тут и Евдокия с сыновьями, и Елена Ольгердовна.

Ждут...

Шагают ратники. И их, победителей, славит народ. Теперь по улице везут на русских и татарских телегах раненых.

Протискиваются к ним Ксюша и Олена.

— Юрку моего не выдали? Юрку-сапожника?

— Доронку моего не встречали? Доронку-кузнеца?

— Нет!

— Нет!

— Нет!..

И отводили взоры в сторону от женщин ратники.

Тут увидели Ксюша и Олена Ерофея и Степана.

— Ерофеюшка!

— Дядя Степан...

— Где наши?

Но уже все поняли женщины: завывали разом высокими голосами, запричитали...

Обнял их Степан, прижал к груди:

— Утештесь, мои милые! Уймите боль-печаль, мои ясные. Сложили ваши мужья головы за Русь нашу великую. Но не покинули они совсем нас с вами. Растут у вас детишки, неистребимо наше русское семя!..

Поют, гудят колокола и над Москвой, и над всей землею русскою...

Вдруг стих народ на московских улицах — везут колоды с телами знатных князей и бояр. Слух прокатился по толпе: на одной из подвод тело инок Перевета.

Провезли мертвых. И опять: крики, шум, движение в толпе встречающих. Проходит мимо москвитян богатый полон: сильные лошади везут телеги, нагруженные доверху оружием, всяким добром, что побросали в па-

нике татары. Гонят скот: стада, табуны коней... Бредут волы, мотая черными головами с короткими рогами вразлет.

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ

Мамай с малой своей дружиной бежал с поля Куликова в такой панике и в таком великом страхе, что ни о чем не мог думать в обратном пути, сменяя одного коня на другого. Твердил он сквозь сжатые зубы:

— Быстрее!.. Быстрее!.. Как бы не догнали.

И только потом со всей неотвратимостью настигло его слово «позор». Настигло и заполнило все сознание. Спасти честь мог только новый поход на Русь.

И Мамай начал готовить его. Но уже не было у татар былой силы, а главное — не было в Орде веры в самого правителя.

А тут еще пришла беда: грозит Мамаю с востока потомок самого хана Чингиса — царь Тохтамыш. Очень пригодилась рать, собранная против Дмитрия. Мамай повел ее навстречу врагу.

Берега реки Қалки стали местом битвы двух татарских войск, и победил в этой битве Тохтамыш.

Известно, друзья познаются в беде. Когда весть о разгроме Мамаева войска пришла в Орду, вельможи стали говорить между собой:

— Не лучше ль нам перейти к Тохтамышу?

И перешли. Совсем мало людей осталось с Мамаем. И те, кто не изменил ему, убежали с ним в Кафу, город, где совсем недавно собирали наемников для великого похода.

В Кафе за большое вознаграждение спрятали Мамай и его спутников от воинов Тохтамыша, которые, посланные в погоню, уже рыскали по городу. Но спасители оказались алчными людьми. Увидев у Мамаея ханские

сокровища — золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг, — не раздумывая, убили они бывшего темника и завладели его богатствами.

Так бесславно закончилась жизнь Мамай.

* * *

Тохтамыш, захвативший земли Орды, направил своих послов в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу, а также ко всем князьям русским, оповещая их о своем воцарении, о победе над Мамаем.

Тохтамышевы послы вели себя так, будто ничего не изменилось в отношениях русских и татар после Куликовой битвы. И получалось, по их словам: бился князь Дмитрий против Мамаея, а не против ига татарских ханов, насилия и унижения. И вовсе не за освобождение Русской земли положили свои головы на Куликовом поле русские ратники — воевали они против плохого хана. И вот теперь Мамай нет, победил его Тохтамыш, и все должно остаться по-старому, как было прежде, при сильных ханах, когда Русь платила огромную дань, когда ехали за ярлыками на княжение все русские князья с поклоном и дарами в татарскую Орду к каждому новоявленному хану.

Выгнать бы этих послов с русской земли, да нет сил для новой битвы — оскудела земля русская воинством, девять из десяти не вернулись с Куликова поля, не выросли еще травой могилы братские.

И пришлось принять Тохтамышевых послов с честью и проводить в Орду со многими дарами. За ярлыками же князья не поехали — послали к хану лишь своих бояр с подарками.

Куликовская битва возвеличила Москву еще больше среди русских княжеств, и князь Дмитрий повелел отныне величать себя «великим князем всея Руси».

Первого ноября 1380 года все русские князья собра-

лись вместе и обещали помогать друг другу в борьбе против татар.

Тохтамыш понял, что Русь, хотя и прислала ему дары, не признает прежних отношений с татарами. И прежде чем собрать новый поход на Москву, он осенью 1381 года отправил к Дмитрию Ивановичу и всем князьям русским нового посла, царевича Акхозя, и с ним семьсот человек татар. «Все русские князья должны немедленно явиться в Орду, как ханские данники» — вот какой приказ хана вез царевич на Русь.

В Нижнем Новгороде Акхозя передали слова Дмитрия: «Лучше этому царевичу и не ездить в Москву. А коль приедет, да еще оружный, худо ему будет».

После Куликовской битвы татары стали с опаской смотреть на Русь, и Акхозя вместо себя послал к великому князю небольшую дружину. Но и та вернулась восвояси — не посмели татарские послы войти в Москву.

И Тохтамыш понял: «Только одно может вернуть Орде покорность русских князей — поход на Русь».

НАБЕГ ТОХТАМЫША

Летом 1382 года Тохтамыш двинулся к Москве. Шел скрытно, надеялся врасплох захватить Дмитрия. Тохтамыш торопился, чтобы не успел московский князь собрать полки. Вся надежда была у татарского хана на внезапность.

Не ходили так прежде татары на Русь — будто ночные разбойники.

Тайно крался Тохтамыш, а все-таки долетела весть о его походе до нижегородского князя. Чтобы спасти свое княжество от разорения, он послал к Тохтамышу

двух своих сыновей, Семена и Василия. Приказал им заверить хана в покорности.

Но татарская рать миновала Нижний Новгород и так быстро шла к Москве, что два княжича едва догнали ее на окраинах рязанской земли.

Рязанский князь Олег остался верен себе: несмотря на договор с Дмитрием иметь общих врагов и друзей, встретил татар с богатыми дарами на границе своих владений, бил челом, просил не разорять его землю, а в благодарность за это обещал показать броды через Оку.

Наконец узнал и Дмитрий Иванович, великий князь всея Руси, что идет на него Тохтамыш. Дмитрий выступил было навстречу татарам. Но на этот раз не поддерживали его остальные русские княжества: в русском невеликом войске начались разногласия. Пришлось распустить эту «силу».

И отправился князь через Переславль и Ростов в Кострому, чтобы собрать крепкое войско и затем двинуться на Тохтамыш. Дмитрий знал, что хан пойдет на Москву, и надежда у него была одна — стены Кремля выдержат осаду, пока он подоспеет с большой ратью на подмогу.

Князь Владимир Андреевич отправился собирать силу в Волок-Ламский.

А между тем Тохтамыш перешел Оку, взял и разграбил Серпухов и, двигаясь к Москве, сжигал по пути все деревни и села.

И хлынули в Москву потоки жителей окрестных сел и волостей, надеясь спрятаться за ее белокаменными стенами. Игумены и монахи ближних монастырей спасали церковную серебряную и золотую утварь, рукописные книги. На телегах везли их на сохранение в Москву, бережно складывали одну на другую в кремлевских церквях и соборах вместе с книгами, принесенными сю-

да со всей Москвы. Их было столь много, что занимали они церкви от пола до самых сводов.

Всех принимала Москва. Простые люди полны решимости защищать свой город. У всех крепка надежда — соберет князь Дмитрий Иванович силу, придет и прогонит врага от Москвы, а они отсилятся в осаде, в город татар не пустят, а стены кремлевские высокие, каменные, выстоят.

Знают москвитяне, что и брат князя, Владимир Андреевич, времени зря не теряет, сзывает рати на подмогу Москве, утешают друг друга, подбадривают:

— Чего бояться? Вон и великая княгиня Евдокия Дмитриевна с детьми тут, в городе, и митрополит Киприан.

Прошло несколько дней, и пополз черной гадюкой из одного боярского дома в другой слухок: «Отзывает великий князь Дмитрий Иванович из Москвы свою жену Евдокию с детьми. Велит ехать к нему в Кострому».

Тут же стали собираться и бояре, говорили по своим хоромам:

— Голому нечего терять, а у кого добра много, надо бы его и спасти.

— Да и в осаде страха натерпишься. Не лучше ли загодя покинуть град?

— Не устоять Москве!

Паника поднялась среди людей именитых: один собирается, за ним другой, и поехали бояре со своим добром из Москвы.

Увидев такое, заволновался простой люд. Ударили в набат. Часто-часто бьет звонарь в самый голосистый, всполошный колокол, что звонит при пожарах или иной беде.

В такт его ударам быстро бьется кровь в висках людей. И они бросают свои дела и бегут к звоннице, чтобы узнать, о какой беде оповещает их колокол.

Когда люди узнали об измене бояр своему городу, вспыхнул в Москве мятеж. Порешили никого не выпускать — каждый должен оборонять свой город.

Поставили во всех вратах кремлевских стражу, чтобы никто не смог уйти. И не напрасно поставили: по улицам Кремля погромыхивали тяжело груженные боярские подводы.

— Бежать из Москвы не дозволено! — закричал стоявший у ворот человек с обнаженным мечом боярину, подкатившему к вратам.

— А ты кто таков, что мне указываешь? — гневно спросил в ответ боярин.

— Я защитник градский, стражник. Покуда князь Дмитрий Иванович не придет с силой, не выпустим никого.

— Твой князь Дмитрий убежал наперед всех, себя спасая, — озлился боярин.

— Брешешь, пес нечестивый! — громко закричал стоявший тут же у ворот молодой ремесленник и, замахнувшись копьем, всадил его в грудь вельможи. Не своим голосом закричала жена убитого и выпрыгнула из богатого возка, вслед за нею вывалился на мостовую узел с каким-то добром. Слуги подхватили узел, увели боярыню и спешно стали поворачивать коней вспять.

— Добро тут оставьте, народом решено у изменников скарб на пользу города изымать! — закричали в толпе.

Улица быстро заполнялась вооруженными людьми. Толпа грозно гудела.

Вдруг из-за угла показался возок митрополита, а за ним второй возок выехал — великой княгини.

Улица замерла. Все ждали, что будет.

— Тоже бежите? — спросил человек, убивший боярина, — великую княгиню с детьми выпустим, а тебя, владыко, нет. Будешь в граде молить бога о помощи нам.

Киприан долго убеждал. Наконец ворота открылись. Но золото-серебро, драгоценности, которые хотели увезти с собой великая княгиня и Киприан, остались в городе.

Великая княгиня направилась в Кострому, к Дмитрию Ивановичу, а Киприан поехал в Тверь.

— Не выпускайте боле ни единого! — закричал кто-то из толпы. — Люди, метайте камнями в каждого, кто захочет выйти!

Вдруг дозорные увидели конный отряд. Насторожились. Кто бы это? Оказалось — находившийся на Руси литовский князь Остей, прислал его Дмитрий Иванович.

Вошел в Москву Остей, тут же приказал сжечь все посады вокруг Кремля:

— Жгите чисто, ни единого дерева, ни тына не оставьте, чтобы не из чего было делать врагу примет.

Всем, кто мог стрелять из луков и самострелов, Остей приказал быть на стенах. Велел заготавливать камни и бревна, сказал:

— Близко уже Тохтамыш.

Приготовили большие котлы. В них будут кипятить воду, плавить смолу и лить на головы врагам, коль ползут на стены.

Ворота Кремля накрепко заперли.

Двадцать третьего августа в послеобеденное время увидели стражники с высоких башен Кремля приближавшихся татар. Тотчас запели тревожно трубы. Их высокие и звонкие голоса возвещали москвитянам, всем, кто укрылся в Кремле: враг у ворот...

Не доезжая до стены, татары остановили своих коней. Русские, приготовив самострелы и подняв луки, смотрели, что будет.

Несколько всадников отделились от отряда и подъехали к стене. Один из них спросил:

— Есть ли князь Дмитрий в граде?

— Нет его в граде! — прокричали в ответ.

Татары отъехали к своим. Потом поскакали вокруг города, внимательно всматриваясь, словно измеряли глубину рвов, высоту стен, оценивали прочность ворот, будто выбирая место для приступа.

Русские были удивлены и обрадованы, что татарская рать оказалась немногочисленной.

— Ну, этих-то мы одолеем! — говорили защитники Кремля.

— То против нас не сила!

— Да они и сами не пойдут, побоятся!

Спокойнее засыпали в эту ночь люди в Кремле.

...А наутро под стенами города увидели граждане самого царя Тохтамыша.

Он привел такую огромную силу, что ужас поселился среди осажденных. Мужественные ободряли приунывших:

— Да не устрашимся пришествия татарского, имеем бо град камен и врата железные! Еды у нас хватит! Питья хватит!

— Не вытерпят враги долго стоять под стенами нашими.

— Убоятся нас и князей наших, что скоро придут к нам на выручку.

— Ишь, а град-то со всех сторон облепили... — слышались голоса.

— Что же стоим, не бьем врагов наших?

Первые стрелы полетели в татар.

В ответ из татарского стана взметнулись тучи стрел. Многие тысячи их ударились о стены, многие убили и ранили защитников Кремля...

Долго сплошным дождем сыпались стрелы татарские.

Наконец приказал Тохтамыш идти на приступ. С криком бросились татары к кремлевским стенам, представляли к ним лестницы и лезли вверх. Потоки кипятка и горячей смолы потекли на них.

Стоны, дым, вопли...

Отошли татары.

— Победа! — кричали защитники Кремля.

На второй день начался новый приступ.

Опять жужжали стрелы, летели пущенные из метательных снарядов камни, а с кремлевских стен стреляли из тюфяков * и пушек.

— Смотри, какой важный татарин, не иначе как мурза, — сказал стоявший над Фроловскими воротами купец-суконник Адам своему соседу, боярскому холопу.

— Где?

— Да вон, нарядный, сановитый, гляди...

Адам выпустил из самострела стрелу. Знатный татарин упал. Окружавшие его засуетились. В ответ на защитников Фроловских ворот взметнулась туча стрел.

И снова лезли на стены татары. Снова лили на них защитники Кремля кипяток и кипящую смолу.

Второй приступ был отбит. Три дня стояли татары, смертоносным поясом сжимая город. А на четвертый день, двадцать шестого августа, защитники увидели, что к стенам направились, подавая знаки, что идут для переговоров, несколько знатных татар и с ними два родных брата великой княгини Евдокии Дмитриевны, сыновья нижегородского князя — Семен и Василий.

Выехал вперед богато одетый старый татарин и закричал по-русски:

— Вас, людей своего улуса, царь Тохтамыш хочет жаловать! Вы пред ним ни в чем не повинны. Пришел хан беглого холопа казнить, Дмитрия. Он говорит вам: «Я не пришел владения своего истеряти, но соблюсти!» Царь не будет разорять ваш город.

Заговорил второй посланник Тохтамыша:

— Царь ни от кого ничего не требует. Разве только

* Тюфяки — первые русские артиллерийские орудия.

чтоб вышли к нему с честью и легкими дарами! Это честь для вас — легкие дары.

Заговорил и третий татарин:

— Хочет царь Тохтамыш увидеть град ваш и в нем побывать. А вам всем дарует мир и любовь свою! Отворите ему градные ворота!

— Ишь, ворота ему отвори! — закричали со стены в ответ.

— Мы еще не ополоумели!

— Знаем мир и любовь ваши.

Выступили вперед Семен да Василий, сыны нижегородского князя.

— Верьте нам! — сказал Семен. — Мы, ваши князья христианские, вам то же говорим и клянемся на том. — С этими словами он снял с себя крест и поцеловал его.

— Не прячьтесь от хана Тохтамыша! — поддержал брата Василий. — Клянусь на святом евангелии.

Русские стали совещаться.

— Чем кровь проливать, лучше поклониться. Поклонившись, голова не отломится, — сказал кто-то из бояр.

— А по мне — нельзя ворота открывать, — усомнился гражданин, простой человек. — Говорят, бояся козла спереди, коня сзади, а татарских вельмож, я мню, со всех сторон.

— Родные братья нашей великой княгини клянутся, что правду говорят татарове, — вступился кто-то третий...

И решил народ московский: поверить татарам. Вон и княжичи нижегородские к тому зовут.

Медленно, как бы думая, а стоит ли им отворяться, раскрывались все шире и шире железные, крепкие главные ворота Кремля.

Впереди шел князь Остей и знатные люди, архимандриты, игумены, попы с крестами, а потом и простой народ московский. Не с оружием вышли, а с дарами.

Выпустили татары доверчивых людей, а потом внезапно, как нападает хищник на добычу, бросились на безоружную толпу и начали рубить. Первым погиб князь Остей. Ордынцы ринулись в ворота, лезли по лестницам на стены. Началось избиение. Люди в панике метались по улицам в одиночку и целыми толпами. Всюду наступала их смерть.

Богатых грабили, раздевая донага. Бедных рассекали кривыми саблями надвое — что с них взять? Опьяненные удачей, врывались в церкви, входили в алтари, обдирали с икон золотые и серебряные оклады, жемчуг и драгоценные камни. Книги раздирали, топтали конскими копытами, искали, не спрятано ли что за их грудами.

Дочиста разграбили богатые дома, добрались и до великокняжеской казны.

Скоро грабить было уже нечего, и зажгли татары город с разных концов, и он пылал днем и ночью...

...А когда огонь потух, некому стало ходить по пожару.

Это была месть за Куликово поле, это было желание уничтожить силу Москвы, дерзнувшую подняться против Орды.

Захватив Москву, Тохтамыш решил навести страх и на другие русские города. Он разделил свое войско на части и послал во Владимир, в Переславль, в Звенигород, в Можайск, в другие города и села. И понесли они повсюду смерть и разорение. Людей или убивали, или угоняли в плен.

Пошло было татарское войско к Твери, но успел тверской князь отправить навстречу Тохтамышу своего посла Гурленя.

Поначалу ратники ордынские схватили посла, не жалая били, ограбили, а потом уж привели к хану.

Низко кланяясь, Гурлень сказал, что князь Михаил Александрович признает власть великого Тохтамыша,

шлет многие дары... Вспотел посол от страха — нет тех даров, разграбили.

— Да вот, великий хан, — осмелился сказать Гурлень, — забрали твои люди те дары.

И повелел Тохтамыш все вернуть послу, что у него отняли.

Низко кланяясь, преподносит Гурлень дары хану. А взамен повез своему князю ярлык на тверское княжение и посулы на великое.

Между тем князь серпуховской Владимир Андреевич встретил татарский отряд под Волоком-Ламским и разбил его.

А когда донесли хану, что и Дмитрий Иванович собрал силу и идет в Москву, засобирався Тохтамыш в обратный путь, боясь потерять добычу. Спешно уводил он большой полон и увозил награбленное богатство.

По дороге разграбил Коломну, не пощадил и рязанскую землю. Пришлось бежать князю Олегу Ивановичу из своего стольного города.

Так заплатил Тохтамыш ему за дружбу — должно быть, забыл, что указывал ему Олег броды на Оке.

* * *

Скорбным было возвращение Дмитрия Донского и его брата Владимира.

Вместо дворца князя — пепелище. Сгорел и золотоверхий набережный терем со стекольчатыми оконцами, где плакала великая княгиня Евдокия, провожая своего мужа на битву с татарами.

И повелел Дмитрий собирать разбежавшихся по лесам людей.

Ездили глашатаые и возвещали:

— Князь великий, Дмитрий Иванович, скликает простых людей хоронить погибших от Тохтамыша.

— За восемьдесят погребенных князь великий платит один рубль каждому!

...Среди людей, кто откликнулся на зов великого князя всея Руси, были Ерофей и Степан-плотник, который, вернувшись с Куликова поля, жил у своего приемного сына.

Оба отправились на пожарище Москвы, хоронили погибших.

Однако были вести, что уцелели дети Юрки-сапожника и Доронки-кузнеца.

— Не кручинься, Ерофеюшка, — сказал Степан. — Встанет опять Москва. Теперь же иди домой. Анюте и старой Пелагее от меня низко кланяйся.

— Как же так, батюшка? — удивился Ерофей.

— Я тут останусь. Плотнику сейчас много дел в Москве. Ты же ступай к семье, землю паши, детей расти.

Обнялись они, поклонились земно друг другу и разошлись в разные стороны.

Вернулся Ерофейка домой, вошел в свою избу, молча сел на лавку, вздохнул. Ни жена Анюта, ни Пелагея ни о чем его не спрашивали. Без слов ясно.

— Говорят, издержал великий князь Дмитрий на погребение погибших от Тохтамыша триста рублей, — начал рассказывать Ерофейка.

— Народ что бор дремучий: весь до корня не вырubiшь, — ответила ему бабушка Пелагея.

— А я думала, — вступила в разговор Анюта, — что после Куликовской битвы пришел конец нашей неволе.

— Неволе не конец, а битвы великой начало. Начало же концом славится! — ответил Ерофейка.

— Вот Москва пала... — начала было снова Анюта.

— Устасть не беда, беда не подняться! — перебил ее Ерофейка.

— Кабы князь-то Дмитрий Иванович побыстрее к Москве-то пришел, — молвила Пелагея.

— Винить надобно не князя, а тех, кто на его зов не откликнулся и не пришел к нему, — вздохнул Ерофей. — Сбирать-то против Тохтамыша не сотни, а тысячи воинов надобно было. А где их взять? Спят воины на Куликовом поле. Ну ничего, сегодня не без завтра.

В избе становилось все темнее, темнее, а надо было повечерять засветло. Анята поставила на стол пшеничную кашу, принесла молоко. Ерофей взял большую округлую ковригу ржаного хлеба, прижал к груди и начал резать толстыми ломтями, подавая каждому кусок.

Он резал хлеб не спеша, аккуратно, чтобы не было крошек. Потом легонько стукнул ложкой о край миски, и все начали есть, зачерпывая кашу деревянными ложками.

Продолжается жизнь на Руси.

* * *

Много забот у великого князя московского. А силы жизненные иссякают, болеет князь. Иногда, особенно по ночам, чудится: вот-вот остановится сердце.

Никому не говорит Дмитрий Иванович о своей хвори — ни жене, ни детям, ни боярам знатным. Занимается великокняжескими делами, по-прежнему приводит князей под свою руку. Сызмальства знает — в единении сила. И куликовская победа всем показала это.

РУСЬ БУДЕТ СВОБОДНОЙ

Солнце пошло ввысь, угрожая зиме. Воздух стал таким прозрачным, что казалось — видна вся земля до самого ее края. Звон капли, щебет первых вернувшихся на родину птиц наполняли мир радостью.

А в великокняжеских хоромах беда: умирает князь Дмитрий Иванович.

В один из дней он призвал к себе Владимира Андреевича и старейших бояр, чтобы заключить с двоюродным братом договор, по которому Владимир Андреевич обязался бы считать Дмитрия отцом своим, а своего племянника, старшего сына Дмитрия, Василия, своим братом старейшим и не искать московской отчины Дмитрия и великого княжения владимирского.

Старейшие бояре и духовенство подкрепили доведение, сговор этот, своими подписями свидетелей и скрепили печатью.

Шестнадцатого мая 1389 года Дмитрий Иванович узнал, что родился у него сын. Нарекли младенца Константином.

Князь Владимир Андреевич очень беспокоился о жизни брата и потому домой не отъезжал.

Семнадцатого мая Дмитрию Ивановичу стало совсем худо. А на следующий день словно полегчало. Он призвал к себе княгиню Евдокию, старейших бояр, князя Владимира Андреевича и детей.

— Послушайте меня все, — сказал Дмитрий. — Я отхожу от жизни этой. Княгиня моя, Евдокия, тебе оставляю детей своих.

Евдокия, бледная, еще совсем слабая после недавних родов, подошла к его ложу, хотела что-то сказать, но не смогла, разрыдалась, прижавшись лицом к мужу.

— Овдотьюшка, княгиня моя милая, не плачь, — тихо говорил великий князь. — А вы, сыновья, бойтесь бога и чтите свою мать. Бояр же своих любите и честь им достойную воздавайте. Без совета с ними ничего не творите. Приветливы будьте со всеми, кто служит вам. Все сотворяйте с рассуждением. И не забывайте советоваться с матерью вашей, моей княгиней великой Евдокией Дмитриевной.

Потом, отдохнув, собрав последние силы, Дмитрий Иванович сказал боярам:

— Перед вами я родился и возрос. С вами княжил, с вами ходил на брань. Радовался и скорбел с вами. Теперь же вспомните слова ваши. Вы говорили, что будете верно служить мне и детям моим. Так послужите после смерти моей великой княгине Евдокии и детям моим от всего вашего сердца. Во время радости веселитесь с ними, во время скорби не оставляйте их.

И поцеловал великий князь всея Руси княгиню свою, и детей, и брата Владимира, и бояр. И благословил всех.

Девятнадцатого мая в два часа ночи великий князь всея Руси Дмитрий Иванович Донской умер.

На следующий день, двадцатого мая 1389 года, понесли его тело в церковь архангела Михаила, туда, где были похоронены его дед и отец.

Совершали погребение игумен Троицкой обители Сергей Радонежский, гостивший в Москве греческий митрополит Феогност и русские епископы и игумены.

Убивалась великая княгиня, причитала сквозь рыдания:

— Что же, мой князь, ничего не скажешь мне? Что же ты не смотришь на меня, на детей своих? Зачем закрыты глаза твои?.. Что же не дашь ответа, княже мой Дмитрий, мертвый лежишь...

Владимир Андреевич был рядом с ней. Он не утешал ее. Он тоже плакал, не стесняясь рыданий и слез, не скрывая своего горя.

Дмитрий Михайлович Волинский — Боброк, его жена, сестра Дмитрия Анна, множество народа в глубоком горе провожали своего великого князя, героя Куликовской битвы Дмитрия Донского.

И оставил великий князь Дмитрий Донской завещание:

«Во имя отца и сына и святого духа, я, грешный худый раб божий Дмитрий Иванович, пишу грамоту духовную в здравом своем уме.

Приказываю отчину мою Москву детям своим, князю Василию, князю Юрию, князю Андрею и князю Петру. А брат мой, князь Владимир, пусть владеет своей третью, как его благословил отец, князь Андрей...

Горела, волости, деревни, драгоценные иконы, золотые цепи, пояса, бармы*, стада — все делится между наследниками, как положено делить это в духовных грамотах».

Еще со времен установления владычества монголо-татарских ханов на Руси после смерти великого князя отправлялись русские князья к татарскому хану, чтобы узнать, кому из них быть старейшим. Дмитрий Донской впервые сам благословил великим княжением владимирским своего старшего сына Василия и называл это княжение своей отчиной, отвергая этим право хана назначать на Руси великого князя. И выразил надежду, что сыновья его перестанут платить дань в Орду.

Подчинились русские князья распоряжению Дмитрия. Не перечил и татарский хан, ибо победа на поле Куликовом нанесла сильнейший удар господству монголо-татарских поработителей на земле русской.

Недолгой была жизнь великого князя Дмитрия Ивановича, но слава его будет жить на земле вечно.

Слава великого князя, впервые объединившего под главенством Москвы силы русского народа для великой борьбы против татаро-монгольского ига.

Слава полководца, одержавшего первую, беспримерную победу на поле Куликовом — поле русской славы.

* Барма — принадлежность парадного наряда московских князей, надевалась на плечи.

Победу, которая положила начало освобождению Руси от монголо-татарского ига.

После этой славной победы Русь осознала свои силы, и татарские ханы со своими несметными полчищами уже не казались русским страшными и непобедимыми.

Вечной будет слава русского народа, сокрушившего на поле Куликовом могучее монголо-татарское войско во имя свободы своей родины.

СОДЕРЖАНИЕ

Кому быть великим князем?	5
Юрка — сын сапожника	32
Черная смерть	36
Всехсвятский пожар	53
Москва белокаменная	63
Вторая литовщина	71
Снова Тверь	73
Земля снова курится	82
Как раскололся второй орех	87
Река Пьяна	90
Смерть митрополита Алексия	93
Битва на реке Воже	103
Митяй отправляется в Царьград	107
Олег рязанский	109
Русь собирает силы	112
Благословение	119
Конечное целование	121
Трубят трубы на Коломне	125
За Доном, на поле Куликовом	131
Великая битва	135
Живые ищут живых	148
Звенит слава по всей земле русской	152
Бесславный конец	156
Набег Тохтамыша	158
Русь будет свободной	170

Сукневич И. И.

С 89 Битва на поле Куликовом (Дмитрий Донской).
(Хронологическое повествование.) Художник
Ю. Семенов. М., «Молодая гвардия», 1977.

176 с. с ил. (Пионер — значит первый).

Куликовская битва явилась началом освобождения Руси, первым сокрушительным ударом по монголо-татарским завоевателям. Победа над сильным и грозным врагом на поле Куликовом была достигнута благодаря начавшемуся объединению русских земель вокруг Москвы, героизму, самоотверженности русских воинов и полководческому искусству Дмитрия Донского. Об этом и рассказывает книга.

с 70803—240
078(02)—77 098—77

9(С)13

ИБ № 674

Ирина Иосифовна Сукневич
БИТВА НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Редактор **Надежда Тимофеева**
Художественный редактор **Александр Гладышев**
Технический редактор **Надежда Баранова**
Корректоры: **Карина Пипикова, Галина Василёва**

Сдано в набор 28/V 1977 г. Подписано к печати 24/VIII 1977 г.
А00708. Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 1. Печ. л. 5,5 (усл. 7,7).
Уч.-изд. л. 7,6 Тираж 100 000 экз. Цена 35 коп. Т. II. 1977 г.,
№ 98. Заказ 890.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

35 коп.

54

ВЫПУСК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ